

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Юридический факультет
Клуб предпринимательского права

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ЗАЩИТЫ ВЕЩНЫХ ПРАВ.
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
АРБИТРАЖНОГО ПРОЦЕССА**

Материалы ежегодной научно-практической
конференции молодых ученых
(г. Пермь, ПГНИУ, 6 мая 2016 г.)

Пермь 2016

УДК 346.26+347.7
ББК 67.400
А 43

Актуальные проблемы защиты вещных прав. Актуальные проблемы арбитражного процесса: материалы ежегод. науч.-практ. конф. молодых ученых (г. Пермь, ПГНИУ, 6 мая 2016 г.) / отв. ред. Д. Н. Латыпов, В. Г. Голубцов; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. – Пермь, 2016. – 135 с.
ISBN 978-5-7944-2782-0

В сборнике публикуются материалы ежегодной научно-практической конференции молодых ученых «Актуальные проблемы защиты вещных прав. Актуальные проблемы арбитражного процесса», состоявшейся на базе юридического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета 6 мая 2016 г. Данная конференция является сателлитным проектом ежегодного форума «Пермский Конгресс ученых-юристов».

Исследуются актуальные проблемы предпринимательского права, корпоративного права, гражданского и арбитражного процесса и ряда других отраслей права.

Издание предназначено для научных и практических работников.

УДК 346.26+347.7
ББК 67.400

Печатается по решению оргкомитета конференции

Члены жюри

Н. А. Субботина – судья Арбитражного суда Пермского края, заместитель председателя Арбитражного суда Пермского края

Е. И. Гуляева – судья Арбитражного суда Пермского края, председатель 6-го судебного состава

М. А. Вихнина – судья Арбитражного суда Пермского края

Редакционная коллегия

В. Г. Голубцов – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса юридического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета, судья Семнадцатого арбитражного апелляционного суда, член Научно-консультативного совета при Арбитражном суде Уральского округа, заместитель председателя постоянно действующего исполнительного комитета по проведению ежегодного Пермского конгресса ученых-юристов, ответственный ученый секретарь редакционного совета научного журнала «Вестник Пермского университета. Юридические науки»

Д. Н. Латыпов – кандидат юридических наук, доцент кафедры предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса юридического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета

Ж. А. Мингалева – доктор экономических наук, профессор кафедры предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса юридического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета.

Ответственные редакторы: **Д. Н. Латыпов, В. Г. Голубцов**

ISBN 978-5-7944-2782-0

© ПГНИУ, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Азанов М. В.</i> МЕРЫ ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ БАНКРОТСТВА	6
<i>Акинфиева В. В.</i> МИРОВОЕ СОГЛАШЕНИЕ В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ НА СТАДИИ ИСПОЛНЕНИЯ СУДЕБНОГО АКТА: НАПРАВЛЕНИЕ ЗАЯВЛЕНИЯ ОБ УТВЕРЖДЕНИИ И РАССМОТРЕНИЕ БЕЗ ПРИСУТСТВИЯ СТОРОН	9
<i>Альматова Э. А.</i> ПРАВОВАЯ ПРИРОДА МАШИНО-МЕСТ	12
<i>Альматова Э. А.</i> СУДЬБА «ГОНОРАРА УСПЕХА»	15
<i>Афанасьев А. Б.</i> ФОРМА ДОГОВОРА БАНКОВСКОГО ВКЛАДА: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ	18
<i>Василенко А. А.</i> ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В КОРПОРАТИВНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ	23
<i>Вилесова М. С.</i> ПРАВОВОЙ СТАТУС ИНДИВИДУАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ	27
<i>Воронцова К. Г.</i> ИНСТАНЦИОННАЯ ПОДСУДНОСТЬ В КОНЦЕПЦИИ ЕДИНОГО ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА РФ	29
<i>Голубцов В. Г.</i> РЕФОРМА РОССИЙСКОГО КОРПОРАТИВНОГО ПРАВА: ПЕРВЫЕ ИТОГИ	32
<i>Горбунов Г. А.</i> ВЕЩНО-ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ПРАВ ХОЗЯЙСТВЕННОГО ВЕДЕНИЯ И ОПЕРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ	35
<i>Грибиниченко Л. О.</i> ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ДОЛЕВЫХ СОСОБСТВЕННИКОВ	38
<i>Зырянов Д. Р.</i> К ВОПРОСУ О НЕДОСТАТОЧНОСТИ ВОЗНАГРАЖДЕНИЯ ФИНАНСОВОМУ УПРАВЛЯЮЩЕМУ В БАНКРОТСТВЕ ГРАЖДАНИНА	43
<i>Ившина Б. И.</i> ВОССТАНОВЛЕНИЕ КОРПОРАТИВНОГО КОНТРОЛЯ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ	46
<i>Казаков А. А.</i> БАНКРОТСТВО ИНДИВИДУАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ	49
<i>Казакова А. Н.</i> ДОСРОЧНЫЙ ВОЗВРАТ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО КРЕДИТА КАК ПОСЛЕДСТВИЕ НАРУШЕНИЯ ЗАЕМЩИКОМ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ	52
<i>Кац Р. Ю.</i> ПЕРСПЕКТИВЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ВОССТАНОВЛЕНИЯ КОРПОРАТИВНОГО КОНТРОЛЯ ПОСРЕДСТВОМ ИСТРЕБОВАНИЯ	

ЦЕННЫХ БУМАГ ИЗ ЧУЖОГО НЕЗАКОННОГО ВЛАДЕНИЯ	56
<i>Клаузер О. О.</i> К ВОПРОСУ ОБ ИНСТИТУТЕ ОБЕСПЕЧИТЕЛЬНЫХ МЕР ПРИ РАССМОТРЕНИИ КОРПОРАТИВНЫХ СПОРОВ В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ	59
<i>Колесень Е. В.</i> ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАССМОТРЕНИЯ КОРПОРАТИВНЫХ СПОРОВ	62
<i>Комышева О. И.</i> СПОСОБЫ ЗАЩИТЫ ВЕЩНЫХ ПРАВ В СВЕТЕ РЕФОРМЫ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ	66
<i>Костарева В. А.</i> ОСОБЕННОСТИ ПРИЗНАНИЯ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ НА ОБЪЕКТЫ САМОВОЛЬНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА	69
<i>Куликова Е. К.</i> СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРИНЦИПОВ АРБИТРАЖНОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА И ПРИНЦИПОВ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА	72
<i>Латыпов Д. Н.</i> ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ НАДЛЕЖАЩЕГО СПОСОБА ЗАЩИТЫ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ: ОБЗОР СУДЕБНОЙ АРБИТРАЖНОЙ ПРАКТИКИ	74
<i>Лыскова Ю. Е.</i> НЕОТДЕЛИМОЕ УЛУЧШЕНИЕ ЗЕМЕЛЬНОГО УЧАСТКА ИЛИ САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ ОБЪЕКТ НЕДВИЖИМОСТИ?	76
<i>Любимова Е. В.</i> ПРАВИЛА ПОДВЕДОМСТВЕННОСТИ В ПРОЕКТЕ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА РФ	79
<i>Мальгина Т. А.</i> ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ БАНКРОТСТВА СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ	83
<i>Мельников Е. Ю.</i> ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РЕЗУЛЬТАТОВ РЕФОРМЫ ГК РФ В ЧАСТИ УСТАНОВЛЕНИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ПЕРЕГОВОРНЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ	85
<i>Микова М. И.</i> О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ	88
<i>Мингалева Ж. А.</i> ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕЖИМА ИМУЩЕСТВА, ПЕРЕДАВАЕМОГО В ЗАЛОГ В КРЕДИТНОМ ДОГОВОРЕ	92
<i>Миронова А. И.</i> ПОРЯДОК ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ОТСРОЧКИ УПЛАТЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОШЛИНЫ В АРБИТРАЖНОМ И ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ	95

<i>Мягкова А. В.</i> МЕТОДЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВНЕШНЕТОРГОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	99
<i>Никулина А. Р.</i> СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ВАЛЮТНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В РФ	101
<i>Окулова Е. А.</i> НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ АРБИТРАЖА В РОССИИ	105
<i>Сунцова Е. А.</i> О СУДЬБЕ ПРАВА ХОЗЯЙСТВЕННОГО ВЕДЕНИЯ В СЛУЧАЕ ВЫДЕЛА ДОЛИ В ПРАВЕ СОБСТВЕННОСТИ НА ИМУЩЕСТВО	108
<i>Сыропятова Н. В.</i> АРЕСТ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ НА БАНКОВСКОМ СЧЕТЕ КАК ОБЕСПЕЧИТЕЛЬНАЯ МЕРА В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ	112
<i>Сятчихин А. В.</i> УБЫТКИ ЗАРАНЕЕ ОЦЕНЕННЫЕ И ШТРАФНЫЕ: К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ	116
<i>Фролович Э. М.</i> СУДЕБНЫЕ ИЗДЕРЖКИ В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ	120
<i>Хайров А. А.</i> ДОСРОЧНЫЙ ВОЗВРАТ КРЕДИТА ПО ИНИЦИАТИВЕ ЗАЕМЩИКА-ПОТРЕБИТЕЛЯ	123
<i>Хусноярова М. М.</i> ИСПОЛНЕНИЕ СУДЕБНЫХ АКТОВ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЗАКАЗА	126
<i>Чиклаев Р. В.</i> ПРОЦЕССУАЛЬНО-ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ (НА ПРИМЕРЕ ФИНАНСОВЫХ РЫНКОВ)	129

МЕРЫ ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ БАНКРОТСТВА

Меры по предупреждению банкротства могут пониматься в широком и узком смысле.

В широком смысле к таковым относятся меры, которые позволят исключить банкротство путем погашения долгов перед кредиторами должника в полном объеме. При таком подходе к вопросу о мерах по предупреждению банкротства относятся не только меры, предусмотренные гл. 2 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»¹ (уведомление руководителем юридического лица собственника имущества должника – унитарного предприятия, лиц, имеющих право инициировать внеочередное общее собрание акционеров, участников; досудебная санация), но и так называемые реабилитационные процедуры (финансовое оздоровление, внешнее управление, процедура мирового соглашения), а также иные предусмотренные законодательством меры, которые своей задачей имеют предотвращение прекращения юридического лица в связи с его банкротством (в частности, ст. 9, 75, 125, 146 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)») [1, 2].

Меры по предупреждению банкротства в узком смысле – это меры по финансовому оздоровлению должника, осуществляемые до подачи заявления о признании должника банкротом в арбитражный суд [3].

В настоящей статье мы предлагаем более подробно рассмотреть такой правовой институт, как диагностику банкротства.

Т. М. Жукова, К. С. Кондратьева дают следующее определение диагностики банкротства – это финансовый анализ, который направлен на выявление таких изменений в деятельности фирмы, которые потенциально опасны с точки зрения наступления несостоятельности [4].

Официальные системы критериев для оценки неплатёжеспособности закреплены в постановлении Правительства РФ от 25 июня 2003 г. № 367 «Об утверждении Правил проведения арбитражным управляющим финансового анализа»².

Также на сегодняшний день действует приказ Минэкономразвития РФ от 18 апреля 2011 г. № 175 «Об утверждении Методики проведения анализа финансового состояния заинтересованного лица в целях установления угрозы возникновения признаков его несостоятельности (банкротства) в случае единовременной уплаты этим лицом налога»³, который определяет правила проведения

© Азанов М. В., 2016

¹ *Собрание* законодательства Рос. Федерации. 2002. № 43. ст. 4190.

² Там же. 2003. № 26. ст. 2664.

³ Российская газета. 2011. № 138.

Федеральной налоговой службой анализа финансового состояния хозяйствующего субъекта – заинтересованного лица (далее – заинтересованное лицо), не имеющего признаков (несостоятельности) банкротства, для установления наличия угрозы возникновения признаков несостоятельности (банкротства) этого лица в случае единовременной уплаты им налога с целью решения вопроса о предоставлении отсрочки или рассрочки по основанию, предусмотренному подп. 3 п. 2 ст. 64 части первой Налогового кодекса Российской Федерации.

Необходимо ответить на вопрос о том, насколько распространено проведение диагностики банкротства в обязательном порядке.

Прямо обязанность предусмотрена законодательством лишь в отношении стратегических предприятий и организаций путем организации проведения учета и анализа финансового состояния стратегического предприятия и организации и их платежеспособности.

Такой учет и анализ финансового состояния и платежеспособности предприятий и организаций проводится Федеральной налоговой службой в соответствии с методикой, утверждаемой Министерством экономического развития и торговли Российской Федерации¹.

Диагностика банкротства может проводиться как составной элемент других мер по предупреждению банкротства. Так, в отношении финансовых организаций при введении временной администрации проводится исследование причин, которые привели к необходимости введения временной администрации, оценивается возможность восстановления платежеспособности финансовой организации.

Следует установить, имеет ли место диагностика банкротства при обязательном аудите.

Так, согласно п. 2 постановления Правительства РФ от 23 сентября 2002 г. № 696 «Об утверждении федеральных правил (стандартов) аудиторской деятельности»², целью аудита является выражение мнения о достоверности финансовой (бухгалтерской) отчетности аудируемых лиц и соответствии порядка ведения бухгалтерского учета законодательству Российской Федерации. Аудитор выражает свое мнение о достоверности финансовой (бухгалтерской) отчетности по всем существенным позициям.

Таким образом в рамках аудита не даётся прогноз финансового положения юридического лица, а значит аудит не предполагает диагностику банкротства.

В силу ст. 92 Федерального закона от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах»³ публичные акционерные общества (а при определённых условиях и непубличные акционерные общества) обязаны раскрывать определенную информацию, в том числе годовой отчет общества.

Годовой отчет должен содержать: описание основных факторов риска, связанных с деятельностью акционерного общества; показатели, характеризующие

¹ *Собрание законодательства Рос. Федерации*. 2005. № 52 (3 ч.). ст. 5754.

² Там же. 2002. № 39. ст. 3797.

³ Там же. 1996. № 1. ст. 1.

динамику изменения стоимости чистых активов и уставного капитала общества; результаты анализа причин и факторов, которые, по мнению совета директоров (наблюдательного совета) акционерного общества, привели к тому, что стоимость чистых активов акционерного общества оказалась меньше объема его уставного капитала.

Указанное не позволяет утверждать, что подготовка годового отчёта акционерного общества включает в себя проведение диагностики банкротства.

Также в акционерном обществе предусмотрено формирование в обязательном порядке ревизионной комиссии [5].

Предметом деятельности ревизионной комиссии является осуществление контроля за финансово-хозяйственной деятельностью, ее проверка. По итогам проверки финансово-хозяйственной деятельности общества ревизионная комиссия (ревизор) общества или аудитор общества составляет заключение, в котором должны содержаться: подтверждение достоверности данных, содержащихся в отчетах и иных финансовых документов общества; информация о фактах нарушения установленных правовыми актами Российской Федерации порядка ведения бухгалтерского учета и представления бухгалтерской (финансовой) отчетности, а также правовых актов Российской Федерации при осуществлении финансово-хозяйственной деятельности.

Таким образом, деятельность ревизионной комиссии преследует те же цели, что и деятельность аудитора.

Поскольку диагностика банкротства представляет собой исследование отличное от аудита, от ревизионной проверки, от исследования, проводимого при подготовке годового отчета акционерного общества, можно сделать вывод, что действующее законодательство прямо предусматривает обязательную диагностику банкротства лишь в отношении стратегических предприятий и организаций. Усеченная, неполная, диагностика банкротства проводится при разрешении вопроса о предоставлении отсрочки или рассрочки уплаты налога.

Каковы последствия выявления в ходе такой диагностики наличия угрозы банкротства?

Действующее законодательство не содержит каких-либо правовых последствий при выявлении угрозы банкротства (за исключением ее выявления в рамках обязательной диагностики в отношении стратегических организаций). А это значит, что диагностика банкротства влечет лишь информированность о финансово-хозяйственном состоянии лиц. Так как информированность может быть достигнута в случае добровольного диагностирования, введение всеобщей обязательной диагностики нецелесообразно. При этом необходимо отметить общедоступность самостоятельной диагностики банкротства, основанной на методиках, использующих лишь сведения из бухгалтерской отчетности организаций, поскольку к последним предоставлен общий доступ, в частности, посредством сервиса на сайте Росстата.

Мы полагаем, что целесообразно проводить диагностику банкротства в обязательном порядке лишь в отношении крупных организаций, имеющих большую социальную значимость.

Список литературы

1. Жукова Т. М., Кондратьева К. С. Особенности совершенствования порядка нормативно-правового регулирования санкции как способа обеспечения финансовой устойчивости должника // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2012. № 3. С. 101–102.
2. Голубцов В. Г., Кондратьева К. С., Сыропятова Н. В. Обеспечение баланса частного и публично-правового регулирования в процессе предупреждения банкротства с использованием мер, направленных на стимулирование должника к надлежащему исполнению обязательств // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2014. № 2. С. 66–67.
3. Анохин В. Мировое соглашение в арбитражном процессе // Хозяйство и право. 2000. № 6. С. 12.
4. Жукова Т. М., Кондратьева К. С. Современные особенности применения экономических моделей диагностики вероятности наступления банкротства юридических лиц // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2014. № 1. С. 198.
5. Суханов Е. А. Сравнительное корпоративное право. М.: Статут, 2014. С. 328; Павлюк А. В. К вопросу о понятии акционерного общества в российском праве // Адм. и муницип. право. 2015. № 1. С. 11.

В. В. Акинфиева

старший преподаватель кафедры предпринимательского права,
гражданского и арбитражного процесса ПГНИУ

МИРОВОЕ СОГЛАШЕНИЕ В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ НА СТАДИИ ИСПОЛНЕНИЯ СУДЕБНОГО АКТА: НАПРАВЛЕНИЕ ЗАЯВЛЕНИЯ ОБ УТВЕРЖДЕНИИ И РАССМОТРЕНИЕ БЕЗ ПРИСУТСТВИЯ СТОРОН

Согласно части 4 статьи 49 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (в ред. от 15.02.2016 г.)¹ (далее – АПК РФ), стороны могут закончить дело мировым соглашением в порядке, предусмотренном главой 15 АПК РФ.

В соответствии со статьями 139 и 141 АПК РФ, мировое соглашение может быть заключено сторонами на любой стадии арбитражного процесса и при исполнении судебного акта; оно может быть заключено по любому делу и подлежит утверждению арбитражным судом, в производстве которого находится дело.

Согласно статье 50 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (в ред. от 30.03.2016 г.)², стороны исполнительного производства вправе до окончания исполнительного производства

© Акинфиева В. В., 2016

¹ Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 15.02.2016); Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 7, ст. 906; Российская газета. 2016. № 33.

² Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 30.03.2016); Рос. газета. 2016. № 69. Парламентская газета. 2016. № 12; Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 14. ст. 1910.

вправе заключить мировое соглашение, соглашение о примирении, утверждаемые в судебном порядке.

При этом положения части 1 статьи 141 АПК РФ отдельно указывает на то, что, в случае если мировое соглашение заключено в процессе исполнения судебного акта, оно представляется на утверждение арбитражного суда первой инстанции по месту исполнения судебного акта или в арбитражный суд, принявший указанный судебный акт. Арбитражный суд в случае заключения мирового соглашения на стадии исполнительного производства обязан рассмотреть вопрос о его утверждении в срок, не превышающий одного месяца со дня поступления в суд заявления об утверждении мирового соглашения.

Заметим, что ни общие правила АПК РФ о заявлении ходатайств и подачи заявлений в арбитражный суд, ни специальные нормы главы 15 АПК РФ не регулируют вопрос о том, какой из сторон спора должно быть заявлено ходатайство (заявление) об утверждении мирового соглашения, достигнутого на стадии исполнения судебного акта, и/или такое заявление должно быть подано сторонами совместно. Не уточняется и не разъясняется это и в постановлении Пленума ВАС РФ от 18 июля 2014 г. № 50 «О примирении сторон в арбитражном процессе»¹ (далее – Постановление).

Комплексное понимание и толкование положений АПК РФ, Постановления о регулировании отношений по заключению мирового соглашения на стадии исполнения судебного акта, а также положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (в ред. от 30.12.2015 г.)² по аналогии, позволяет сделать вывод о том, что при заявлении ходатайства в суд об утверждении мирового соглашения действуют общие правила предъявления заявлений и заявления ходатайств сторонами (ст. 41 АПК РФ).

И действительно, ввиду того, что императивное указание части 1 статьи 140 АПК РФ содержит четкое требование о том, что мировое соглашение составляется в письменной форме и подписывается обеими сторонами спора на отдельном документе до его утверждения судом, можно сделать вывод о том, что ходатайство об утверждении мирового соглашения может быть заявлено как сторонами совместно³, так и одной из сторон спора единолично⁴.

По общему правилу части 2 статьи 141, статьи 155 АПК РФ и согласно пункту 31 Постановления, вопрос об утверждении мирового соглашения рассматривается арбитражным судом в судебном заседании; в ходе данного судеб-

¹ Солидарность. 2014. № 28. Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2014. № 9.

² Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 30.12.2015); Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 1 (ч. I), ст. 45; Рос. газета. 2016. № 1.

³ Постановления ФАС: Северо-Западного округа от 3 апр. 2008 г. по делу № А42-2209/2003; Дальневосточного округа от 17 апр. 2007 г. № Ф03-А24/07-1/370.

⁴ Определение Арбитражного суда Пермского края от 15 апр. 2016 г. по делу № А50-2578/2014.

ного заседания ведется протоколирование с использованием средств аудиозаписи и составляется протокол в письменной форме.

Лица, участвующие в деле, извещаются о времени и месте судебного заседания. В случае неявки в судебное заседание лиц, заключивших мировое соглашение и извещенных надлежащим образом о времени и месте судебного заседания, вопрос об утверждении мирового соглашения не рассматривается арбитражным судом, если от этих лиц не поступило заявление о рассмотрении данного вопроса в их отсутствие.

Тем самым законодатель устанавливает некоторое особое требование и правило к судебному заседанию об утверждении мирового соглашения, заключенного на стадии исполнения судебного акта, и порядку его проведения, относительно общего правила части 3 статьи 156 АПК РФ, в части невозможности рассмотрения вопроса об утверждении мирового соглашения в отсутствие лиц, надлежащим образом извещенных о времени и месте судебного заседания.

Единственным случаем допущения рассмотрения вопроса об утверждении мирового соглашения, заключенного на стадии исполнения судебного акта, при неявке сторон является случай предоставления стороной и/или сторонами заявления о рассмотрении данного вопроса в ее/их отсутствие в порядке части 2 статьи 156 АПК РФ¹.

В завершение заметим, что в целом процедура утверждения мирового соглашения, заключенного на стадии исполнения судебного акта, не является организационно обременительной для сторон: существует возможность обращения с заявлением об утверждении одной из сторон, – как и не обязывает присутствовать стороны на судебном заседании об утверждении при направлении заявления о рассмотрении в отсутствие стороны.

Интересно, что, например, во многих судах США также действуют специальные правила, облегчающие процедуру заключения мирового соглашения по делу. Так, заключение мирового соглашения осуществляется, как правило, в порядке переговоров, в ходе которых представители сторон пытаются в интересах своих клиентов добиться принятия противной стороной выдвигаемых ими условий. Как правило, для заключения мирового соглашения присутствие самих сторон не является необходимым. Однако в некоторых случаях присутствие сторон желательно. Например, когда они могут быть не согласны с отдельными условиями мирового соглашения и адвокатам необходимо знать их мнение по данному вопросу [1].

Список литературы

1. Hazard J. C. Taruffo M. American Civil Procedure: An Introduction. Yale University Press. 1995. P. 122–123.

¹ Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 16 авг. 2012 г. по делу № А53-15304/2011; определение ВАС РФ от 19 янв. 2011 г. № ВАС-12095/10 по делу № А41-23991/09; постановление Президиума ВАС РФ от 8 сент. 2009 г. № 17447/08 по делу № А56-45577/2007.

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА МАШИНО-МЕСТ

В последние годы в России наблюдается прирост городского населения, что является одной из причин проблемы автомобилизации. Уровень транспортной востребованности свидетельствует о качестве жизни, но, с другой стороны, имеют место сложности, связанные с низким порогом развития данной инфраструктуры. Это, например, относится к состоянию дорог в стране, техническому обслуживанию автомобилей и наиболее острой, на наш взгляд, проблеме – нехватке парковочных мест. При этом с каждым годом ужесточается законодательство, которое запрещает парковку транспортных средств в местах, не отведенных для этих целей. С проблемой поиска машино-мест сталкиваются также застройщики многоквартирных домов.

Строительство подземных парковок может решить данную проблему, где каждому пользователю будет отводиться машино-место. Однако на практике существуют проблемы как в правовом регулировании распределения машино-мест, так и в оформлении прав на них.

Итак, несмотря на то, что вопрос о машино-месте действительно относится к наиболее важным, в настоящее время в законодательстве отсутствует понятие «машино-место», следовательно, затрудняется правовое регулирование отношений по их использованию.

Ранее понятие «машино-место» встречалось в некоторых утративших силу нормативных актах уровня субъекта. Так, в одном из них содержалось определение, в соответствии с которым под машино-местом признавалась часть земельного участка, предназначенная для размещения одного легкового автомобиля без прицепа в пределах отведенного участка для размещения парковки¹.

Также раскрывалось понятие машино-места в законопроекте, который так и не был принят, так как был снят с рассмотрения. Он давал следующее определение данному понятию: это часть помещения, предназначенная для размещения одного легкового автомобиля без прицепа в пределах отведенной площади для размещения автотранспортных средств в части объема здания или сооружения². В пояснительной записке к данному законопроекту указано, что его целью является осуществление возможности регистрации прав собственности на машино-место как на отдельный объект недвижимости.

Несмотря на попытки урегулирования вопроса машино-мест, правовая неопределенность по-прежнему продолжает существовать, более того, она разрешается судами по-разному. На сегодняшний день в судебной практике суще-

¹ *Временное положение о городских парковках в городе Москве: постановление Правительства г. Москвы от 1 нояб. 2005 г. № 854-ПП (утратило силу с 16.10.2012).*

² *О внесении изменений в статью 2 и статью 20 Федерального закона «Технический регламент о безопасности зданий и сооружений»: законопроект № 174235-6.*

ствуют несколько подходов для разрешения назревшей проблемы. Первые два подхода отражены в определении ВАС РФ от 27 октября 2011 г.¹

1. Машино-место – самостоятельная недвижимая вещь. Для покупателей этого объекта данный подход будет являться одним из правильных и понятных, в силу того, что они станут собственниками машино-места, следовательно, смогут легко осуществлять триаду правомочий, которые принадлежат собственнику: владение, пользование и распоряжение.

В ряде случаев, судебная практика признает машино-место объектом недвижимости, право собственности на который подлежит государственной регистрации².

Однако данное положение противоречит нескольким положениям закона. На сегодняшний день, в соответствии с законодательством о кадастре недвижимости, осуществляется учет земельных участков, зданий, сооружений, помещений, объектов незавершенного строительства. В данном перечне отсутствует машино-место. Воспользовавшись таким методом, как метод доказательства от противного, данный объект отнесли к помещениям.

При этом следует помнить, что помещение должно быть изолировано и обособлено от других помещений в здании или сооружении. Также объект недвижимости должен иметь характеристики, позволяющие определить недвижимое имущество в качестве индивидуально определенной вещи, так называемые уникальные характеристики объекта недвижимости. Но на практике машино-место обычно обозначается нанесением на покрытие пола соответствующих линий и номеров, что делает невозможным отнесение этого объекта к помещению. Более того, в подземных автостоянках, как правило, не допускается разделение машино-мест перегородками на отдельные боксы³. Следовательно, нельзя говорить об изолированности объекта. Суды, отказывая в регистрации машино-место в качестве самостоятельного объекта, указывают: «Нанесение краской на покрытие пола линии разметки не будет свидетельствовать о том, что машино-место является индивидуально-определенной вещью (объектом гражданских прав), право на которую может быть зарегистрировано»⁴.

В законодательстве зарубежных стран данный вопрос решается иначе. Ю. В. Старцева отмечает: «В Германии в отношении машино-места вводится фикция “трехмерности”. Это достигается за счет долгосрочной маркировки, которой может быть признано деревянное, бетонное, каменное ограждение» [1].

Также при данном подходе может возникнуть следующая проблема. Признавая машино-место самостоятельным объектом гражданских прав, право соб-

¹ Определение ВАС РФ от 27 окт. 2011 г. № ВАС-11450/11 по делу № А40-124539/09-54-801.

² Постановление ФАС Московского округа от 14 июня 2012 г. по делу № А40-1585/11-142-15.

³ СНиП 21-02-99 «Стоянки автомобилей». Утв. Приказом Минрегиона России от 29 дек. 2011 г. № 635/9.

⁴ Постановление Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда от 19 сент. 2011 г. по делу № А05-4359/2011 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ственности возникает только на плоскость, т. е. на квадрат, расчерченный на полу парковки условными линиями. Тогда возникает вопрос: что же делать с потолками, стеной, вентиляцией? Выход из данной проблемы – признать за собственниками общее имущество собственников машино-мест, подобно общему имуществу собственников комнат в коммунальной квартире. При этом нельзя забывать о законодательном запрете на образование новых коммунальных квартир.

2. Машино-место – часть нежилого помещения или нежилого здания, а пользователь парковочного места является долевым сособственником данной недвижимой вещи. При этом порядок пользования машино-местом между совладельцами определяется соглашением либо решением суда. При данном подходе также выявляются несколько проблем. Во-первых, общая собственность подразумевает совместное решение судьбы не только объекта в целом, но и каждой его отдельной части. На практике будут возникать проблемы по поводу заключения соглашения, если парковочных мест будет 50, 100, а то и в десятки раз больше. Также идеальная доля не подразумевает под собой конкретного помещения, объекта, пусть даже начерченного линиями или огороженного сеточкой. То есть как соединить индивидуальную собственность и идеальную долю в праве? Получается, нужно будет присудить передачу в собственность долю в виде дроби в виде машино-места, что противоречит законодательству РФ.

Следующая проблема – как реализовать преимущественное право. При продаже машино-места остальные участники долевой собственности имеют преимущественное право покупки продаваемой доли. На наш взгляд, данное положение будет ограничивать гражданский оборот. Более того, возникают проблемы в процедурных моментах. Например, каким образом продавец будет извещать остальных участников о намерении продажи своей доли, если их большое количество.

Для данного подхода, наверное, необходим специфический режим общей собственности, установленный на законодательном уровне, предполагающий меньшую личную связь сособственников и разрешающий вопрос о применении преимущественного права. По сути, можно будет говорить о появлении нового режима – машино-место, которое находится в долевой собственности, преимущественное право на которое не распространяется, как и принцип следования доли в общем имуществе.

3. И наконец, третий подход. В данном случае также отрицается существование машино-места как самостоятельной вещи. Под ним признают общее имущество многоквартирного дома. На первый взгляд, машино-место, которое расположено в многоквартирном доме, является неотделимой частью многоквартирного дома. Оно используется владельцами для удовлетворения личных потребностей, в связи с чем, на наш взгляд, не может быть отнесен к местам общего пользования. Более того, в большинстве случаев количество квартир и количество машино-мест не совпадают. И как следствие, количество собственников квартир не равно количеству собственников машино-мест (например, в доме 100 квартир и 50 машино-мест).

Таким образом, к сожалению, вопрос о правовом регулировании отношений по поводу машино-мест остается открытым. Данная проблема в любом случае остается актуальной и требующей законодательного регулирования. Необходимо прийти к общему знаменателю, что помогло бы определить, является или нет машино-место объектом недвижимого имущества и можно ли с уверенностью утверждать это.

Список литературы

1. *Старцева Ю. В.* Покупка места на парковке. Когда суд признает такой объект недвижимым // Арбитражная практика. 2015. № 2 (февр.). С. 80.

Э. А. Альматова

студентка IV курса
юридического факультета ПГНИУ

СУДЬБА «ГОНОРАРА УСПЕХА»

В настоящее время одним из противоречивых в судебной практике вопросов является вопрос о допустимости включения в договор об оказании юридических услуг положения о так называемом гонораре успеха. Термин «гонорар успеха» законодательно не закреплен, но на практике является одним из часто используемых понятий.

Стоит отметить, что проблема выплаты гонорара успеха представителю предполагает ответ на несколько вопросов. Так, первый вопрос, имеющий материально-правовой характер, связан с возможностью включения условия о гонораре успеха в данный договор. Второй вопрос, который имеет процессуальный аспект, состоит в оценке допустимости возложения на проигравшую сторону компенсации гонорара успеха как судебных расходов, в соответствии с ч. 2 ст. 110 АПК РФ.

Гонорар успеха широко используется в таких странах, как США, Канада, в странах Европейского Союза. Несмотря на это, данный вопрос действительно сложен и по-разному решается как в России, так и в иных государствах.

Г. Резник считает, что категорически запрещено применять *actum de quota litis*, т. е. соглашение с клиентом, на основании которого гонорар ставится в зависимость от результатов по делу [1]. На наш взгляд, такая позиция имеет право на существование, так как адвокат в таком случае становится стороной алеаторной сделки, где результат лишь частично зависит от профессионализма последнего. Также при таких условиях адвокат вовлекается в предпринимательскую деятельность, которая в некоторой степени не может совмещаться с его статусом, так как одним из главных целей заключения такого рода договоров является оказание квалифицированной юридической помощи гражданам, а не предоставление услуги для коммерческих целей.

В свою очередь, этические правила поведения адвоката разрешают включать в соглашение об оказании юридической помощи условия, в соответствии с которыми выплата вознаграждения ставится в зависимость от благоприятного для доверителя результата рассмотрения спора имущественного характера¹.

В судебной практике первые упоминания о гонораре успеха содержались в информационном письме ВАС РФ, где было указано, что «не подлежит удовлетворению требование исполнителя о выплате вознаграждения, если данное требование истец обосновывает условием договора, ставящим размер оплаты услуг в зависимость от решения суда или государственного органа, которое будет принято в будущем. В этом случае размер вознаграждения должен определяться в порядке, предусмотренном ст. 424 ГК РФ, с учетом фактически совершенных исполнителем действий (деятельности)»².

Далее, в 2007 году Конституционный Суд РФ сделал сходные выводы. Он указал, что включение в текст данного договора условия о выплате вознаграждения в зависимости от самого факта принятия положительного для истца решения суда расходится с основными началами гражданского законодательства, допускающими свободу сторон в определении любых условий договора, поскольку в данном случае это означает введение иного, не предусмотренного законом, предмета договора³.

С постановлением приводится особое мнение судьи А. Л. Кононова, считающего, что при определенных обстоятельствах гонорар успеха должен быть допустимым. Критикуя позицию Конституционного Суда, он неоднократно отмечает, что если достигнуто обоюдное согласие по поводу включения в договор возмездного оказания правовых услуг условия о вознаграждении, устанавливаемом в долях или процентах от удовлетворенной суммы иска, то это соответствует юридической природе подобного договора, не имеет законного ограничения и должно подлежать судебной защите. Иными словами, это означает значительное ограничение свободы договора, так как запрещает сторонам определять критерии оценки качества предоставляемой услуги.

Несмотря на наличие вышеуказанных двух актов, арбитражным судам не мешало удовлетворять требования об отнесении на проигравшую сторону расходов на представителей выигравшей стороны, размер которых находился в зависимости от итогов еще не рассмотренного судебного разбирательства. В том же году ВАС РФ смягчил свою позицию относительно гонорара успеха. Суд

¹ Кодекс профессиональной этики адвоката: принят Первым Всероссийским съездом адвокатов 31 янв. 2003 г. (ред. от 22.04.2015) // Рос. газета. 2005. № 222.

² О некоторых вопросах судебной практики, возникающих при рассмотрении споров, связанных с договорами на оказание правовых услуг: информ. письмо Президиума ВАС РФ от 29 сент. 1999 г. № 48 // Вестник ВАС РФ. 1999. № 11.

³ По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 779 и пункта 1 статьи 781 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами общества с ограниченной ответственностью «Агентство корпоративной безопасности» и гражданина В. В. Макеева: постановление Конституц. Суда РФ от 23 янв. 2007 г. № 1-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007, № 6, ст. 828.

подчеркнул, что при выплате представителю вознаграждения, обязанность по уплате и размер которого были обусловлены исходом судебного разбирательства, требование о возмещении судебных расходов подлежит удовлетворению с учетом оценки их разумных пределов¹.

В итоге в судебной практике сложилось двоякое решение данного вопроса. С одной стороны, представитель не мог требовать взыскания подобного вознаграждения, поскольку такое включение противоречит закону, однако, с другой стороны, если выплата такого вознаграждения состоялась, компенсация соответствующих расходов могла быть взыскана с проигравшей стороны.

Немного позже, в одном из известных споров «Домодедово – Внуково», ВАС РФ занял своеобразное положение². ВАС РФ указал на незаконность только тех дополнительных вознаграждений, которые обусловлены исключительно исходом судебного разбирательства без подтверждения разумности таких расходов. Чтобы условие о выплате вознаграждения не противоречило публичному порядку, стоит включать условие о выплате вознаграждения, которое поставлено в зависимость от самого факта принятия положительного для истца решения суда, но при этом обязательно должны быть совершены определенные действия или осуществлена определенная деятельность со стороны исполнителя.

Следствием столь противоречивой практики стало принятие Верховным Судом РФ определения от 26 февраля 2015 г.³ Основные выводы данного судебного акта:

во-первых, ВС РФ легализовал «гонорар успеха». Он подтвердил, что «гонорар успеха» – это допустимая часть соглашения об оказании услуг правовой помощи. Но при этом Верховный Суд РФ назвал данное вознаграждение премированием адвокатов;

во-вторых, разрешен второй вопрос – возложения на проигравшую сторону компенсации гонорара успеха как судебных расходов. Теперь гонорар успеха не будет взыскиваться в качестве судебных расходов с процессуального оппонента клиента, потому что он стороной указанного соглашения не является.

Мы считаем, что первый вывод является обоснованным и подтверждает существующую на сегодняшний день практику, в настоящее время гонорар успеха все же включается в подобные договоры. К тому же вознаграждение является не способом неосновательного обогащения адвоката, а средством стимулирования его труда. Если в трудовом законодательстве не запрещено поощ-

¹ *Обзор* судебной практики по вопросам, связанным с распределением между сторонами судебных расходов на оплату услуг адвокатов и иных лиц, выступающих в качестве представителей в арбитражных судах: информ. письмо Президиума ВАС РФ от 5 дек. 2007 г. № 121 // Вестник Федеральной палаты адвокатов РФ. 2008. № 1.

² *Постановление* Президиума ВАС Рос. Федерации от 4 февр. 2014 г. № 16291/10 по делу № А40-91883/08-61-820 // Вестник ВАС РФ. 2014. № 6.

³ *Определение* Верховного Суда РФ от 26 февр. 2015 г. № 309-ЭС14-3167 по делу №А60-11353/2013.

рять разного рода стимулирующими выплатами добросовестный труд работников, состоящих с работодателем в трудовых отношениях, то и адвокат не может быть лишен гонорара успеха. Также, в соответствии с ч. 3 ст. 37 Конституции, каждый имеет право на вознаграждение за труд без какой бы то ни было дискриминации.

Второй вывод содержит некоторые противоречия. Если гонорар успеха не будет взыскиваться с проигравшей стороны в силу того, что соглашение заключалось между клиентом и представителем, то можно ли сделать аналогию на другие расходы, понесенные доверителем в связи с заключением соглашения с адвокатом, но не предусматривающим возможности уплаты гонорара успеха. Разумеется, нет. К тому же процессуальный оппонент клиента никогда не являлся стороной соглашения, заключаемого адвокатом и его доверителем.

Резюмируя вышесказанное, можно сделать вывод, что в ближайшее время споры о гонораре успеха будут еще возникать, несмотря на то, что оценка этого явления была дана как Высшим Арбитражным Судом РФ, Конституционным Судом РФ, так и Верховным Судом РФ. Мы считаем, что спор должен быть разрешен иным образом, а именно путем внесения новых положений в гражданское законодательство и законодательство об адвокатуре, которые могут прямо запретить или разрешить с указанием пределов соглашение сторон о привязке размера оплаты юридической помощи к результату этой помощи.

Список литературы

1. Резник Г. В адвокатуре завелся вирус коммерции, но эпидемия предотвратима // Рос. юстиция. 1999. № 11. С. 24.

А. Б. Афанасьев

старший преподаватель кафедры предпринимательского права,
гражданского и арбитражного процесса ПГНИУ

ФОРМА ДОГОВОРА БАНКОВСКОГО ВКЛАДА: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

В соответствии с положениями ст. 836 ГК РФ¹, договор банковского вклада должен быть заключен в письменной форме под страхом его ничтожности. Законодатель установил, что письменная форма может считаться соблюденной в случае удостоверения внесения вклада сберегательной книжкой (именной или на предъявителя), депозитным или сберегательным сертификатом или иным документом, выданным вкладчику, если этот документ отвечает требованиям закона, установленным в соответствии с ним банковским правилам и применяемым в банковской практике обычаям делового оборота. Статья

© Афанасьев А. Б., 2016

¹ *Гражданский кодекс РФ. Часть первая: принят Гос. Думой Федер. Собр. РФ 21 окт. 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 31.01.2016 № 7-ФЗ) // Рос. газета. 1994. 8 дек.*

36 Федерального закона РФ «О банках и банковской деятельности» также содержит требование о необходимости заключения договора банковского вклада в письменной форме, но в данной норме письменная форма предполагается соблюденной, если договор составлен в двух экземплярах, один из которых выдается вкладчику¹.

Как следует из приведенных норм, в качестве письменной формы договора банковского вклада могут рассматриваться сберегательная книжка, депозитный или сберегательный сертификат, договор как документ, а также иные документы, выданные банком вкладчику. Норма ст. 836 ГК РФ особо подчеркивает, что именно внесение вклада удостоверяется тем или иным документом, менее определенно данное положение выражено в ст. 36 Закона «О банках и банковской деятельности», согласно которой не внесение денежных средств, а привлечение средств во вклады оформляется договором. Однако обе рассматриваемые нормы исходят из одного: передача вкладчику документа, подтверждающего внесение вклада, производится только после фактического внесения денег в кредитную организацию. Такое законоположение полностью соответствует реальной природе договора банковского вклада, поскольку правоотношение между кредитной организацией и вкладчиком возникает только после передачи денег. Таким образом, законодатель установил, что сам факт передачи банком вкладчику определенного документа свидетельствует о внесении вклада вкладчиком.

Действующее законодательство России не содержит требования о необходимости составления каких-либо других документов, подтверждающих внесение вклада, хотя на практике такие документы составляются. Если вклад внесен в кредитную организацию в безналичной форме (перечислением денежных средств со счета вкладчика в этом же или ином банке), у вкладчика остаются платежные документы, банковские выписки. Если вклад вносится в наличной форме, банк должен составить приходный кассовый ордер, подтверждающий внесение денежных средств в кассу банка. Кроме того, при принятии вклада вкладчику открывается депозитный счет, по которому банк учитывает сумму своей задолженности перед вкладчиком. Таким образом, принимая денежные средства во вклад, банк должен совершить целый ряд действий, вытекающих не из гражданско-правовой сделки, а опосредованных нормами, регулирующими банковскую деятельность. Данные нормы регламентируют вопросы бухгалтерского учета и документооборота в кредитных организациях и не могут влиять на отношения между банком и вкладчиком. Нарушение банком своих публичных обязанностей (нарушение правил бухгалтерского учета) не может повлечь каких-либо негативных последствий для вкладчика.

В последние годы банки нередко сознательно нарушают установленные Банком России требования в части надлежащего оформления банковских опе-

¹ *О банках и банковской деятельности*: Федер. закон от 2 дек. 1990 г. № 395-1 (в ред. от 29.12.1995 № 403-ФЗ) // Рос. газета. 1996. 10 февр.

раций. Так, Мособлбанк, ограниченный Банком России в праве привлекать вклады физических лиц, на протяжении трех лет принимал вклады населения и выводил их за баланс. Общая сумма скрытых денежных средств составила 76 млрд руб. [1]. Другим ярким примером принятия денежных средств во вклады без надлежащего их оформления является деятельность коммерческого банка «Мастер-банк» (ОАО), который принимал вклады от VIP-клиентов на нетипичных условиях (по более высокой ставке, чем у обычных вкладчиков). Принятые денежные средства в бухгалтерском учете банка не отражались, приходные кассовые ордера вкладчикам не выдавались. Единственным документом, подтверждающим факт заключения договора, являлся договор банковского вклада, в тексте которого было указано о том, что «настоящий договор является документом, удостоверяющим прием вклада и основанием для исполнения принятых перед вкладчиком обязательств».

Справедливости ради стоит сказать, что и физические лица, требующие выплаты вкладов, не всегда действуют добросовестно. Примером может являться ситуация с ООО «Трансэнергобанк», где объем вкладов за несколько месяцев до отзыва лицензии на осуществление банковских операций вырос в десятки раз, все вклады размещались не в головном, а в дополнительном офисе, первичные документы из которого исчезли. Доказательствами мошеннических действий являются и те обстоятельства, что все суммы вкладов были близки к максимальному уровню страхового возмещения, нередко новые вклады открывались одними и теми же лицами (двое граждан в один день по доверенностям разместили 416 вкладов), не оказалось денежных средств, якобы привлеченных банком в этот период, ни в кассе, ни на корреспондентском счете банка [2]. Подобная же ситуация имела место в отношении «Диг-банка», где также непосредственно перед отзывом банковской лицензии были фиктивно оформлены вклады более тысячи вкладчиков.

Таким образом, на фоне имеющих место мошеннических действий физических лиц, пытающихся получить денежные средства по вкладам, которые они не размещали в кредитных организациях, имеются и обратные случаи, когда вклады не могут получить вкладчики, фактически их разместившие, но в силу того, что банк не оформил их подобающим образом, лишенные возможности защитить свои права.

Судебная практика на протяжении ряда лет не могла выработать единый подход к вопросу о необходимости подтверждения внесения вклада дополнительными документами, помимо самого договора банковского вклада. Так, Верховный Суд Республики Северная Осетия занял позицию по удовлетворению требований вкладчиков, отказывая Агентству по страхованию вкладов в проведении почерковедческой экспертизы, несмотря на то, что требования данных вкладчиков представлялись весьма сомнительными. Однако следует признать, что в данном случае не закон, а политическая воля имела определяющее значение для вынесения решений в пользу вкладчиков [2]. Совершенно иной подход был выработан судами при рассмотрении требований вкладчиков Ком-

мерческого банка «Мастер-Банк» (ОАО). Определением Верховного суда РФ от 13 мая 2015 г. № 305-ЭС14-5119 было установлено, что вкладчик, заключивший договор банковского вклада с «Мастер-Банком», имел на руках только текст договора, в пункте 4.5 которого было указано: «Настоящий договор является документом, удостоверяющим прием вклада и основанием для исполнения принятых перед вкладчиком обязательств»¹. Как установил суд, сведений о наличии вкладов Джибаева А. В. в банке, счета для принятия вклада и начисления на него процентов отсутствуют. Иных доказательств, подтверждающих фактическую передачу денег должнику во исполнение условий названных договоров, не представлено. По мнению Верховного суда РФ, при таких обстоятельствах суды, руководствуясь ст. 836 ГК РФ, сделали правомерный вывод о несоблюдении сторонами письменной формы договора банковского вклада и ничтожности такой сделки.

В то же время ст. 836 ГК РФ не содержит требования о предоставлении каких-либо других доказательств о заключении договора банковского вклада, кроме тех, которые прямо названы в законе. В спорном правоотношении письменная форма договора соблюдена, сам договор назван документом, подтверждающим внесение вклада, поэтому отсутствие дальнейших фактических действий со стороны банка не должно влиять на правовую квалификацию вопроса о соблюдении письменной формы договора. Обосновывая свою правовую позицию, Верховный суд РФ сослался на сложившуюся банковскую практику, которая свидетельствует о заключении договоров банковского вклада путем присоединения вкладчика к стандартным условиям договора и которая не допускает выборочного оформления договоров банковского вклада. По мнению Верховного суда РФ, «участие в отношениях по банковскому вкладу, не отвечающих общепринятым и общеизвестным стандартам поведения в сфере привлечения денежных средств физических лиц во вклад, не согласуется с презумпцией разумности и добросовестности участников гражданского оборота». При этом Верховным судом РФ проигнорированы принцип свободы договора, отсутствие законодательных запретов на способ заключения договора банковского вклада. Так называемые VIP-вкладчики отличаются от остальных клиентов банка объемом денежных средств, которыми могут распоряжаться; при таких условиях вполне возможно допустить привлечение денежных средств банком на более выгодных для вкладчика условиях, что объяснимо и с экономической точки зрения. Указанное Определение совершенно не учитывает то обстоятельство, что в отношениях с банком вкладчик – физическое лицо всегда является более слабой стороной, поэтому ссылка Верховного суда РФ на «общеизвестные и общепринятые стандарты поведения в сфере привлечения денежных средств» в данном контексте не выдерживает никакой критики.

¹ *Определение* Верховного суда РФ от 13 мая 2015 г. №3 05-ЭС14-5119 по делу № А40-172055/2013 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Конституционный суд РФ в своем Постановлении от 23 февраля 1999 г. № 4-П¹ выразил правовую позицию, согласно которой граждане-вкладчики лишены возможности влиять на содержание договора банковского вклада, что является для них ограничением свободы договора и поэтому, как экономически слабая сторона, нуждается в особой защите своих прав, что влечет необходимость в соответствующем правовом ограничении свободы договора и для другой стороны, чтобы реально гарантировать соблюдение конституционного принципа равенства при осуществлении предпринимательской деятельности.

Как справедливо отметил Конституционный суд РФ в постановлении от 27 октября 2015 г. № 28-П², неблагоприятные последствия несоблюдения банком порядка оформления вклада несет банк, который является профессионалом в банковской сфере, требующей специальных познаний. При рассмотрении подобных споров суды не должны исходить исключительно из установления формальных условий применения нормы, поэтому суды не вправе квалифицировать договор банковского вклада с гражданином как ничтожный или незаключенный только на том основании, что в банке отсутствуют сведения о вкладе. «При этом на гражданина-вкладчика, не обладающего профессиональными знаниями в сфере банковской деятельности и не имеющего реальной возможности изменить содержание предлагаемого от имени банка набора документов, необходимых для заключения данного договора, возлагается лишь обязанность проявить обычную в таких условиях осмотрительность при совершении соответствующих действий». Иной подход требует законодательного закрепления полного перечня всех необходимых для заключения договора банковского вклада документов, а также фактических действий, которые вкладчик должен предпринять при заключении договора. Однако такое детальное регулирование данных правоотношений приведет к еще большему нарушению прав вкладчиков, поскольку не будет учитываться их уровень правовой грамотности, в то же время требуя от них совершения юридически значимых действий.

Как представляется, главным доказательством заключения договора банковского вклада с физическим лицом является выданный банком вкладчику документ. Если денежные средства были переданы вкладчиком сотруднику банка непосредственно в помещении банка и из обстановки у вкладчика не должно было возникнуть сомнений в том, что он действует добросовестно, такие споры должны разрешаться в пользу вкладчиков. Задача государства в лице Банка

¹ По делу о проверке конституционности положения части второй статьи 29 Федерального закона от 3 февраля 1996 года «О банках и банковской деятельности» в связи с жалобами граждан О. Ю. Веселяшкиной, А. Ю. Веселяшкина и Н. П. Лазаренко: постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 23 февр. 1999 г. № 4-П // Рос. газета. 1999. 3 марта.

² По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 836 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан И. С. Билера, П. А. Гурьянова, Н. А. Гурьяновой, С. И. Каминской, А. М. Савенкова, Л. И. Савенковой и И. П. Степанюгиной: постановление Конституционного Суда РФ от 27 окт. 2015 г. № 28-П // Рос. газета. 2015. 5 нояб.

России и Агентства по страхованию вкладов – обеспечить надлежащую защиту прав вкладчиков, пресекая неправомерные действия кредитных организаций, поскольку вкладчик, размещая денежные средства в банке, «несет определенный риск и его действия, осуществляемые в личных интересах, имеют также публичное значение, поскольку сбережения населения являются устойчивым источником ресурсной базы, необходимой для инвестиций и долгосрочного кредитования»¹.

Список литературы

1. Козлова В., Дементьева С., Ковалева Е. Без десяти процентов // Коммерсантъ. 2014. 10 июля.
2. Баязитова А. В Дагестане размножились вклады // Коммерсантъ. 2012. 15 нояб.

А. А. Василенко
студент II курса
юридического факультета ЗУИЭП

ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В КОРПОРАТИВНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ

Ответственность корпорации может наступать в результате нарушения ею норм законодательства или договорных норм.

В вопросе об ответственности раскрывается сущность корпоративных правоотношений. Неотъемлемым признаком хозяйственных обществ является так называемая ограниченная ответственность акционеров по обязательствам общества².

Анализируя тему ответственности, необходимо разграничить ответственность, оказывающую воздействие на участников корпоративных правоотношений, и ответственность хозяйственного общества как юридического лица вне связи с данным видом правовых отношений.

Придавая столь высокое значение в развитии корпоративных отношений институту ответственности, следует назвать его основные отличительные особенности:

1) к ответственности в хозяйственных обществах привлекаются участники корпоративных правоотношений;

© Василенко А. А., 2016

¹ По делу о проверке конституционности отдельных положений подпункта 3 пункта 2 статьи 13 Федерального закона «О реструктуризации кредитных организаций» и пунктов 1 и 2 статьи 26 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве) кредитных организаций» в связи с жалобами ряда граждан: постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 3 июля 2001 г. № 10-П // Рос. газета. 2001. 11 июля.

² Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции: принята Генер. Ассамблеей ООН на 51-м пленар. заседании 31 окт. 2003 г.) (в ред. от 26.06.2006 № 26) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. 26 июня.

2) данная особенность отражает основное содержание категории ответственности, то, «чему служит ответственность – обеспечению исполнения обязанности». Следовательно, ответственность в хозяйственных обществах обеспечивает исполнение обязанностей участников корпоративных правоотношений.

Корпоративная ответственность устанавливается нормами различных отраслей права.

Корпоративная форма представляет собой крайне сложную конструкцию, затрагивающую интересы большого числа лиц, действующих в сфере различных правоотношений.

Ответственность участников корпоративных правоотношений регулируется нормами нескольких отраслей права, в том числе:

– гражданским правом (например, положения, касающиеся ответственности членов органов управления перед обществом за убытки, причиненные обществу их виновными действиями или бездействием)¹;

– административным правом (например, незаконный отказ в созыве или уклонение от созыва общего собрания акционеров, а равно незаконный отказ или уклонение от внесения в повестку дня общего собрания акционеров вопросов и предложений о выдвижении кандидатов в совет директоров, коллегиальный исполнительный орган, ревизионную комиссию и счетную комиссию акционерного общества либо кандидата на должность единоличного исполнительного органа акционерного общества)²;

– трудовым правом (например, нормы о наложении на генерального директора дисциплинарного взыскания за неисполнение или ненадлежащее исполнение по его вине возложенных на него трудовых обязанностей)³;

– уголовным правом (например, положения об ответственности за злостное уклонение от раскрытия или предоставления информации, определенной законодательством РФ о ценных бумагах, либо предоставление заведомо неполной или ложной информации, если эти деяния причинили крупный ущерб гражданам, организациям или государству)⁴;

3) за одно и то же правонарушение лицо может быть привлечено к ответственности, предусмотренной несколькими отраслями права.

¹ *Гражданский кодекс Российской Федерации*. Часть первая от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 31.01.2016 № 7-ФЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 5, ст. 559; Об акционерных обществах: Федер. закон от 26 дек. 1995 г. № 208-ФЗ // (в ред. от 29.06.2015) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2015, № 27 ст. 4001; Об обществах с ограниченной ответственностью: Федер. закон от 8 февр. 1998 г. № 14-ФЗ (в ред. от 29.12.2015 № 391-ФЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016, № 1 (ч. 1), ст. 29.

² *Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях* от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ (в ред. от 09.03.2016 № 64-ФЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016, № 11, ст. 1493.

³ *Трудовой кодекс Российской Федерации* от 30 дек. 2001 г. № 197-ФЗ (в ред. от 30.12.15 № 434-ФЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016, № 1(ч. 1), ст. 54.

⁴ *Уголовный кодекс Российской Федерации* от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 30.12.2015 № 441-ФЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016, № 1 (ч. 1), ст. 61.

В ряде случаев участники корпоративных правоотношений могут совершать деяния, которые влекут за собой ответственность, предусмотренную несколькими отраслями права. При этом привлечение лица к одному виду юридической ответственности не будет исключать возможности применения к нему мер, предусмотренных иными отраслями права. Это вызвано в том числе тем обстоятельством, что «ответственность в соответствии с нормами публичного права не исключает применения за одно и то же деяние гражданско-правовой ответственности, поскольку последняя выполняет праввосстановительную функцию, а первая имеет характер наказания».

Рассмотрим следующий пример. В результате действий генерального директора в связи с уклонением от созыва общего собрания участников возглавляемому им обществу с ограниченной ответственностью были причинены убытки. В этом случае лицо, осуществляющее функции единоличного исполнительного органа, может быть привлечено только к гражданско-правовой ответственности. При этом генеральный директор может быть привлечен и к административной, и к дисциплинарной ответственности, установленной трудовым законодательством.

В частности, КоАП РФ предусматривает ответственность за уклонение от созыва общего собрания участников общества с ограниченной ответственностью.

Трудовое законодательство допускает возможность применения дисциплинарных взысканий в рамках ст. 192 ТК РФ, в том числе к руководителю организации. При этом в уставе общества с ограниченной ответственностью должно содержаться положение о том, какой орган управления будет выступать по отношению к генеральному директору в качестве работодателя для наложения на него дисциплинарного взыскания.

Таким образом, ответственность в хозяйственных обществах может быть предусмотрена нормами нескольких отраслей права.

4) в связи со специфическими особенностями правового статуса некоторых участников корпоративных отношений к ним не могут быть применены санкции, предусмотренные в отдельных отраслях права, регулирующих ответственность в хозяйственных обществах.

Прежде всего данная особенность обусловлена различным правовым статусом участников корпоративных правоотношений, а также характерными особенностями отдельных отраслей права. В качестве наиболее яркого примера выступает уголовное право. В отличие от законодательств некоторых других стран в России уголовной ответственности подлежат исключительно физические лица.

Как известно, на основании ст. 69 ФЗ об АО по решению общего собрания акционеров полномочия единоличного исполнительного органа акционерного общества могут быть переданы по договору коммерческой организации или индивидуальному предпринимателю. Аналогичная норма содержится и в законодательстве об обществах с ограниченной ответственностью. Если обратиться к ст. 185.1 УК РФ, то, исходя из ее содержания, за совершение соответствующей

щих деяний к уголовной ответственности может быть привлечен управляющий – индивидуальный предприниматель. Однако в случае совершения аналогичных деяний коммерческой организацией она может быть привлечена только к гражданско-правовой и административной ответственности, ведь управляющая организация является юридическим лицом и не подлежит уголовной ответственности. Заметим, что это не исключает возможности привлечения к уголовной ответственности сотрудников управляющей организации, и прежде всего ее руководителя.

Следует подчеркнуть, что в отечественной литературе встречается точка зрения о необходимости нормативного закрепления уголовной ответственности для юридических лиц. В частности, отмечается, что следует определить условия, при которых юридическое лицо будет нести уголовную ответственность за преступление, совершенное физическим лицом. Такими условиями могли бы быть следующие положения.

Действие (бездействие) совершено:

- с ведома юридического лица или было им санкционировано;
- в пользу юридического лица (при умышленной преступной деятельности);
- субъектом, уполномоченным юридическим лицом

Следует отметить, что на международном уровне применительно к коррупционным преступлениям уже имелись рекомендации по введению уголовной ответственности для юридических лиц [1]. В частности, в пункте 1 статьи 26 Конвенции отмечено, что каждое государство-участник принимает такие меры, какие с учетом его правовых принципов могут потребоваться для установления ответственности юридических лиц за участие в преступлениях, признанных таковыми в соответствии с этой конвенцией. При этом в пункте 2 статьи 26 Конвенции подчеркивается, что речь наряду с прочим идет и об уголовной ответственности юридических лиц, правда, при условии соблюдения правовых принципов соответствующего государства.

Существует также и альтернативный подход к рассматриваемой проблеме, заключающийся в предложении отказаться от попыток внедрения в российскую уголовно-правовую систему модели «уголовная ответственность юридических лиц», ограничиться использованием модели «меры уголовно-правового характера в отношении организаций».

Список литературы

1. *Корпоративное право: учебник* / Е. Г. Афанасьева, В. Ю. Бакшинская, Е. П. Губин и др.; отв. ред. И. С. Шиткина. 2-е изд., перераб. и доп. М.: КНОРУС, 2015.
2. *Макарова О. А.* Корпоративное право: учебник-практикум. М.: Юрайт. 2015. 336 с.
3. *Суханов Е. А.* Сравнительное корпоративное право. М.: Статут. 2014.
4. *Шиткина И. С.* Имущественная ответственность в корпоративных правоотношениях // *Предпринимательское право.* 2015. № 2. (прил. «Право и Бизнес»).

ПРАВОВОЙ СТАТУС ИНДИВИДУАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ

Гражданско-правовой статус индивидуальных предпринимателей – это правовое положение указанной категории лиц в сфере гражданско-правовых (предпринимательских) отношений, определяющее их гражданскую правосубъектность, субъективные гражданские права и обязанности, гражданско-правовые принципы, гарантии, меры гражданско-правовой ответственности и защиты, определяющие отраслевое (гражданско-правовое), специальное и конкретно-индивидуальное положение индивидуальных предпринимателей в системе гражданско-правовых отношений с учетом особенностей, вызванных индивидуальной предпринимательской деятельностью [1].

В статье 23 Гражданского кодекса говорится о том, что гражданин вправе заниматься предпринимательской деятельностью без образования юридического лица с момента государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя¹. То есть субъектом предпринимательской деятельности в соответствии с вышесказанным является гражданин, зарегистрированный в качестве индивидуального предпринимателя. Опираясь на указанную статью ГК РФ, можно назвать ряд признаков, позволяющих выделить предпринимательство из хозяйственной деятельности в целом. Этими признаками являются: самостоятельная деятельность; получение прибыли как цель деятельности; систематический характер получения прибыли; наличие риска; необходимость государственной регистрации субъектов предпринимательской деятельности.

Особенности правового положения индивидуального предпринимателя закреплены и в Трудовом кодексе Российской Федерации, согласно ст. 20 которого физические лица, зарегистрированные в качестве индивидуальных предпринимателей и осуществляющие предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, могут быть работодателями².

Правовой статус предпринимателя составляет совокупность прав и обязанностей. Содержание прав предпринимателя в основном определяется такими экономическими свободами гражданина, как единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержка конкуренции, свобода экономической деятельности, которые закрепляют соответствующие права предпринимателей³.

© Вилесова М. С., 2016

¹ *Гражданский кодекс Российской Федерации* от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 31.01.2016 № 7-ФЗ) // *Собр. законодательства Рос. Федерации*. 2016, № 5, ст. 559.

² *Трудовой кодекс Российской Федерации* от 30 дек. 2001 г. № 197-ФЗ (от 30.12.2015 № 197-ФЗ) // *Собр. законодательства Рос. Федерации*. 2016, № 1 (ч. 1), ст. 54.

³ *Конституция Российской Федерации* от 12 дек. 1993 г. (в ред. от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // *Собр. законодательства Рос. Федерации*. 2014, № 31, ст. 4398.

Каждому предпринимателю согласно с общеправовым принципом равенства должны быть предоставлены одинаковые возможности для ведения предпринимательской деятельности и равное правовое положение по сравнению с иными предпринимателями независимо от места регистрации или нахождения.

Обязанность предпринимателя – мера ограничения его финансовой независимости, условие правомерности его поведения, которое устанавливается при помощи правовых требований либо правовых запретов. Правовые запреты устанавливают пределы осуществления предпринимателем своих прав и обязывают его воздерживаться от совершения тех или иных действий. Исходя из круга лиц, чьи интересы затрагиваются вследствие предпринимательской деятельности, обязанности предпринимателя могут быть установлены по отношению к следующим субъектам предпринимательских отношений: Общество в целом. К примеру, государство устанавливает обязанности предпринимателей по охране окружающей среды, по производству и экспорту продукции двойного назначения и т. д.

1. Потребители товаров, работ и услуг, контрагенты. Устанавливаются требования к предпринимателям по поводу качества и безопасности изготовленной продукции.

2. Наемные работники. Работодатели исполняют обязанности по обеспечению безопасных условий труда, предоставлению компенсации при высвобождении рабочих.

3. Участники хозяйственных обществ и товариществ, члены производственных кооперативов. Закон обязывает органы управления и других представителей функционировать добросовестно и целесообразно в интересах коммерческой организации, таким образом, в совместных интересах указанных лиц в целом.

4. Конкуренты. Предпринимателям запрещается осуществлять действия, направленные на ограничение конкуренции, а также действия в форме недобросовестной конкуренции.

На индивидуального предпринимателя возложена обязанность уплачивать законно установленные налоги, спектр которых определены выбранным режимом налогообложения.

Предпринимательский статус обязывает целиком и полностью отвечать по своим долгам, как перед бюджетом, так и перед кредиторами. Индивидуальный предприниматель, который не в состоянии удовлетворить требования кредиторов, связанные с осуществлением им предпринимательской деятельности, может быть признан по решению суда несостоятельным (банкротом) и утратит статус предпринимателя.

Таким образом, исходя из вышесказанного индивидуальный предприниматель наряду с юридическими лицами считается полноправным участником хозяйственного оборота. Гражданин, занимающийся предпринимательской деятельностью, отвечает по своим обязательствам всем принадлежащим ему имуществом, на которое в соответствии с законом может быть обращено взыскание.

Список литературы

1. Мицык А. В. Индивидуальный предприниматель в нотариальной практике // Нотариус. 2015. № 6. С. 34–37.

ИНСТАНЦИОННАЯ ПОДСУДНОСТЬ В КОНЦЕПЦИИ ЕДИНОГО ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА РФ

8 декабря 2014 г. Комитет Государственной Думы по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству утвердил текст Концепции единого Гражданского процессуального кодекса РФ, который стал результатом полугодовой работы группы известных процессуалистов. Разрабатываемая Концепция единого Гражданского процессуального кодекса РФ видит своей основной целью унификацию судопроизводства по гражданским делам, последовавшую за «поглощением» Верховным судом РФ Высшего Арбитражного суда. Это событие ознаменовало начало огромной работы по приведению к единству, слиянию похожих друг на друга гражданского и арбитражного процессов, что должно повысить эффективность судопроизводства, привести к упорядочению судебного процесса, усовершенствовать его и устранить коллизии, поскольку в планах законодателя совместить в едином кодексе наиболее успешные, отвечающие современным тенденциям развития законодательства нормы и институты гражданского и арбитражного процесса, показавшие свою целесообразность и эффективность на практике. В данном случае очень важен следующий аргумент в пользу необходимости такой унификации: «Процессуальное право не должно иметь различий по отношению, регулируемым одним “материальным” правом, поскольку иное ставит в неравное положение субъектов данных отношений»¹.

Из всех перечисленных задач унификации процессуального законодательства одной из самых интересных и являющейся камнем преткновения на данном этапе работы над Концепцией единого Гражданского процессуального кодекса (ГПК) является задача, обозначенная в концепции как «кардинальные проблемы существования двух кассаций»². Здесь видится две проблемы: первая и наиболее глобальная проблема заключается в вопросах инстанционной подсудности, на данный момент есть две системы судов – арбитражные суды и суды общей юрисдикции, где вопросы инстанционности решены совершенно по-разному. При постановке задачи унификации норм гражданского и арбитражного процесса важным является вопрос, как будут совмещены разные модели апелляции, кассации и надзора в системах арбитражных судов и судов общей юрисдикции. Вторая проблема связана с образованием двух кассаций, которые появились у арбитражных судов в результате слияния Высшего Арбитражного

¹ Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Там же. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

суда РФ и Верховного суда РФ, а у судов общей юрисдикции функционировали и прежде, в разной процедуре кассационного обжалования двух систем судов, а также вызвана сомнением в целесообразности этих двух кассаций в гражданском процессе в целом.

Рассматривая первую выделенную нами проблему, следует определить, что понимается под термином «инстанционная подсудность». «Инстанционная подсудность» – это распределение гражданских дел в соответствии с порядком обжалования судебного акта между судами первой, апелляционной, кассационной и надзорной инстанций одной судебной системы. При сопоставлении систем арбитражных судов и судов общей юрисдикции выявляется важное отличие в вопросах инстанционности: в структуре арбитражных судов нет путаницы в инстанционной подсудности, каждая инстанция (апелляция, кассация, надзор) соотносится с отдельным уровнем суда, за некоторым исключением, тогда как в судах общей юрисдикции происходит полное совмещение инстанций между существующими судами. Ниже приведена сравнительная схема систем арбитражных судов и судов общей юрисдикции и осуществляемые каждым уровнем суда функции.

АПК	ГПК
<p>Арбитражные суды субъекта являются судами <i>первой</i> инстанции (согласно ч. 1 ст. 34 АПК РФ)</p> <p>Арбитражные апелляционные суды являются судами <i>апелляционной</i> инстанции (согласно ч. 2 ст. 257 и ст. 258 АПК РФ)</p> <p>Арбитражные суды округов являются <u>судами первой инстанции</u> и <u>судами I кассационной инстанции</u> (согласно ч. 3 ст. 34 и ч. 1, 2 ст. 274 АПК РФ)</p>	<p>Мировые суды являются судами <i>первой</i> инстанции (согласно ч. 1 ст. 23 ГПК РФ)</p> <p>Районные суды являются судами <i>первой</i> инстанции и <i>апелляционной</i> инстанции (согласно ст. 24, ст. 320.1 ГПК РФ)</p> <p>Верховные суды субъектов являются <u>судами первой инстанции</u>, <u>апелляционной инстанции</u> и <u>I кассационной инстанции</u> (согласно ч. 1 ст. 26, ст. 320.1, ч. 2 ст. 377 ГПК РФ)</p>
<p style="text-align: center;">Верховный суд РФ</p> <ul style="list-style-type: none"> ➤ Судебная коллегия по экономическим делам Верховного суда РФ является <u>судом II кассационной инстанции</u> (согласно ч. 1 ст. 291.1 АПК РФ) ➤ Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда РФ является <u>судом первой инстанции</u>, <u>II кассационной инстанции</u> (согласно ст. 27, ч. 2 ст. 377 ГПК РФ) ➤ Апелляционная коллегия Верховного суда РФ является судом <u>апелляционной инстанции</u> (согласно ст. 320.1 ГПК РФ) ➤ Президиум Верховного Суда РФ является <u>надзорной инстанцией</u> (согласно ч. 1, 3 ст. 308.1 АПК РФ и ч. 1, 2 ст. 391.1 ГПК РФ) 	

Ранее стройная система инстанционной подсудности арбитражных судов претерпела изменения после создания объединенного Верховного суда РФ, компетенция ВАС РФ перешла к Президиуму Верховного суда РФ, а Судебная коллегия по экономическим спорам стала выполнять кассационные полномочия, что соответствует модели гражданского процесса и ГПК РФ (где предусмотрено две кассации) и нарушает созданную систему инстанций в арбитражном процессе. Что касается гражданского процесса, то из схемы видно, что чем выше уровень суда в ГПК РФ, тем больше инстанций он объединяет. Так,

Верховный суд РФ осуществляет функции сразу четырех (первой, апелляционной, кассационной, надзорной) инстанций, что осложняет его функционирование и не соответствует приоритетным задачам, например таким, как формирование единой судебной практики. Очевидно, что АПК РФ содержит более совершенные нормы относительно созданной системы распределения дел между судами по инстанционной подсудности, которые следовало бы воссоздать в Едином ГПК.

Следующая обозначенная нами проблема касается кассационной инстанции в гражданском и арбитражных процессах.

Вопрос о форме I кассационной инстанции, различающейся в АПК РФ отсутствием фильтра кассационных жалоб, а в ГПК РФ наличием такового, решается п. 52.2 Концепции единого Гражданского процессуального кодекса, где сказано: «По новому Кодексу суд кассационной инстанции будет принимать дела к своему рассмотрению, но при этом не будет пересматривать решения автоматически в связи с подачей жалобы, а будет осуществлять отбор дел на основе их приемлемости к пересмотру в кассационном порядке». Следует предположить, что законодатель введет фильтр кассационных жалоб для I кассационной инстанции арбитражного суда и таким образом создаст форму кассации в арбитражном процессе в соответствии с ГПК РФ. Полагаем, что это не совсем верное решение, поскольку функционирование I кассационной инстанции без барьеров и фильтров кассационных жалоб в арбитражных судах наиболее отвечает функциям, осуществляемым кассационной инстанцией в процессе. Наличие же фильтра кассационных жалоб и отсутствие его критериев делает почти недоступным осуществление проверки вынесенного судебного акта, а кассация утрачивает свое назначение.

О наличии двух кассаций и необходимости их упразднения в Концепции ЕГПК умалчивается. История возникновения в гражданском процессе двух кассаций указывает на крайнюю необдуманность решения, в результате которого мы пришли к возникновению этих кассаций в процессе. Кассационное и надзорное производство в ГПК РФ образовались простым делением: то, что ранее было тремя иерархическими надзорными инстанциями, теперь разделено на кассационную (двойную) и надзорную [1]. Создание двух кассационных инстанций вряд ли можно считать оправданным, эту ситуацию можно назвать расточительной с позиции принципа процессуальной экономии. Европейский суд по правам человека считал эффективными надзорные процедуры в арбитражном процессе, в российских же судах общей юрисдикции надзорную процедуру Европейский суд определял как ненадежное средство правовой защиты [2]. Поэтому наиболее правильным решением, по нашему мнению, будет оставить одну кассационную инстанцию в едином Гражданском процессуальном кодексе, как это было некогда в арбитражных судах, это в большей степени отвечает принципу процессуальной экономии и позволяет в разумные сроки достичь правовой определенности. При этом очевидно, что необоснованное увеличение инстанций нельзя считать обеспечением права на оспаривание судебного акта. Наоборот, большое количество инстанций приводит к увеличению

сроков защиты и восстановлению права, нарушенного принципа процессуальной экономии. Отказ от повторного кассационного обжалования не повлияет на право лиц касательно судебной защиты, но позволит сократить срок защиты нарушенного права [3].

Список литературы

1. Терехова Л. А. Система пересмотра судебных решений в ГПК РФ // Вестник гражд. процесса. 2012. № 3. С. 38.

2. Чупилкина А. Ф. Объединение двух высших судов: целесообразность конституционной и судебной реформы. URL: <http://xn----7sbbaj7auwnffhk.xn--plai/article/10017> (дата обращения: 10.03.2016).

3. Алешкин А. А. Оптимальное количество проверочных инстанций. URL: <http://xn----7sbbaj7auwnffhk.xn--plai/article/6085> (дата обращения: 10.03.2016).

В. Г. Голубцов

д. ю. н., зав. кафедрой предпринимательского права,
гражданского и арбитражного процесса ПГНИУ

РЕФОРМА РОССИЙСКОГО КОРПОРАТИВНОГО ПРАВА: ПЕРВЫЕ ИТОГИ*

Глобальное реформирование главы 4 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ)¹, ставшее итогом двухлетнего обсуждения законопроекта Государственной Думой Российской Федерации, произошло в результате принятия Федерального закона РФ от 5 мая 2014 г. № 99-ФЗ «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации»², который обозначил существенные новеллы в российском гражданском законодательстве.

К числу наиболее существенных новелл следует отнести: введение нового деления юридических лиц на корпорации и унитарные организации; обновление системы организационно-правовых форм юридических лиц; введение в корпоративный категориальный аппарат таких понятий, как публичные и непубличные общества.

© Голубцов В. Г., 2016

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ – грант № 16-03-00741 «Система правовых механизмов стимулирования должника к надлежащему исполнению обязательств и гарантирования интересов кредитора в российском гражданском праве».

¹ *Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая: Федер. закон от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 31.01.2016): офиц. интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 31.01.2016).*

² *О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации: Федер. закон от 5 мая 2014 г. № 99-ФЗ (ред. от 28.11.2015): офиц. интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 28.11.2015).*

В результате расширения предмета гражданско-правового регулирования за счет включения в него корпоративных отношений существенно изменилось представление законодателя о корпоративных организациях и об управлении ими.

Надо заметить, что реформирование главы 4 ГК РФ «Юридические лица» привело к усложнению понятия юридического лица и совершенствованию его субстанциональной составляющей. Так, к примеру, в обновленной дефиниции юридического лица отсутствует указание на характер обособления имущества на вещном праве, а также на оформление его в бухгалтерском балансе или смете.

Бесспорно, внесенные в главу 4 ГК РФ поправки являются весьма значительными и касаются, прежде всего, организации и деятельности юридических лиц, их реорганизации и ликвидации.

Так, гражданским законодательством императивно установлена обязанность юридического лица возместить убытки, которые причинены другим участникам имущественного оборота по причине непредставления, несвоевременного представления или представления недостоверных сведений о нем в Единый государственный реестр юридических лиц [1].

Весьма эффективными следует признать нормы, усиливающие имущественную ответственность лиц, наделенных полномочиями выступать от имени соответствующего юридического лица, т. е. руководителей, членов коллегиального органа и контролирующих лиц. Указанные лица обязаны нести юридическую ответственность в виде возмещения убытков, причиненных юридическому лицу, только в случае, если будет доказано, что эти лица действовали недобросовестно или неразумно, а их действия не соответствовали обычному предпринимательскому риску.

В целях упрощения регистрационного порядка, законодателем введено положение о единственном учредительном документе – уставе. В то же время предоставлена возможность использовать и типовые уставы для регистрации юридических лиц.

Еще одной новеллой корпоративного законодательства стало нормативное разграничение правового статуса публичных и непубличных акционерных обществ. Так, публичное общество характеризуется, главным образом, тем, что акции и ценные бумаги, конвертируемые в его акции, размещаются путем публичной подписки или публично обращаются.

В перспективе считаем необходимым предусмотреть дополнительные гарантии защиты имущественных интересов акционеров публичного акционерного общества.

Следствием введения новой классификации акционерных обществ стало исключение из рассматриваемой главы ГК РФ норм о закрытых акционерных обществах, а также об обществах с дополнительной ответственностью.

Одной из центральных новаций корпоративного законодательства стало введение в ГК РФ корпорации как типа юридического лица, отличающегося наличием следующих квалифицирующих признаков: ее участники обладают правом участия (членства) и формируют высший орган управления – общее собрание участников корпорации.

Важно подчеркнуть, что корпорация как тип юридического лица характеризуется тем, что помимо отношений между ней и всеми третьими лицами, являющимися участниками гражданского оборота, возникают отношения между самим юридическим лицом и его участниками. Корпоративные права и обязанности участников имеют собственную правовую самостоятельность и не входят в содержание гражданской правоспособности.

При этом важно добавить, что право участия свойственно коммерческим юридическим лицам корпоративного типа, а право членства – некоммерческим юридическим лицам корпоративного типа. Интересно отметить, что основания возникновения и прекращения корпоративных прав и обязанностей находятся за рамками действия ст. 8 ГК РФ. Корпоративные права и обязанности возникают либо в результате создания юридического лица, либо в силу принятия корпоративного решения.

К числу достоинств реформы корпоративного права следует отнести введение в гражданский оборот термина «корпоративный договор» [2], под которым, по смыслу ст. 67.2 ГК РФ, следует понимать соглашение между участниками хозяйственного общества, в соответствии с которым участники обязуются осуществлять принадлежащие им корпоративные права определенным образом или воздерживаться от их осуществления.

В юридической литературе отмечается, что критерий, положенный в основу выделения унитарного юридического лица, представляется недостаточно четким.

Необходимо указать на то, что к числу недостатков современного состояния правового регулирования организационно-правовых форм юридических лиц следует отнести отсутствие характеристики публично-правовых компаний, которые отнесены к унитарным юридическим лицам.

В цивилистической доктрине нередко встречаются сетования на то, что в результате реформирования корпоративного законодательства претерпели существенные изменения лишь нормы ГК РФ, тогда как для эффективного правоприменения требуется принятие ряда специальных федеральных законов, регламентирующих отдельные организационно-правовые формы юридических лиц.

Нельзя не обратить внимания и на то, что в ныне действующем ГК РФ установлен закрытый перечень организационно-правовых форм юридических лиц, в том числе некоммерческих. Однако вызывает недоумение, почему в качестве самостоятельного подпараграфа не выделено правовое положение хозяйственного партнерства, а также права и обязанности его участников, хотя оно является корпорацией в силу прямого указания ст. 65.1 ГК РФ.

Претерпели существенные изменения нормы, регламентирующие порядок реорганизации и ликвидации юридических лиц. К примеру, законодательно расширен перечень гарантий прав кредиторов юридического лица в случае его реорганизации. Дозволены любые реорганизационные механизмы внутри коммерческих организаций, в том числе соединение в едином акте реорганизации нескольких ее способов (слияние с одновременным преобразованием и т. д.). В целях упрощения диверсификации предпринимательской деятельности законо-

датель предусмотрел возможность осуществления реорганизации с участием более двух юридических лиц. Получили законодательное регламентирование специальные правила о юридических последствиях признания недействительным решения юридического лица о его реорганизации, а также о признании реорганизации несостоявшейся.

Новым для ГК РФ является и термин «аффилированность», который, по видимому, получит дальнейшую конкретизацию в специальном законодательстве для конкретных целей.

С целью борьбы с фирмами-однодневками уточнено понятие «недействующее юридическое лицо», под которым предложено понимать такое юридическое лицо, которое в течение последних двенадцати месяцев не представляло документы отчетности, предусмотренные законодательством РФ о налогах и сборах, и не осуществляло операций хотя бы по одному банковскому счету.

Полагаем, что ориентационный вектор российского законодателя, согласно которому предстоит дальнейшее поступательное реформирование корпоративного права, должен быть направлен не только на европейскую континентальную модель гражданского права, но и на специфику экономико-правовых реалий Российской Федерации.

Типизация института юридического лица, в результате которой в российском гражданском законодательстве появился самостоятельный субъект, характеризующийся наличием специфических признаков, – корпорация, требует дальнейшей актуализации с учетом результатов правоприменительной практики, а также корпоративной инноватики.

Список литературы

1. *Андреев В. К.* Права, обязанности и ответственность участников хозяйственного общества // *Гражданское право.* 2016. № 1. С. 3–5.
2. *Камышанский В. П.* Корпоративный договор и договор об осуществлении прав участников общества: некоторые проблемы соотношения // *Журнал российского права.* 2016. № 1. С. 38–41.

Г. А. Горбунов

студент IV курса
юридического факультета ПГНИУ

ВЕЩНО-ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ПРАВ ХОЗЯЙСТВЕННОГО ВЕДЕНИЯ И ОПЕРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Имущество Российской Федерации принято делить на имущество, закрепленное за государственными унитарными предприятиями на праве хозяйственного ведения или оперативного управления, а также имущество, не закрепленное за государственными предприятиями и учреждениями, которое составляет

казну Российской Федерации или субъекта Федерации. Существенно отличается и осуществление права собственности на указанное имущество [1].

В соответствии с положениями ст. 113 ГК РФ¹, унитарным предприятием признается «коммерческая организация, не наделенная правом собственности на закрепленное за ней имущество; имущество такого предприятия принадлежит ему на праве хозяйственного ведения или на праве оперативного управления, является неделимым и не может быть распределено по вкладам (долям, паям)». Специфика указанной организационно-правовой формы юридических лиц заключается в специальной правоспособности, которая состоит в том, что унитарное предприятие может приобретать права и осуществлять обязанности, соответствующие предмету и целям его деятельности, определенным в уставе [2].

Следует отметить, что разработанный в соответствии с указом Президента РФ от 18 июля 2008 г. № 1108 проект Концепции развития законодательства о вещном праве, рекомендованный Советом по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства при Президенте РФ (далее – Проект)², такого вида вещного права, как право хозяйственного ведения, вообще не предусматривает. Так, авторы Проекта указывают: «поскольку условный характер права на управление имуществом собственника полностью изжить нельзя, следует уменьшить количество условностей, создав более или менее универсальную модель, рассчитанную на любые имеющиеся ситуации». В частности, разработчики Концепции считают необходимым устранить дуализм прав на управление имуществом собственника, оставив только право оперативного управления.

С. П. Гришаев отмечает, что право хозяйственного ведения появилось при введении новой экономической системы и имело компромиссный, переходный характер. Была необходимость создания стабильного хозяйственного комплекса с сохранением возможности властного воздействия государства на него [3].

За годы существования права хозяйственного ведения в условиях рыночной экономики оно стало удобным способом распоряжения имуществом собственника.

В судебной практике довольно давно отмечается тенденция распоряжения имуществом, закрепленным на праве хозяйственного ведения или оперативного управления – фиктивным покупателям, арендаторам; при этом не соблюдаются права других участников гражданского оборота, которые потенциально могут претендовать на такое имущество [4].

Следует обратить внимание на предложение В. П. Мозолина, который предлагает заменить законодательным путем право оперативного управления, а за ним и право хозяйственного ведения правом персонифицированной собственности, применяемым в рамках существующих форм собственности –

¹ *Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32, ст. 3301.*

² *Концепция совершенствования общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации: проект. URL: <http://www.szrf.ru/doc.phtml?nb=edition07&issid=2009004000&docid=2> (дата обращения: 11.03.2016).*

частной, государственной и муниципальной, предусмотренных Конституцией Российской Федерации. «В соотношении с правом собственности, принадлежащим юридическому лицу, например акционерному обществу, или физическому лицу, либо Российской Федерации, субъекту Российской Федерации, муниципальному образованию, право персонифицированной собственности должно предоставляться организации, создаваемой учредителем (учреждению, унитарному предприятию и др.)» [5].

Безусловно, ограниченные вещные права производны от права собственности и соответственно предоставляют его обладателю гораздо меньший объем правомочий по сравнению с правами собственника. Однако ограниченные вещные права сосуществуют с правом собственности, их содержание определяется относительно содержания правомочий собственника, именно поэтому их отношения и носят относительный и производный, но не однородный характер, что не противоречит их правовой природе [6].

Наделение бюджетных учреждений правом оперативного управления означает, что в отношении закрепленного за ними имущества права владения, пользования и распоряжения ограничены: пределами, установленными законом; целями деятельности; заданиями собственника; назначением имущества.

Кроме того, бюджетные учреждения не вправе отчуждать или иным способом распоряжаться закрепленным имуществом и имуществом, приобретенным за счет средств, выделенных по смете.

Посредством таких ограничений осуществляется контроль за использованием публичной собственности и ее применение для достижения социально значимых целей, которые являются задачами деятельности конкретного бюджетного учреждения.

Взамен указанных ограничений на собственника бюджетного учреждения возлагается субсидиарная ответственность по долгам учреждения при недостаточности бюджетного финансирования.

В ранее упомянутом Проекте предусмотрена дифференциация права оперативного управления на виды в зависимости от того, насколько ограничено входящее в его состав правомочие распоряжения. Такое распоряжение может быть свободным, осуществляемым без согласия собственника, и ограниченным, осуществляемым с согласия собственника. Распоряжение некоторыми объектами может быть запрещено, однако обладатель права оперативного управления не может быть лишен права распоряжения вовсе.

Примечательно, что, несмотря на возможность свободного распоряжения имуществом публичного собственника, авторы Концепции считают необходимым возложение на него субсидиарной ответственности, что не может не вызывать сомнений в обоснованности данного предложения.

Вероятно, для защиты интересов кредиторов законодателю следовало бы не отказываться от субсидиарной ответственности собственника по долгам учреждения или предусмотреть хотя бы определенные рамки такой ответственности (например, в размере стоимости недвижимого имущества и особо ценного движимого имущества, закрепленного за автономным учреждением) [7].

Некоторые авторы отмечают, что ограниченные вещные права можно считать одновременно ограниченными и абсолютными [8].

Право следования – необходимый признак вещного права, однако ни право оперативного управления, ни право хозяйственного ведения не наделены этим свойством. Они прекращаются вместе с передачей лицу.

В то же время право оперативного управления и хозяйственного ведения подчиняются принципу публичности, что характерно для вещных прав.

Таким образом, вышесказанное позволяет отметить: оперативное управление и хозяйственное ведение нетипичные конструкции для отечественного гражданского права. Отнесение их к ограниченным вещным правам можно объяснить стремлением к сближению законодательства с зарубежными правовыми системами. Данная проблема требует дальнейшего изучения и подробного анализа.

Список литературы

1. *Гришаев С. П.* Государство как участник гражданско-правовых отношений [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. *Домбровицкий М. П.* Сущность предприятия в российском гражданском праве // Адвокат. 2008. № 8.
3. *Гришаев С. П.* Соотношение права собственности с правом хозяйственного ведения и оперативного управления. 2008. URL: <http://www.center-bereg.ru/b9584.html> (дата обращения: 17.03.2016).
4. *Хорошевский И.* Оспаривание сделок с имуществом государственных унитарных предприятий // Законность. 2008. № 11.
5. *Мозолин В. П.* Развитие гражданского законодательства на современном этапе (дискуссионные проблемы) // Журн. рос. права. 2005. № 7. С. 43.
6. *Суханов Е. А.* Лекции о праве собственности. М., 1991. С. 54.
7. *Соловьев В. Н.* Особенности осуществления права собственности публично-правовыми образованиями в форме права хозяйственного ведения и оперативного управления // Нотариус. 2009. № 5. С. 24–28.
8. *Болдырев В. А.* Являются ли имущественные права учреждений и унитарных предприятий вещными? // Рос. юрид. журн. 2011. № 6. С. 135.

Л. О. Грибиниченко

аспирантка 2-го года обучения
юридического факультета ПГНИУ

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ДОЛЕВЫХ СОСОБСТВЕННИКОВ

Вопрос защиты прав долевых собственников имеет важное теоретическое и практическое значение. Вместе с тем в российской цивилистике в настоящее время данный вопрос является малоизученным, что обуславливает актуальность избранной темы.

Правоотношение общей долевой собственности представляет собой сложную систему, состоящую из двух типов правоотношений: внешних и внутренних. Поэтому разграничивать способы защиты прав сособственника мы будем в зависимости от того, кто является нарушителем – третье лицо или другой сособственник.

Начнем анализ способов защиты нарушенных прав сособственников с изучения случаев, когда нарушителем является третье лицо. Не вызывает никаких сомнений, что сособственники сообща могут использовать любые вещно-правовые способы для защиты права общей собственности. Дискуссионным является вопрос о наличии такой возможности у долевого сособственника. Может ли долевой сособственник при виндикации требовать передачи ему вещи в целом? Законодатель прямого ответа на этот вопрос не дает. Фактически не разработан данный вопрос и в отечественной цивилистической доктрине. Представляется, что сособственник во внешних правоотношениях пользуется теми же средствами защиты, что и единоличный собственник. В действующем российском законодательстве отсутствует процессуальный механизм, который позволял бы присуждать вещь в пользу всех сособственников вне зависимости от того, обратились ли с соответствующим иском все сособственники или один из них. Представляется, что судебная практика должна идти следующим путем: в случае инициирования процесса одним из сособственников судам необходимо привлекать всех остальных сособственников к участию в деле в качестве третьих лиц на стороне истца или в качестве соистцов. Вместе с тем в настоящее время при незаконном отчуждении вещи, находящейся в долевой собственности, получил широкое распространение такой способ защиты, как истребование не всей вещи в целом, а доли в праве¹. При этом, при удовлетворении судами иска об истребовании доли в праве, остается не решенным целый круг вопросов, в частности: что произойдет с оставшимися долями, если остальные сособственники не заявят свои требования в судебном порядке; будет ли считаться, что они приобретены от неуправомоченного лица; смогут ли сособственники потребовать перевода на себя долей оставшихся сособственников; что вообще представляет собой владение долей в праве. Полагаем, использование такого способа защиты прав долевого сособственника во внешних правоотношениях, как виндикация доли в праве, не совсем корректным. Во-первых, предметом виндикации может быть только имущество, но никак не имущественное право. Оно не может находиться в фактическом владении какого-нибудь лица, и поэтому не может быть истребовано. Виндикационный иск предъявляется лицом, имеющим право, но не имеющим владение, к лицу, имеющему владение, не имеющему право. В рассматриваемом случае к приобретателю переходит само право, поэтому у него нужно истребовать само это право, полученное неосновательно от неуполномоченного лица, что можно сделать посредством предъявления кондикционного иска. Во-вторых, сделка по отчуждению вещи в целом

¹ *Постановления Президиума ВАС РФ: от 29 авг. 2006 г. № 1877/06; от 17 нояб. 2009 г. № 11458/09 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».*

при таком подходе трансформируется в сделку по отчуждению долей, что вызывает определенные догматические трудности.

Высшие судебные инстанции предлагают использовать такой способ защиты, как восстановление права на долю в общей долевой собственности, применяя при этом по аналогии правила о виндикационном иске¹.

Вопрос о достаточности предпосылок для применения аналогии в научной литературе остается открытым. Как справедливо отмечает А.В. Егоров, «...спорный момент данного разъяснения сводится к тому, что истец может требовать восстановления его права. Из этого буквально следует, что истец свое право утрачивает, а потом оно восстанавливается судом. Как мы видели это совершенно нехарактерно для виндикационного иска, в котором истец всегда обладает правом и оно никогда не восстанавливается судом, а просто защищается» [1]. Помимо этого, из постановления пленумов не ясно, как внешне проявляется «обладание» долей и ее утрата помимо воли.

Представляется, что приоритет при незаконном отчуждении всей вещи в целом должен отдаваться защите права собственности на всю вещь, а не защите идеальной доли сособственника в праве. В связи с этим необходимо внести в действующее гражданское законодательство поправки, признающие за каждым из долевых сособственников право защищать собственность на всю вещь, а не только на принадлежащую ему долю в праве собственности, а также установить процессуальный механизм, обеспечивающий реализацию этого права. Следует отметить, что данный вывод не противоречит принципу единогласия при принятии сособственниками решения, в противном случае указанный принцип был бы доведен до абсурда, поскольку заблокировал бы реализацию права на защиту остальными сособственниками.

В случае если доля одного из сособственников отчуждена незаконно неуправомоченным лицом, следует использовать такой способ защиты как признание права за потерпевшим сособственником [2]. Именно такой подход к решению проблемы господствует в научной литературе. Так, А. В. Егоров указывает на то, что верным является подход, «в силу которого сособственник, долю которого пытались продать неуправомоченному лицу, защищался бы простым иском о признании права» [1].

Большие трудности сопряжены с определением способов защиты прав сособственников во внутренних правоотношениях. Раскрыть проблему защиты прав сособственников общей долевой собственности во внутренних правоотношениях представляется невозможным без изучения правовой природы такого сложного явления юридической действительности, как сообладание.

Итак, первая группа цивилистов квалифицирует изучаемые правоотношения как вещные. В частности, И. А. Дроздова отмечает, что правам сособствен-

¹ *О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав: постановление Пленума Верховного суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного суда РФ от 29 апр. 2010 г. № 10/22 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».*

ника «присущ абсолютный характер защиты» [3]. С. А. Синицин подчеркивает, что «правомочия собственников лишены какого-либо самостоятельного значения при отсутствии права общей собственности, в абсолютной природе которого сомневаться не приходится. Право общей собственности едино и не расщепляется на относительные правомочия собственников, а потому не может характеризоваться, с одной стороны, абсолютной (притязания собственников к третьим лицам), а с другой – относительной направленностью (взаимные притязания собственников)» [4]. Вместе с тем с подобной позицией следует не согласиться. Сторонники данного подхода дают характеристику не внутренне-го, а внешнего правоотношения, которое, безусловно, носит вещно-правовой характер.

Ряд авторов рассматривают отношения между собственниками как обязательственные. Так, А. А. Новоселова указывает на то, что в отношениях, складывающихся между собственниками, проявляется обязательственный характер [5]. Следует отметить, что законодательство многих зарубежных стран континентальной правовой семьи, в частности германское, строится на аналогичном подходе. В ГГУ большинство положений, касающихся общей долевой собственности, содержатся в разделе об обязательственном праве¹.

Большинство цивилистов, не признавая обязательственно-правовую природу отношений, возникающих между собственниками, указывают на их относительный характер. Так, в частности, О. С. Иоффе писал, что «существует немало правообразований, в том числе, например, общая собственность, соавторство, сонаследие, которые, являясь относительными и обладая имущественным содержанием, тем не менее, не становятся обязательственными» [6]. Б. М. Гонгало, П. В. Крашенинников, Г. А. Алиханова, М. К. Сулейменов отмечают относительный характер права общей собственности [7; 8; 9; 10]. С данной позицией следует согласиться, действительно, внутренним связям сообладателей присущи признаки относительных правоотношений. Во-первых, все субъекты внутренних правоотношений определены. Во-вторых, каждый из собственников выступают как в роли управомоченного лица, так и в роли обязанного. Вместе с тем собственник обладает не только правом требования в отношении остальных собственников, но и правом на совершение собственных действий, что присуще вещным правоотношениям.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что отношения между сообладателями имеют несколько иную природу, нежели вещные и обязательственные отношения, которую можно охарактеризовать как абсолютно-относительную. В связи с этим представляется необходимым рассматривать их как особую самостоятельную группу в рамках предмета гражданско-правового регулирования.

С учетом вышеизложенного обратимся к проблеме выбора способов защиты прав собственников. Особенность защиты права потерпевшего собственника во внутренних правоотношениях заключается в том, что его право носит долевой характер. Особое место в научной литературе занимает вопрос о

¹ BGB. URL: <http://www.gesetze-im-internet.de/bgb/> (дата обращения: 20.04.2016).

возможности предъявления виндикационного иска одним собственником к другому. Полагаем, что на данный вопрос необходимо ответить отрицательно. Если теоретически еще можно с большой степенью условности допустить такой способ защиты, то практически он является неисполнимым, особенно при неделимости объекта общей долевой собственности. Исключение из этого правила составляют случаи, когда доли собственников определены в натуре.

Что касается остальных вещно-правовых способов защиты, включая негативный иск, иск о признании права, то, представляется, что собственники во внутренних правоотношениях вправе к ним прибегнуть.

В связи с тем, что внутренние связи между собственниками имеют признаки относительных правоотношений, возникает вопрос о возможности применения обязательственных способов защиты.

В данном контексте необходимо отметить, что собственник не может прибегнуть к обязательственным способам защиты, основанным на ст. 1064 ГК РФ, поскольку нормы гл. 59 ГК РФ регулируют обязательства из причинения вреда, в которых потерпевший и причинитель вреда до наступления вреда в отношениях между собой не состояли. Собственники же до причинения вреда состояли и продолжают состоять в отношениях сообладания, возникших по факту образования общей долевой собственности.

Вместе с тем если между собственниками было заключено соглашение в порядке ст. 247 ГК РФ, то их отношения следует квалифицировать как договорные. И тогда представляется необходимым применение во внутренних правоотношениях обязательственно-правовых способов защиты прав собственника.

Трудности возникают, когда подобного рода соглашения между собственниками отсутствуют. Как мы уже выяснили, отношения между собственниками носят особый характер, поэтому защита прав собственников во внутренних правоотношениях должна подчиняться самостоятельным правилам, которые на сегодняшний день в российском гражданском законодательстве отсутствуют. Ввиду отсутствия специальных правил представляется целесообразным обратиться к такой общей мере защиты, предусмотренной ст. 12 ГК РФ, как восстановление положения, существовавшего до нарушения права. Аналогичного подхода придерживаются и арбитражные суды¹.

Таким образом, необходимо разграничивать внешние правоотношения, которые имеют вещно-правовую природу, и внутренние отношения, в которых в большей степени доминируют признаки относительных правоотношений. Во внешних правоотношениях приоритет должен отдаваться защите права собственников на всю вещь, а не права отдельного собственника на его долю в праве. Защита прав собственников во внутренних правоотношениях должна строиться на основе специальных правил, которыми необходимо дополнить действующее гражданское законодательство, но ввиду их отсутствия собственники могут прибегнуть к общим мерам защиты.

¹ *Постановление Президиума ВАС РФ от 25 окт. 2011 г. № 5910/11 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой «КонсультантПлюс».*

Список литературы

1. *Егоров А. В.* Общая долевая собственность: механизм защиты прав сособственников // Вестник гражданского права. 2013. № 5. С. 35.
2. *Скловский К. И.* Комментарий к постановлению Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 29 апр. 2010 г. № 10/22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав». М.: Статут, 2011. С. 75.
3. *Дроздов И. А.* О правовой природе общей собственности // Цивилистические записки: межвуз. сб. науч. тр. М.: Статут, Екатеринбург. Институт частного права, 2005. Вып. 4. С. 176.
4. *Синицын С. А.* Абсолютность права общей собственности и природа прав сособственников // Адвокат. 2013. № 9.
5. *Новоселова А. А.* Динамика вещных правоотношений в гражданском праве // Законы России: опыт, анализ, практика. М., 2009.
6. *Иоффе О. С.* Развитие цивилистической мысли в СССР. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1978. ч. 2. С. 76.
7. *Постатейный* комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой / под ред. П. В. Крашенинникова. М.: Статут, 2011. С. 796.
8. *Общая* собственность: Постатейный комментарий главы 16 Гражданского кодекса Российской Федерации / под ред. П. В. Крашенинникова. М.: Статут, 2009. С. 24.
9. *Алиханова Г. А.* Право на общее имущество по законодательству Республики Казахстан. Алматы, 2010. С. 68.
10. *Сулейменов М. К.* Вещные и обязательственные права в Казахстане: содержание и соотношение понятий: сб. материалов Междунар. практ. конф. Алма-Ата, 2000. С. 5–7.

Д. Р. Зырянов

студент IV курса

юридического факультета ПГНИУ

К ВОПРОСУ О НЕДОСТАТОЧНОСТИ ВОЗНАГРАЖДЕНИЯ ФИНАНСОВОМУ УПРАВЛЯЮЩЕМУ В БАНКРОТСТВЕ ГРАЖДАНИНА

В данной статье нами будет затронут вопрос о новелле части третьей статьи 20.6 ФЗ «О несостоятельности», также мы рассмотрим вопросы, требующие, по нашему мнению, осмысления и законодательной корректировки. Вознаграждение финансового управляющего, в соответствии с ч. 3 ст. 26.6, составляет 10 000 рублей одновременно за проведение процедуры банкротства, не учитывая проценты¹. Обращаем внимание, что у всех категорий арбитражных управляющих, за исключением вышеприведенной, вознаграждение ежемесячное. Финансовый управляющий получает одновременную выплату по завершению каждой проведенной процедуры. Размер вознаграждения других категорий управляющих составляет от 15 тыс. до 45 тыс. руб. каждый месяц.

Проанализируем соотношение вознаграждения и меры ответственности арбитражного управляющего за нарушение им законодательства и ненадлежа-

© Зырянов Д. Р., 2016

¹ *О несостоятельности* (банкротстве) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2016): Федер. закон от 26 окт. 2002 г. № 127-ФЗ (ред. от 29.12.2015).

щего исполнения им своих обязанностей. При условии, что субъект предпринимательской деятельности является более сложным с точки зрения количества как совершенных им юридических и фактических действий, так и количества и сложности проводимых в его отношении процедур банкротства, считаем что, 10 тыс. руб., не затрагивая слово «единовременно», вполне адекватная сумма вознаграждения. Однако по соотношению единовременности выплаты и меры ответственности мы считаем ее несправедливой. «Введено дополнительное условие членства арбитражного управляющего в саморегулируемой организации: **отсутствие в течение трех лет до дня представления в саморегулируемую организацию заявления о вступлении в члены этой саморегулируемой организации факта исключения из числа членов этой или иной саморегулируемой организации арбитражных управляющих в связи с нарушением норм о несостоятельности (банкротстве), носящих неустранимый характер**».¹ Помимо возмещения убытков, административной дисквалификации арбитражного управляющего и его исключения из СРО, **был введен еще один вид ответственности, заключающейся в невозможности вступления в СРО в течение трех лет со дня исключения из СРО в связи с нарушением закона (норм ФЗ «О несостоятельности»)**. Это своего рода **дополнительная** и довольно продолжительная ответственность. К вышесказанному следует отнести и то, что «в силу абзаца второго пункта 2 и абзаца шестого пункта 3 статьи 20.4 Закона **отмена судебного акта о дисквалификации арбитражного управляющего, а также отмена или признание недействительным решения об исключении арбитражного управляющего из саморегулируемой организации, которое послужило основанием для его отстранения, не являются основанием для восстановления судом арбитражного управляющего для исполнения возложенных на него обязанностей в деле о банкротстве**»². Исходя из этого мы видим, что арбитражный управляющий находится в далеко невыгодном положении в смысле ответственности⁴. Вторым будет рассмотрен вопрос о соответствии денежного вознаграждения возложенным на управляющего обязанностям. На стадиях банкротства на финансового управляющего возложены обязанности, от которых зависит **удовлетворение требований кредиторов и минимальное благосостояние должника**, которое управляющий также должен сохранить. Сохранение данного баланса, как на стадии реструктуризации, так и на стадии реализации имущества, очень труднодостижимо, особенно когда должник намеренно шел к банкротству и у него имеется смысл утаивать информацию и документы, необходимые управляющему. Затраты времени и умственного ресурса управляющего при анализе финансового состояния должника, проведении собрания кредиторов, уведомлении кредиторов надлежащим образом, контроле должника, получении через суд недоступных от должника сведений и документов и состав-

¹ *О некоторых вопросах, связанных с принятием Федерального закона от 30 дек. 2008 г. № 296 ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)»: постановление Пленума ВАС РФ от 23 июля 2009 г. № 60 (ред. от 06.06.2014).*

² *Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 22 мая 2012 г. № 150.*

ление с соблюдением всех условий плана реструктуризации долгов огромны. По окончании процедуры финансовый управляющий получит единовременное вознаграждение в размере 10 тыс. руб. В то время как административный управляющий в деле по банкротству юридических лиц получает 15 тыс. руб. ежемесячно, и это является минимумом на всех стадиях с небольшими, по сравнению с остальными, процедурами и обязанностями.

В заключение проанализируем состав требований, предъявляемых к гражданину, претендующему на должность арбитражного управляющего. Напомним, что **состоять в СРО обязательно**. А для членства в СРО необходимо: наличие стажа **на руководящих должностях** не менее года, стажировка в качестве помощника управляющего не менее шести месяцев **или два года стажировки**; сдача экзамена; **отсутствие дисквалификации**, как было выше сказано **в течение трех лет**; наличие **высшего образования**. Все это, вместе с немаловажными требованиями к репутации управляющего, должно обеспечивать уверенность в данном субъекте, и **достойное вознаграждение**, по нашему мнению, **является дополнительным обеспечением интереса управляющего** соответствовать вышеуказанным требованиям.

Отмечая тот факт, что, кроме случаев, предусмотренных законом, вознаграждение выплачивается за счет должника, можно высказать минимальное оправдание по поводу того, что вознаграждение единовременное и относительно небольшое, однако оно никак не окупает возложенных на управляющего обязанностей и меру его ответственности.

Вознаграждение выплачивается из средств должника, которым является **гражданин** (субъект не предпринимательской деятельности). В связи с отсутствием достаточных позиций по данному вопросу можем только предположить, что законодатель учел его способность к выплатам дополнительных денежных средств для вознаграждения управляющего и сформировал с этой целью единовременную относительно небольшую сумму.

Анализируя возможные решения для повышения суммы вознаграждения управляющего и не забывая о гражданине, можно распределить расходы между ним и кредиторами в процентном соотношении от задолженности по денежным обязательствам, но не более чем 5 % от стоимости реализуемого имущества и субсидиарно не более 10 % от суммы денежного требования, если речь идет о кредиторе. При недостаточности вышеперечисленного обеспечить за счет кредиторов единовременную выплату управляющему в фиксированном размере. Такой подход, по нашему мнению, наиболее благоприятен для участников и управляющего, также поможет сохранить интерес к экономии времени управляющего.

Исходя из вышеизложенного, предлагаем следующие изменения в законодательство, для уравнивания денежных интересов арбитражного управляющего с учетом объема его обязанностей и мерой ответственности:

1. Изменить порядок выплаты вознаграждения с единовременного на ежемесячное (сумму в размере 10 000 рублей оставив прежней).

2. Распределить расходы на вознаграждение в процентном соотношении между должником и кредиторами с ограничениями: не более 5 % от стоимости

имущества должника, возможного к реализации, и субсидиарно не более 10 % от суммы денежного требования каждого кредитора.

3. При недостаточности вышеперечисленного применить общий порядок выплаты вознаграждения с увеличением единовременной суммы до 20 000 рублей.

Список литературы

1. Кондрат Е. Н., Рыжих И. В., Шашихина Т. В. Комментарий к Федеральному закону от 29 декабря 2014 г. № 482-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О несостоятельности (банкротстве)” и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях».

Б. И. Ившина

студентка III курса
юридического факультета ПГНИУ

ВОССТАНОВЛЕНИЕ КОРПОРАТИВНОГО КОНТРОЛЯ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Являясь активными участниками гражданско-правового оборота, корпорации и их участники становятся уязвимыми для внешних и внутренних угроз. Однако существующие способы защиты являются недостаточно эффективными при восстановлении нарушенных корпоративных прав. В силу этого в научной литературе давно отмечается необходимость в разработке новых механизмов защиты.

По мнению многих авторов, потребность в данном механизме обусловлена, в первую очередь таким негативным явлением, как неправомерный захват акций, долей хозяйственных обществ, известный также как рейдерский. Как правило, такие захваты заключаются в подделке документов по сделкам, направленным на отчуждение долей. В связи с отсутствием в гражданском законодательстве специальных правил регламентирования защиты прав на акции или доли участия в хозяйственных обществах суды применяли по аналогии закона положения ст. 301 и ст. 302 ГК РФ¹ о виндикации. Существовавшая правоприменительная практика подверглась справедливому критическому анализу о невозможности применения вещно-правового способа гражданско-правовой защиты невещных прав на акцию или долю [1]. При этом рейдеры стали усложнять ситуацию, играя с перепродажей долей по частям, изменением размера уставного капитала, конвертацией, проведением реорганизаций и т. д., в целях создания препятствий для истребования доли, так как к моменту рассмотрения иска становилось неясно, кому принадлежит доля после размытия и, следовательно, у кого ее можно истребовать.

© Ившина Б. И., 2016

¹ *Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая: Федер. закон Рос. Федерации от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32, ст. 3301.*

В целях борьбы с подобными неправомерными действиями постановлением Пленума ВАС от 3 июня 2008 г. №1176/08 в судебную практику была введена концепция «восстановления корпоративного контроля»¹. Впоследствии в рамках Концепции развития гражданского законодательства РФ² данный механизм нашел нормативное закрепление в п. 3 ст. 65.2 Гражданского кодекса РФ.

Восстановление корпоративного контроля формально представляет собой частный случай восстановления положения, существовавшего до нарушения права, а фактически является комплексным способом защиты гражданских прав, который «как бы вбирает в себя» все другие способы защиты, широко применяемые на практике [2]. По мнению А. А. Валеевой, «комплексный» характер способа защиты корпоративных прав проявляется в том, что восстановления корпоративного контроля, основанного на праве участия, не имеет значения, вследствие каких именно неправомерных действий он был утрачен [3].

При этом стоит отметить, что правила о восстановлении корпоративного контроля имеют ряд важных особенностей, на которые необходимо обратить внимание. Во-первых, они касаются только участников коммерческих корпораций. Во-вторых, они действуют, если нормами ГК РФ не установлен иной порядок защиты утраченных корпоративных прав. В-третьих, учтены интересы добросовестных приобретателей корпоративных прав. В зависимости от конкретной ситуации такие приобретатели могут претендовать на справедливую компенсацию утраченной ими доли участия в корпорации, размер которой определяется судом и, следовательно, не подлежит доказыванию истцом [4]. Обязанность выплачивать такую компенсацию возлагается на потерпевшего, т. е. на лицо, из чьего владения и выбыла доля первоначально. Впоследствии наряду с причиненными убытками размер такой компенсации может быть взыскан потерпевшим с лиц, по вине которых произошла утрата доли. В исключительных случаях добросовестные приобретатели чужих корпоративных прав могут претендовать даже на их сохранение за собой. В таких случаях лицу, которое утратило свои корпоративные права помимо воли, предоставляется право на справедливую компенсацию, выплачиваемую ему за счет лиц, виновных в утрате им своей доли участия.

По мнению Ю. Михальчук, введение нормы об обязанности выплачивать компенсацию добросовестному приобретателю направлено на соблюдение принципа возмездности, недопущения возникновения на стороне потерпевшего неосновательного обогащения, а также на установление превентивной меры по недопущению выбытия доли у первоначального собственника и последующей процедуры ее возврата. При этом, как отмечает автор, закон не поясняет, какими критериями должен руководствоваться суд при определении размера компенсации, необходимо ли брать за точку отсчета номинальную стоимость доли,

¹ *Постановление Президиума ВАС РФ от 3 июня 2008 г. № 1176/08 по делу № А14-14857/2004-571/21 // Вестник ВАС РФ. 2008. №10. С. 90–94.*

² *Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 7 окт. 2009 г.) // Вестник ВАС РФ. № 11. 2009. С. 27–28.*

стоимость ее приобретения или действительную стоимость доли (процент стоимости), либо размер компенсации не должен зависеть от указанных факторов [5]. Также важным является и то, что для удовлетворения требований по восстановлению корпоративного контроля утрата доли должна произойти помимо воли участника коммерческой корпорации, а причиной утраты должны быть неправомерные действия других участников или третьих лиц. Как отмечает И. А. Назимов, при восстановлении корпоративного контроля защита прав потерпевшего автоматически влечет нарушение прав конечного приобретателя доли участия в юридическом лице. Тогда условие о недобросовестности приобретателя обеспечивает справедливый баланс интересов [6].

Наряду с этим при применении данного механизма защиты положение истца не всегда становится ровно таким, каким было до нарушения. Так, при увеличении уставного капитала юридического лица, происшедшем в период с момента утраты истцом корпоративного контроля до его восстановления, истцу возвращается доля в уставном капитале более высокого номинала, но идентичная утраченной в процентном соотношении.

В отношении ценных бумаг, предоставляющих права участия, правила о восстановлении прав на бумаги в случае выбытия их помимо воли собственника следует дифференцировать в зависимости от того, обращаются ли данные бумаги на организованном рынке. В частности, если есть возможность приобретения аналогичных бумаг на бирже, истребование похищенных бумаг у добросовестного приобретателя нецелесообразно¹.

Еще один значимый момент был выражен в позиции ВАС РФ, согласно которой отсутствие записи в ЕГРЮЛ о лице в качестве участника общества не означает, что такое лицо не может осуществлять корпоративные права, если его статус как участника подтверждается иным образом, например вступившим в законную силу судебным актом². Отсюда следует, что если во временной промежуток с момента, когда лицо помимо своей воли утратило долю в уставном капитале общества, и до внесения записи в ЕГРЮЛ о лице в качестве участника иные участники, зная о наличии судебного спора, будут совершать сделки с долями, то такие сделки могут быть признаны недействительными, а истцу будет возвращена доля в эквивалентном размере.

Резюмируя вышесказанное, можно сделать вывод, что российское гражданское законодательство идет по пути совершенствования порядка восстановления корпоративного контроля. Несмотря на то, что при применении данного механизма возникают некоторые вопросы, для многих участников хозяйственных обществ и товариществ данный способ стал единственно возможным эффективным средством защиты нарушенных прав.

¹ *Гражданский кодекс Российской Федерации. Постатейный комментарий к главам 1–5 / А. В. Барков, А. В. Габов, В. Г. Голубцов и др.; под ред. Л. В. Санниковой. М.: Статут, 2015. 662 с.*

² *Постановление Президиума ВАС РФ от 10 июня 2008 г. № 5539/08 по делу № А40-11837/06-138-91 // Вестник ВАС РФ. 2008. № 10. С. 95–98.*

Список литературы

1. Белов В. А. К вопросу о так называемой виндикации бездокументарных ценных бумаг // Закон. 2006. № 7. С. 86–93.
2. Сарбаи С. В. Восстановление корпоративного контроля // Вестник гражд. права. 2008. № 4. С. 75.
3. Валеева А. А. К вопросу о корпоративном контроле и его восстановлении // Юрист. 2015. № 14. С. 39–46.
4. Суханов Е. А. Комментарий к ст. 65.1–65.3 ГК РФ // Вестник гражд. права. № 3. 2014. С. 120.
5. Михальчук Ю. Новое регулирование механизма возврата доли // ЭЖ-Юрист. № 20. 2015. С. 15.
6. Назимов И. А. Восстановление корпоративного контроля // Рос. юрид. журн. 2014. № 2. С. 111–119.

А. А. Казаков

студент II курса
юридического факультета ЗУИЭП

БАНКРОТСТВО ИНДИВИДУАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ

Статья 34 Конституции РФ: «Каждый имеет право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности»¹.

Согласно статье 23 части 1 Гражданского кодекса РФ, граждане вправе заниматься предпринимательской деятельностью без образования юридического лица с момента государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя².

Гражданско-правовой статус индивидуальных предпринимателей – это правовое положение указанной категории лиц в сфере гражданско-правовых (предпринимательских) отношений, характеризующее их гражданскую правосубъектность, субъективные гражданские права и обязанности, гражданско-правовые принципы, гарантии, меры гражданско-правовой ответственности и защиты, определяющие отраслевое (гражданско-правовое), специальное и конкретно-индивидуальное положение индивидуальных предпринимателей в системе гражданско-правовых отношений с учетом особенностей, связанных с индивидуальной предпринимательской деятельностью [3].

Соответственно, они являются особой категорией субъектов предпринимательской деятельности, правоотношения в этой области складываются с учетом определенной специфики. Исключением не является и банкротство индивиду-

© Казаков А. А., 2016

¹ Конституция Российской Федерации от 12 дек. 1993 г. (ред. от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31, ст. 4398.

² Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 31.01.2016 № 7-ФЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 5, ст. 559.

альных предпринимателей, имеющее свои особенности в условиях современной экономической ситуации в России [2].

Согласно ст. 214 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», основанием для признания индивидуального предпринимателя банкротом является его неспособность удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей¹.

Закон о банкротстве в ст. 27 устанавливает следующие процедуры банкротства: 1) наблюдение; 2) финансовое оздоровление; 3) внешнее управление; 4) конкурсное производство; 5) мировое соглашение.

Наблюдение – процедура банкротства, применяемая к должнику в целях обеспечения сохранности имущества должника, проведения анализа финансового состояния должника, составления реестра требований кредиторов и проведения первого собрания кредиторов.

Финансовое оздоровление – процедура банкротства, применяемая к должнику в целях восстановления его платежеспособности и погашения задолженности в соответствии с графиком погашения задолженности.

Внешнее управление – процедура банкротства, применяемая к должнику в целях восстановления его платежеспособности.

Конкурсное производство – процедура банкротства, применяемая к должнику, признанному банкротом, в целях соразмерного удовлетворения требований кредиторов.

Мировое соглашение – процедура банкротства, применяемая на любой стадии рассмотрения дела о банкротстве в целях прекращения производства по делу о банкротстве путем достижения соглашения между должником и кредиторами.

Имеются также особенности банкротства должника-гражданина, в том числе индивидуального предпринимателя (п. 2 ст. 27 Закона о банкротстве). Применительно к ним установлены следующие стадии банкротства: 1) конкурсное производство; 2) мировое соглашение. Следует отметить, что в соответствии с п. 2 ст. 231 Закона о банкротстве предусмотренные данным Законом положения о банкротстве граждан, не являющихся индивидуальными предпринимателями, вступают в силу со дня вступления в силу федерального закона о внесении соответствующих изменений и дополнений в федеральные законы. Подобный закон до сих пор не принят, что, соответственно, не позволяет применять гл. 10 «Банкротство гражданина» Закона о банкротстве в части банкротства граждан-непредпринимателей. К сожалению, пока приходится констатировать существенный пробел в правовом регулировании данных вопросов [1].

Статья 216 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» определяет последствия признания индивидуального предпринимателя банкротом:

¹ *О несостоятельности (банкротстве)*: Федер. закон от 26 окт. 2002 г. № 127-ФЗ (ред. от 29.12.2015 № 391-ФЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 1 ч. 1, ст. 11.

С момента принятия арбитражным судом решения о признании индивидуального предпринимателя банкротом и о введении реализации имущества гражданина утрачивает силу государственная регистрация гражданина в качестве индивидуального предпринимателя, а также аннулируются выданные ему лицензии на осуществление отдельных видов предпринимательской деятельности.

Индивидуальный предприниматель, признанный банкротом, не может быть зарегистрирован в качестве индивидуального предпринимателя в течение пяти лет с момента завершения процедуры реализации имущества гражданина или прекращения производства по делу о банкротстве в ходе такой процедуры¹.

После завершения расчетов с кредиторами индивидуальный предприниматель, признанный банкротом, освобождается от дальнейшего исполнения требований кредиторов, за исключением следующих требований. Требования кредиторов о возмещении вреда, причиненного жизни или здоровью, о взыскании алиментов, а также иные требования, неразрывно связанные с личностью кредитора и не погашенные в порядке исполнения решения арбитражного суда о признании индивидуального предпринимателя банкротом, либо погашенные частично, либо не заявленные в ходе процедур, применяемых в деле о банкротстве индивидуального предпринимателя, сохраняют силу и могут быть предъявлены после окончания производства по делу о банкротстве индивидуального предпринимателя в полном объеме или в непогашенной их части.

Освобождение индивидуального предпринимателя от обязательств не допускается в случаях, указанных в п. 4 ст. 213.28 Закона о банкротстве, а также если индивидуальный предприниматель не представил необходимых сведений или представил недостоверные сведения арбитражному управляющему либо арбитражному суду и это обстоятельство установлено соответствующим судебным актом, принятым арбитражным судом при рассмотрении дела о банкротстве индивидуального предпринимателя.

В случае выявления факта сокрытия индивидуальным предпринимателем имущества или незаконной передачи индивидуальным предпринимателем имущества третьим лицам кредитор, требования которого не были удовлетворены в ходе процедур, применяемых в деле о банкротстве индивидуального предпринимателя, вправе предъявить требование об обращении взыскания на это имущество.

В течение пяти лет с момента признания индивидуального предпринимателя банкротом:

- он не вправе осуществлять предпринимательскую деятельность, а также занимать должности в органах управления юридического лица, иным образом участвовать в управлении юридическим лицом;
- он не вправе принимать на себя обязательства по кредитным договорам и (или) договорам займа без указания на факт своего банкротства;
- не может быть возбуждено дело по заявлению этого гражданина.

¹ *О несостоятельности (банкротстве)*: Федер. закон от 26 окт. 2002 г. № 127-ФЗ (ред. от 29.12.2015 № 391-ФЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 1 ч. 1, ст. 11.

В случае повторного признания гражданина банкротом в течение указанного периода по заявлению конкурсного кредитора или уполномоченного органа в ходе вновь возбужденного дела о банкротстве гражданина правило об освобождении гражданина от обязательств, предусмотренное п. 1 ст. 213.28 Закона о банкротстве, не применяется. Неудовлетворенные требования кредиторов, по которым наступил срок исполнения, могут быть предъявлены в порядке, установленном законодательством РФ. После завершения реализации имущества гражданина на неудовлетворенные требования кредиторов, по которым наступил срок исполнения, судом выдаются исполнительные листы [4].

Таким образом, банкротство индивидуального предпринимателя заключается в признании его неплатежеспособности. Решение о ликвидации индивидуального предпринимателя выносит арбитражный суд, проанализировавший все обстоятельства, которые привели к данному процессу.

Список литературы

1. Гуреев В. А., Гуцин В. В. Исполнительное производство: учебник. 4-е изд., испр. и доп. М.: Статут, 2014. 455 с.
2. Кудрявцева Г. А. Некоторые вопросы банкротства индивидуального предпринимателя – физического лица // Актуальные проблемы права: материалы IV междунар. науч. конф. (г. Москва, ноябрь 2015 г.). М.: Буки-Веди, 2015. С. 101–102.
3. Мицык А. В. Индивидуальный предприниматель в нотариальной практике // Нотариус. 2015. № 6. С. 34–37.
4. Рябинин В. В. Процедура банкротства индивидуального предпринимателя: новые правила // Налоговая проверка. 2015. № 2. С. 10–23.

А. Н. Казакова

студентка IV курса
юридического факультета ПГНИУ

ДОСРОЧНЫЙ ВОЗВРАТ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО КРЕДИТА КАК ПОСЛЕДСТВИЕ НАРУШЕНИЯ ЗАЕМЩИКОМ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ

Объем потребительского кредитования, несмотря на нестабильную экономическую ситуацию, продолжает увеличиваться¹. Однако именно в этом секторе банковской деятельности особо остро и экстенсивно проявляются нарушения заемщиком своих обязательств, в том числе просрочка возврата долга².

Действующее законодательство, помимо привлечения к ответственности заемщиков за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств, предусматривает иные правовые последствия нарушения обязательств, в том

© Казакова А. Н., 2016

¹ *Информация о рисках* кредитования физических лиц в 2015 году. URL: http://cbr.ru/statistics/print.aspx?file=bank_system/risk_15.htm&pid=pdko_sub&sid=ITM_60627 (дата обращения: 23.02.2016).

² Там же.

числе предъявление кредитором требования о досрочном возврате кредита и уплате причитающихся процентов.

Право требовать досрочного возврата кредита возникает у кредитора в случаях: 1) нарушения заемщиком срока возврата очередной части кредита, если кредит возвращается по частям (п. 2 ст. 811 ГК РФ); 2) неисполнения заемщиком предусмотренных договором обязанностей по обеспечению возврата суммы кредита (ст. 813 ГК РФ); 3) утраты обеспечения кредита или ухудшение его условий по обстоятельствам, за которые кредитор не отвечает (ст. 813 ГК РФ); 4) нарушения заемщиком предусмотренной договором обязанности целевого использования потребительского кредита (п. 2 ст. 814 ГК РФ, п. 13 ст. 7 ФЗ «О потребительском кредите (займе)»¹); 5) неисполнения обязанности по обеспечению возможности осуществления займодавцем контроля за целевым использованием суммы займа (п. 2 ст. 814 ГК РФ); 6) неисполнения заемщиком свыше 30 календарных дней обязанности по страхованию, предусмотренной условиями договора (п. 12 ст. 7 ФЗ «О потребительском кредите (займе)»); 7) нарушения заемщиком сроков возврата основной суммы долга и (или) уплаты процентов по договору (п. 1 ст. 14 ФЗ «О потребительском кредите (займе)»).

Иные не предусмотренные в законе основания для предъявления требования о досрочном возврате потребительского кредита и уплате причитающихся процентов не могут содержаться в договоре потребительского кредита (например, ухудшение финансового положения заемщика)². Так, Семнадцатый арбитражный апелляционный суд признал правомерным привлечение ОАО «Росбанк» к административной ответственности за включение в договоры потребительского кредита положений о праве банка потребовать досрочного возврата кредита по иным, не указанным в законе основаниям³.

Для некоторых оснований предъявления требования о досрочном возврате кредита в законе установлены дополнительные условия. Так, при досрочном возврате кредита при просрочке условия зависят от длительности просрочки и срока договора: в первом варианте просрочка должна быть общей продолжительностью не менее 61 календарного дня в течение последних 180 календарных дней, а также должно производиться уведомление заемщика и предоставление ему разумного срока для возврата не менее 30 дней со дня направления уведомления. Второй вариант распространяется на договоры, заключенные на срок менее 60 дней: обязательно наличие просрочки более 10 дней, а также предварительное уведомление и предоставление разумного срока для возврата

¹ *О потребительском кредите (займе)*: Федер. закон от 21 дек. 2013 г. № 353-ФЗ (ред. от 21.07.2014) // Рос. газета. 2013. № 289.

² *Обзор судебной практики по некоторым вопросам, связанным с применением к банкам административной ответственности за нарушение законодательства о защите прав потребителей при заключении кредитных договоров*: информац. письмо Президиума ВАС РФ от 13 сент. 2011 г. № 146 // Вестник ВАС РФ. 2011. № 11.

³ Дело № А50-22664/2011: постановление Семнадцатого арбитраж. Апелляц. суда от 24 апр. 2012 г. № 17АП-2236/2012-АК [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

не менее 10 дней. В литературе предлагается изменить в последнем варианте срок уведомления на 14 дней вместо 10, так как погашение задолженности обычно производится за счет заработной платы, а она, в силу ст. 136 Трудового кодекса РФ¹, как правило, выплачивается работнику два раза в месяц. Следовательно, средства для возврата кредита появляются у заемщика обычно раз в 2 недели, а не в десять дней [1].

В юридической литературе и на практике по-разному квалифицируют сущность требования кредитора о досрочном возврате кредита. Одни рассматривают это как одностороннее расторжение договора [2]. Другие – как одностороннее изменение кредитором срока кредита [1]. Судебная практика также неоднозначно трактовала требование о досрочном возврате в разные периоды: в конце 90-х – начале 2000-х суды рассматривали его как расторжение договора², а в последние годы – как изменение договора в части срока³. Мы, следуя за судебной практикой, присоединимся ко второй позиции еще и в связи с тем, что, в частности, законодатель в п. 1 ст. 14 Федерального закона «О потребительском кредите (займе)» не отождествляет досрочный возврат кредита и расторжение договора, признавая их самостоятельными правовыми последствиями просрочки. Также отмечается целесообразность разделения данных последствий, так как кредиторы в некоторых случаях (например, при кредитовании по кредитной линии) могут быть заинтересованы в сохранении договора в силе с условием досрочного возврата части кредита [1].

Досрочный возврат суммы кредита неразрывно связывается законодателем с уплатой причитающихся процентов, сущность которых также неоднозначно определяется в теории и на практике. Е. А. Павлодский рассматривает причитающиеся проценты как проценты, начисляемые за период пользования кредитными средствами [3]. Однако в постановлении Пленумов ВС РФ и ВАС РФ от 8 октября 1998 г. № 13/14 указано, что причитающиеся проценты взыскиваются в установленном в договоре размере до дня, когда сумма кредита в соответствии с договором должна была быть возвращена. Из этого делается вывод о том, что причитающиеся проценты фактически уплачиваются и за период, когда заемщик не пользуется суммой кредита в связи с ее досрочным возвратом [4]. Конституционный суд РФ развил позицию указанных судов, определив уплату причитающихся процентов как возможность получения кредитором компенсаций в счет предполагаемого дохода, не полученного из-за действий заемщика⁴. Однако подобная характеристика причитающихся процентов может

¹ Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 дек. 2001 г. № 197-ФЗ (ред. от 30.12.2015) // Рос. газета. 2001. № 256.

² Дело № А40-5898/98-63-90: решение Арбитражного суда г. Москвы от 24 марта 1998 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Обзор судебной практики разрешения споров, связанных с применением положений Гражданского кодекса Российской Федерации о кредитном договоре: информационное письмо Президиума ВАС РФ от 13 сент. 2011 г. № 147 // Вестник ВАС РФ. 2011. № 11.

⁴ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Трофимова А. А. на нарушение его конституционных прав пунктом 2 ст. 811 ГК РФ: определение Конституц. суда Рос. Фе-

привести к двойному доходу кредитора, который за одну и ту же сумму получит плату за пользование от нового заемщика и причитающиеся проценты от прежнего [4]. В связи с этим видится обоснованной сформировавшаяся в последнее время позиция ВАС РФ, согласно которой причитающиеся проценты должны соотноситься с неполученными доходами кредитора: например, суд взыскал причитающиеся проценты только за время фактического пользования заемщиком кредитом и за период невозможности размещения денежных средств новому заемщику¹. Последний подход, на наш взгляд, наиболее точно отражает цель закрепления института причитающихся процентов.

Однако из толкования норм Федерального закона «О потребительском кредите (займе)» следует различный подход законодателя к причитающимся процентам в зависимости от основания предъявления требования о досрочном возврате потребительского кредита. При досрочном возврате кредита за неисполнение обязанности по страхованию подлежат уплате причитающиеся проценты только за фактический срок кредитования (п. 12 ст. 7). В случае же досрочного возврата за нецелевое использование возврату подлежит потребительский кредит в полном объеме, т. е. в данном случае проценты подлежат уплате по день, указанный в договоре, что отражает позицию высших судебных инстанций, выраженную в указанном ранее совместном постановлении. На наш взгляд, подобный разносторонний подход законодателя отражает его отношение к «тяжести» допущенных заемщиком нарушений, однако такая несистемная дифференциация может создать трудности как для обывателей, так и для профессиональных правоприменителей. Поэтому целесообразнее закрепить единый подход к пониманию причитающихся процентов как платы за время фактического пользования.

Таким образом, требование о досрочном возврате кредита является отличным от мер ответственности последствием нарушения заемщиком своих обязательств, которое может наступить только в случаях, предусмотренных законом. По своей сути досрочный возврат является изменением договора в части срока, а не расторжением срока. Также предъявление требования о досрочном возврате потребительского кредита неразрывно связано с уплатой причитающихся процентов, под которыми в потребительском кредитовании понимаются либо проценты только за фактический срок кредитования, либо проценты, начисленный за срок кредитования в целом, либо проценты, соответствующие недополученным доходам кредитора.

дерации от 15 янв. 2009 г. № 243 О-О [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹ *Обзор* судебной практики разрешения споров, связанных с применением положений Гражданского кодекса Российской Федерации о кредитном договоре: Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 13 сент. 2011 г. № 147 // Вестник ВАС РФ. 2011. № 11.

Список литературы

1. Иванов О. М., Щербакова М. А. Комментарий к Федеральному закону «О потребительском кредите (займе)». М., 2014. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга пятая: договоры о займе, банковском кредите и факторинге. Договоры, направленные на создание коллективных образований. М., 2006. Т. 1. 736 с.
3. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части второй (постатейный) / под ред. О. Н. Садикова М., 2005. С. 381.
4. Афанасьев А. Б. Причитающиеся проценты в теории и практике применения // Пермский конгресс ученых-юристов: сборник тезисов докладов международной научно-практической конференции. 2012. URL: www.territiriaprava.ru/topics/46862 (дата обращения: 23.02.2016).

Р. Ю. Кац

студент I курса магистратуры
юридического факультета ПГНИУ

ПЕРСПЕКТИВЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ВОССТАНОВЛЕНИЯ КОРПОРАТИВНОГО КОНТРОЛЯ ПОСРЕДСТВОМ ИСТРЕБОВАНИЯ ЦЕННЫХ БУМАГ ИЗ ЧУЖОГО НЕЗАКОННОГО ВЛАДЕНИЯ

Корпоративные споры о восстановлении корпоративного контроля в коммерческих организациях составляют значительную часть всего массива дел, возникающих из корпоративных споров, рассматриваемых судами. Немалый научный интерес традиционно вызывает вопрос о правомерности заявления виндикационных требований в отношении ценных бумаг, владение которыми было утрачено. В особенности это касается вопроса о восстановлении прав на бездокументарные ценные бумаги.

В доктрине не сложилось единого подхода к определению надлежащего способа защиты права в случае утраты владения акциями. Начало дискуссиям положил Высший Арбитражный суд Российской Федерации, который почти 20 лет назад высказал позицию о допустимости заявления и удовлетворения требований именно виндикационного характера¹. Впоследствии цивилистическая наука разделилась: существует немало и сторонников виндикационного подхода, в том числе, Г. Н. Шевченко, полагающий, что вещно-правовая защита в целом и виндикация, в частности, может быть наиболее эффективным [1] способом защиты прав владельцев бездокументарных ценных бумаг, в отличие обязательно-правовых способов защиты [2]. В то же время немалая часть ученых выразила сомнения в правомерности выводов высшей судебной ин-

© Кац Р. Ю., 2016

¹ Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 21 апр. 1998 г. № 33 «Обзор практики разрешения споров по сделкам, связанным с размещением и обращением акций» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой «КонсультантПлюс».

станции, допустившей смешение в понимании сущности ценных бумаг и вещей как объектов права. Очевидно, что документарные ценные бумаги допустимо отнести к вещам, в то время как правовая природа бездокументарных ценных бумаг аналогична «устным деньгам» [3], что, по аналогии с последними, приводит к невозможности их виндикации. Независимую позицию в споре занял В. А. Белов, допускающий само заявление подобных требований, направленных на восстановление имущественного положения лица и потому корреспондирующих основным началам гражданского права. В то же время профессор Белов отметил, что такие требования по своей природе виндикационными не являются, представляя собой самостоятельную разновидность корпоративного иска [4], предприняв попытку разработать некое подобие «квазивиндикационного» корпоративного иска.

Путем принятия Федерального закона от 2 июля 2013 г. № 142-ФЗ законодатель внес свою лепту в спор о выборе надлежащего способа защиты права на бездокументарные ценные бумаги. Очевидно, что полной поддержки со стороны законодателя правовая конструкция виндикации ценных бумаг так и не получила [5]. Изменения, внесенные в главу 7 ГК РФ, в целом корреспондируют общей тенденции к выделению в системе защиты корпоративных прав такого способа защиты, как восстановление корпоративного контроля [7;8]. Таким образом, ст. 149.3 является специальной по отношению к общей норме, закрепленной в ст. 65.2 ГК РФ. Создание подобного комплексного способа защиты корпоративных прав [9] возвращает нас к вопросу о сочетании абсолютных и относительных способов защиты в рамках истребования бездокументарных ценных бумаг. Соглашаясь с В. А. Беловым, отметим высокую эффективность абсолютного характера защиты прав на ценные бумаги в целом и бездокументарные в частности [6].

По нашему мнению, позиция законодателя по вопросу формирования института защиты корпоративных прав является непоследовательной. Выделив первоначально в предмете гражданского права корпоративные правоотношения наравне в первую очередь с вещными и обязательственными правоотношениями, законодатель пошел по верному пути создания самостоятельной, корпоративной защиты, создав предпосылки для выделения корпоративного иска [4].

Следует ли при этом признать сформированной общую часть корпоративного права? На этот вопрос, скорее всего, следует ответить отрицательно: системный подход со стороны законодателя к формированию такой подотрасли все еще не усматривается, равно как не усматривается и сколь-нибудь подробное формирование института способов защиты прав. Безусловно, применение к корпоративным правоотношениям в неизменном виде вещно-правовых и обязательно-правовых способов защиты права, очевидно, не является возможным. Потребностью гражданского оборота в любом случае должно являться обеспечение восстановления нарушенных прав, а не лишение отдельных его участников возможности полноценной реализации этого принципа гражданского права в угоду различной природе первичных правоотношений. Тем более

остро встает этот вопрос, когда речь идет о сужении возможности абсолютной защиты гражданских прав путем восстановления прав на бездокументарные ценные бумаги.

На наш взгляд, при восстановлении корпоративного контроля путем восстановления прав на бездокументарные ценные бумаги, по аналогии с истребованием документарных ценных бумаг, следует исходить из правовых конструкций, предусмотренных ст. 301–302 ГК РФ. Данный способ защиты права в полной мере корреспондирует восстановлению положения, существовавшего до нарушения права (ст. 12 ГК РФ), которое распространяется и на корпоративные правоотношения¹.

Существующая разница между данными правовыми конструкциями видна, к примеру, при системном анализе положений п. 1 ст. 302 ГК РФ и п. 4 ст. 147 ГК РФ. Так, законом урегулирован перечень прав и условия их применения владельцем документарной ценной бумаги, которая выбыла из его владения в результате неправомерных действий, касающиеся её истребования из чужого незаконного владения приобретателя, причем вне зависимости от того, является ли это лицо добросовестным либо недобросовестным приобретателем. Кроме того, параграфом вторым главы 7 ГК РФ урегулированы и правоотношения между законным владельцем ценной бумаги и её приобретателем относительно судьбы полученных последним доходов и приобретенного им имущества.

К сожалению, аналогичных правомочий лицу, с чьего счета были неправомерно списаны бездокументарные ценные бумаги, закон не предоставляет, в чем и видится значимая правовая неопределенность в регулировании данных институтов.

Безусловно, не имея под собой идентичной правовой природы с точки зрения вещных и обязательственных конструкций, права владельца документарных и бездокументарных ценных бумаг в значительной мере схожи с точки зрения корпоративного регулирования, и потому столь различное правовое регулирование вопросов об их истребовании (восстановлении на счете) препятствует реализации целей гражданско-правового регулирования, дестабилизирует гражданский оборот. Для продолжения разработки конструкции корпоративного права как подотрасли гражданского права необходимо более четкое, гармонизированное (или даже унифицированное) регулирование отдельных институтов и субинститутов, которое, к тому же, должно правильно коррелировать с основными началами гражданского законодательства и способствовать их реализации, и в первую очередь это касается вопросов о защите прав и обеспечения их беспрепятственного восстановления.

Список литературы

1. Шевченко Г. Н. Эмиссионные ценные бумаги: понятие, эмиссия, обращение. М.: Статут, 2006. 271 с.

¹ Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 3 июня 2008 г. № 1176/08 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Шевченко Г. Н. Вещно-правовые способы защиты прав владельцев эмиссионных ценных бумаг // Законодательство и экономика. 2005. № 11. С. 18–21.
3. Авилов Г. Е., Суханов Е. А. Юридические лица в современном российском гражданском праве // Вестник гражд. права. 2006. № 1. С. 14–25.
4. Белов В. А. К вопросу о так называемой виндикации бездокументарных ценных бумаг // Закон. 2006. № 7. С. 86–93.
5. Кирилловых А. А. Порядок признания выпуска ценных бумаг недействительным и его последствия: проблемы правового регулирования // Право и экономика. 2015. № 5. С. 39–44.
6. Белов В. А. Бездокументарные ценные бумаги: науч.-практ. очерк. М., 2012. 212 с.
7. Сарбаш С. В. Восстановление корпоративного контроля // Вестник гражд. права. 2008. № 4, т. 8. С. 1–21.
8. Суханов Е. А. Комментарий к ст. ст. 65.1–65.3 ГК РФ // Вестник гражд. права. 2014. № 3. С. 107–130.
9. Валева А. А. К вопросу о корпоративном контроле и его восстановлении // Юрист. 2015. № 14. С. 39–46.

О. О. Клаузер

студентка IV курса
юридического факультета ПГНИУ

К ВОПРОСУ ОБ ИНСТИТУТЕ ОБЕСПЕЧИТЕЛЬНЫХ МЕР ПРИ РАССМОТРЕНИИ КОРПОРАТИВНЫХ СПОРОВ В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

В условиях достаточно сложной и динамично изменяющейся экономической ситуации в России, в которой находятся участники делового оборота, обеспечительные меры способствуют реализации эффективной защиты прав и законных интересов лиц, осуществляющих предпринимательскую и иную экономическую деятельность. Участники цивилистического процесса все чаще обращаются к институту обеспечительных мер в целях гарантии исполнения будущего судебного акта и превенции причинения им значительного вреда. Однако широко распространена практика злоупотребления процессуальными правами с целью нанести серьезный экономический ущерб контрагентам, используя данный правовой механизм. В данной статье нами будет затронут вопрос о некоторых особенностях применения обеспечительных мер при рассмотрении корпоративных споров в арбитражных судах. Также мы попытаемся выделить моменты, требующие, по нашему мнению, осмысления и законодательной корректировки.

В соответствии с ч. 1 ст. 90 АПК РФ, под обеспечительными мерами понимаются срочные временные меры, направленные на обеспечение иска или имущественных интересов заявителя. Полагаем, данное определение не лишено недостатков.

Присоединяясь к мнению В. В. Котляровой предлагаем сформулировать следующую дефиницию, закрепив ее в ч. 1 ст. 90 АПК РФ:

«Под обеспечительными мерами понимаются властные ограничения, как имущественного, так и неимущественного характера, направленные на временное ущемление прав ответной стороны, и в то же время, обеспечивающие баланс интересов сторон арбитражного процесса путем наделения «заявителя» обязанностью предоставления встречного обеспечения, что не колеблет реализацию принципа равенства процессуальных прав заинтересованных лиц».

Наличие определенных особенностей споров, вытекающих из корпоративных конфликтов, повлекло необходимость включения в АПК РФ отдельной главы 28.1 «Рассмотрение дел по корпоративным спорам».

Обеспечительные меры по корпоративным спорам принимаются арбитражным судом в общем порядке, предусмотренном гл. 8 АПК РФ, с учетом особенностей, установленных ст. 225.6 Кодекса. В частности, подлежат применению положения гл. 8 АПК РФ, устанавливающие требования к заявлению о принятии обеспечительных мер, основания их принятия, предоставления встречного обеспечения, отмены принятой меры и ее замены другой.

Обеспечительные меры по корпоративным спорам принимаются при наличии одного из следующих оснований:

- если их непринятие может затруднить или сделать невозможным исполнение судебного акта;
- если оно приведет к причинению значительного ущерба заявителю.

Это общие основания для принятия мер в арбитражном процессе. Обязанность по доказыванию наличия указанных обстоятельств лежит на заявителе (ст. 65 АПК РФ).

Установление каких-либо критериев «значительности» ущерба на законодательном уровне представляется нецелесообразным, поскольку при осуществлении предпринимательской деятельности невозможно точно предсказать конечный желаемый результат и предусмотреть все риски.

Принимаемые арбитражным судом обеспечительные меры должны отвечать критерию соразмерности заявленным требованиям (ч. 2 ст. 91 АПК РФ). Это означает, что арбитражный суд при избрании вида обеспечительной меры должен исходить, во-первых, из ее соответствия предмету спора, а во-вторых, из ее необходимости и достаточности для обеспечения исполнимости судебного акта или предотвращения причинения значительного ущерба заявителю.

Отметим и указание Пленума ВАС РФ в п. 10 постановления от 12 окт. 2006 г. № 55 «О применении арбитражными судами обеспечительных мер» (далее – Постановление № 55¹) о том, что обеспечительные меры являются ускоренным средством защиты, поэтому для их принятия не требуется доказательств в полном объеме по существу спора, однако для их применения необходимо доказать наличие оспоренного или нарушенного права, а также факт его нарушения.

Следовательно, при обращении в суд с иском о защите прав, связанных с участием в юридическом лице, к заявлению об обеспечении должны прилагать-

¹ *О применении арбитражными судами обеспечительных мер:* Постановление Пленума ВАС РФ от 12 окт. 2006 г. № 55 // Вестник ВАС РФ. 2006. № 12.

ся документы, подтверждающие наличие такого статуса (выписка из реестра акционеров, выписка из ЕГРЮЛ, отражающая сведения об истце как участнике ООО), либо обоснование невозможности подтвердить такой статус (например, если его наличие у истца является предметом спора), а также доказательства нарушения субъективных прав истца как участника.

Следует отметить существенную стабильность, а также количественную значительность выносимых арбитражными судами определений о применении либо об отказе в применении обеспечительных мер. Согласно официально опубликованным сведениям арбитражными судами первой инстанции в 2015 г. рассмотрено 60 221 заявление о применении обеспечительных мер, что несколько меньше (на 4 %), чем в 2014 г. (62 752 заявления), и составило около 5 процентов от количества рассмотренных в указанный период судами первой инстанции дел – 1 247 863 (1 409 545 – в 2012 г.), т. е. заявления о применении обеспечительных мер рассмотрены примерно по каждому двадцатому делу (следует, однако, учитывать, что по одному делу могло заявляться и рассматриваться несколько соответствующих заявлений). 24 101 из указанных заявлений, или 40 процентов, признано судами обоснованными.

В суды апелляционной инстанции обжаловано менее 5 % судебных актов судов первой инстанции, связанных с принятием обеспечительных мер, отменено около 10 % от обжалованных актов, или 1,2 % от принятых судами первой инстанции по рассмотренным заявлениям судебных актов¹.

Определения арбитражного суда, выносимые при рассмотрении дел по корпоративным спорам, об обеспечении иска, об отказе в обеспечении иска, о встречном обеспечении, об отмене обеспечения иска, об отказе в отмене обеспечения иска, а также относительно предварительных обеспечительных мер по корпоративным спорам обжалуются по общим правилам с учетом того, что апелляционные жалобы на такие определения подаются в течение десяти дней со дня их вынесения.

Обеспечение иска может быть отменено в рамках обжалования судебного акта о принятии обеспечительной меры либо посредством отмены такой меры судом, рассматривающим дело, в порядке ст. 97 АПК РФ.

В статье 97 АПК РФ не предусмотрены основания, по которым обеспечение иска может быть отменено, этот вопрос разрешается судом в каждом конкретном случае с учетом обстоятельств дела. Обращение с заявлением об отмене обеспечительных мер может быть вызвано, в частности, тем, что отпали основания, по которым принимались эти меры, либо после их принятия появились обстоятельства, обосновывающие отсутствие необходимости сохранять обеспечение.

Следует также учитывать, что, по смыслу ст. 97 АПК РФ, отмена обеспечительных мер арбитражным судом не означает, что определение о принятии обеспечительных мер также отменено, и не препятствует проверке законности такого определения в порядке ч. 7 ст. 93 и ст. 290 АПК РФ.

¹ Федеральные арбитражные суды Российской Федерации. URL: http://www.arbitr.ru/press-centr/press_arb_sud/ (дата обращения: 31.03.2016).

Таким образом, мы приходим к выводу о том, что процедура судебного заседания по вопросу принятия обеспечительных мер в корпоративных спорах, предоставления встречного обеспечения, а также проблемы обжалования судебного акта о принятии обеспечительной меры на законодательном уровне урегулированы не достаточно полно, многие вопросы зависят от судебного усмотрения.

Исходя из наших доводов мы хотим предложить следующие изменения в законодательство для уравнивания интересов сторон при рассмотрении вопроса о наложении обеспечительных мер при рассмотрении корпоративных споров:

1. Часть 1 статьи 90 АПК РФ изложить в следующей редакции: «Под обеспечительными мерами понимаются властные ограничения, как имущественного, так и неимущественного характера, направленные на временное ущемление прав ответной стороны, и в то же время, обеспечивающие баланс интересов сторон арбитражного процесса путем наделения «заявителя» обязанностью предоставления встречного обеспечения, что не колеблет реализацию принципа равенства процессуальных прав заинтересованных лиц».

2. В статье 90 АПК РФ закрепить условия принятия обеспечительных мер.

«Обеспечительные меры могут быть приняты арбитражным судом с учетом следующих условий:

– целесообразность применения обеспечительной меры, обоснованная «заявителем»;

– соразмерность истребуемой «заявителем» обеспечительной меры заявленным требованиям;

– сохранение стабильности взаимоотношений сторон в экономической сфере и предотвращение нарушения публичных интересов и интересов третьих лиц.

Арбитражным судом могут устанавливаться иные условия применения обеспечительных мер».

Е. В. Колесень

студент II курса магистратуры
юридического факультета ПГНИУ

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАССМОТРЕНИЯ КОРПОРАТИВНЫХ СПОРОВ

В правовом регулировании корпоративных правоотношений несколько лет просуществовала довольно интересная ситуация. В арбитражном процессуальном праве законодатель определил понятие корпоративного спора в ст. 225.1 АПК РФ¹ в 2009 г., указал перечень споров, которые подлежат рас-

© Колесень Е. В., 2016

¹ *Арбитражный* процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // Парламент. газета. 2002. 27 июля.

смотрению в порядке, установленном в гл. 28.1 АПК РФ. При этом основные термины, такие как «корпоративные правоотношения», «корпорации», нашли свое толкование в гражданском законодательстве позже, в ст. 2 ГК РФ¹ внесены изменения федеральным законом от 30 декабря 2012 г. № 302-ФЗ. Без сомнения, к моменту внесения изменений в ГК РФ категория корпоративного права уже было достаточно широко разработана в доктрине, фактически корпоративные отношения сложились, и по ним сформировалась обширная правоприменительная практика.

В рамках настоящего исследования будут выделены несколько особенностей, характерных для корпоративных споров и отличающих их от других споров, рассматриваемых арбитражными судами.

1. В корпоративных спорах распространено участие в делах физических лиц, не являющихся индивидуальными предпринимателями. Это связано с тем, что зачастую сторонами по делу оказываются физические лица, входящие или входившие в состав органов управления юридического лица, участники, акционеры, члены корпораций. Большинство гражданско-правовых споров, в которых участвуют физические лица, рассматриваются судами общей юрисдикции.

2. При применении обеспечительных мер, в соответствии с гл. 8 АПК РФ, в корпоративных спорах также имеется своя специфика. Суды прибегают к запрету совершения регистрационных действий в ЕГРЮЛ в отношении юридических лиц, запрету на переход прав на ценные бумаги в реестре акционеров, доли в уставном капитале обществ с ограниченной ответственностью. Также суд вправе запретить годовому или внеочередному общему собранию акционеров принимать решения по отдельным вопросам, включенным в повестку дня.

3. Одной из процессуальных особенностей корпоративных споров является невозможность их рассмотрения в порядке упрощенного производства. Прямой запрет установлен ч. 4 ст. 227 АПК РФ. Таким образом, законодатель отмечает особую значимость корпоративных споров и невозможность их рассмотрения без вызова сторон.

4. Широко распространены иски, подаваемые участниками корпорации в защиту интересов самой корпорации. Косвенный иск – иск, предъявляемый в защиту интересов общества акционерами (участниками) общества [1]. Все взыскиваемое по таким искам идет в пользу самого общества. Сам термин не содержится в процессуальном законодательстве, однако часто встречается в судебных актах.

5. В качестве одной из интересных особенностей некоторых видов корпоративных споров можно отметить смещение бремени доказывания в сторону истца. Особенно ярко указанная особенность проявляется в исках о возмещении убытков исполнительными органами общества.

¹ *Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая: Федер. закон Рос. Федерации от 30 нояб. 1994 № 51-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32.*

В рамках настоящего исследования предлагается подробнее рассмотреть указанную выше особенность. Исходя из традиционного подхода, содержащегося в ГК РФ, бремя доказывания факта неправомерного поведения возлагается на истца, при этом доказывать свою невиновность должен ответчик (п. 2 ст. 401, п. 2 ст. 1064 ГК РФ). В этом проявляется презумпция вины в гражданском праве. Более подробное исследование норм и правоприменительной практики позволяет сделать выводы: фактически бремя доказывания в спорах о возмещении убытков лежит на истце в полном объеме, в т. ч. доказывание вины ответчика.

О виновности поведения членов органов управления указывается в п. 1 ст. 53.1 ГК РФ, а также в специальных законах – п. 2 ст. 71 Федерального закона от 26 декабря 1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (далее – Закон об АО)¹ и п. 2 ст. 44 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее – Закон об ООО)².

Однако из буквального толкования норм напрямую не следует, что вину должен доказывать истец. Позиция высшей судебной инстанции по вопросу возмещения убытков была сформулирована в 2013 г. в постановлении Пленума ВАС РФ № 62 от 30 июля 2013 г. (далее – Постановление №62)³. В документе сделан акцент на необходимости доказывания недобросовестности и неразумности в действиях исполнительных органов.

В комментариях к указанному выше постановлению А. А. Кузнецов [2] делает вывод, что доказывание истцом неразумного и недобросовестного поведения директора автоматически означает доказывание вины такого директора, так как нарушение обязанности действовать добросовестно и разумно в интересах общества предполагает то, что директор при той заботливости и осмотрительности, какая от него требовалась по условиям оборота, не принял все меры для надлежащего исполнения своих обязанностей. Иными словами, вина при данном правонарушении презюмируется и доказывать ее отдельно нет необходимости.

Однако существуют иные трактовки положений Постановления № 62. В частности в своем комментарии к проекту Постановления №62 Т.С. Бойко [3] отмечает, что разработчиками постановления категория вины определена через нарушение обязанности действовать добросовестно и разумно.

Помимо вопросов вины высшие судебные инстанции отметили важность причинно-следственной связи между убытками и действиями директора, а также разумностью его поведения.

¹ *Об акционерных обществах*: Федер. закон Рос. Федерации от 26 дек. 1995 г. №208-ФЗ // Рос. газета. 1995. 29 дек.

² *Об обществах с ограниченной ответственностью*: Федер. закон Рос. Федерации от 8 февраля 1998 г. №14-ФЗ // Рос. газета. 1998. 17 февр.

³ *О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица*: постановление Пленума ВАС РФ от 30 июля 2013 г. № 62 // Экономика и жизнь. 2013. № 34. (Бух. прил.).

В абзаце 4 пункта 1 Постановления №62 высшей судебной инстанцией определено, что директор в целях своей защиты может дать пояснения относительно своих действий (бездействия) и указать на причины возникновения убытков (например, неблагоприятная рыночная конъюнктура и др.) и представить соответствующие доказательства. Несмотря на диспозитивность используемых формулировок, в т.ч. «может дать пояснения», правоприменитель фактически указывает, что только такая модель поведения поможет руководителю подтвердить свою добросовестность.

Развивая этот тезис, правоприменитель в дальнейшем в п. 25 постановления Пленума Верховного суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее – Постановление № 25)¹, поясняет в отношении ст. 53.1 ГК РФ, что негативные последствия, наступившие для юридического лица в период времени, когда в состав органов юридического лица входило названное лицо, сами по себе не свидетельствуют о недобросовестности и (или) неразумности его действий (бездействия), так как возможность возникновения таких последствий связана с риском предпринимательской и (или) иной экономической деятельности.

Таким образом, обращаясь в арбитражный суд с требованием о взыскании убытков с единоличного исполнительного органа общества, истец должен доказать факт возникновения убытков, их размер, противоправность действий (бездействия) руководителя общества (их недобросовестность и (или) неразумность) и причинно-следственную связь между его действиями (бездействием) и возникшими убытками. С другой стороны, директор, столкнувшийся с иском от общества, не должен игнорировать судебное разбирательство, а должен дать пояснения в целях подтверждения своей добросовестности.

Результаты исследования показали, что корпоративные споры имеют свои особенности, обусловленные спецификой применяемых норм процессуального и материального права. В связи с этим они представляют собой более сложную категорию дел и требуют пристального внимания как арбитражных судов, так и сторон по делу.

Список литературы

1. *Корпоративное право*: учебник / Е. Г. Афанасьева, В. Ю. Бакшинская, Е. П. Губин и др.; отв. ред. И. С. Шиткина. 2-е изд., перераб. и доп. М.: КНОРУС, 2015. 1080 с.
2. *Кузнецов А. А.* Комментарий к постановлению Пленума ВАС РФ от 30 июля 2013 г. № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» // Вестник ВАС РФ. 2013. № 10. С. 42–64.
3. *Бойко Т. С.* Ответственность членов органов управления юридических лиц. Комментарий к отдельным положениям проекта постановления Пленума ВАС РФ «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» // Закон. 2013. № 6. С. 83–92.

¹ *О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации*: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 // Рос. газета. 2015. 30 июня.

О. И. Комышева

студентка II курса магистратуры
юридического факультета ПГНИУ

СПОСОБЫ ЗАЩИТЫ ВЕЩНЫХ ПРАВ В СВЕТЕ РЕФОРМЫ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

Принятие в 2009 г. Концепции развития гражданского законодательства ознаменовало начало масштабной реформы отечественного гражданского права. Положения Концепции¹ более подробно были разработаны в рамках законопроекта №47538-6 (далее – Законопроект)². В последующем положения данного Законопроекта были разделены на отдельные законопроекты, многие из которых уже приняты. Однако положения законопроекта о вещных правах, в том числе о защите вещных прав, остаются по-прежнему не реализованными.

Указанным Законопроектом предлагается много существенных новелл, значительно меняющих раздел II ГК РФ. Данная статья посвящена только одному из них, а именно предлагаемому исключению распространения действия срока исковой давности на истребование имущества у давностного владельца путем предъявления виндикационного иска. Указанная новелла угрожает стабильности сложившегося гражданского оборота.

На данный момент, в соответствии с п. 13 постановления Пленума ВС РФ № 10, Пленума ВАС РФ №22 от 29 апреля 2010 г.³, добросовестный приобретатель имеет право собственности на приобретенное имущество, за исключением предусмотренных ст. 302 ГК РФ⁴ случаев, когда собственник вправе истребовать такое имущество от добросовестного приобретателя.

В. В. Витрянский указывает, что в случае отказа судом в удовлетворении виндикационного иска добросовестный приобретатель получает статус давностного владельца и может приобрести право собственности на недвижимую вещь только по истечении срока приобретательной давности.

В силу пункта 6 Постановления Пленума ВС РФ «О некоторых вопросах, связанных с применением норм ГК РФ об исковой давности» от 29 сентября

© Комышева О. И., 2016

¹ Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобр. решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражд. законодательства от 7 окт. 2009 г.) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации: проект Федер. закона № 47538-6 (ред., принятая ГД ФС РФ в I чтении 27 апр. 2012 г.) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав: постановление Пленума ВС РФ и Пленума ВАС РФ от 29 апр. 2010 г. № 10/22 п. 13 // Вестник ВАС РФ. 2010. № 6.

⁴ Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая: Федер. закон № 51-ФЗ от 30 нояб. 1994 г. (ред. от 23.05.2016) // Рос. газета. 1994. № 238–239.

2015 г. № 43, переход прав в порядке универсального или сингулярного правопреемства не влияет на начало течения срока исковой давности, порядок его исчисления, и он начинает свой отсчет в порядке, установленном ст. 200 ГК РФ. В силу пункта 7 указанного постановления, положения ст. 208 ГК РФ (требования, на которые не распространяются исковая давность) не распространяется на требования собственника или иного владельца об устранении всяких нарушений его права, если эти нарушения не были связаны с лишением владения; срок исковой давности применяется к искам, не являющимся негаторными¹.

Истечение срока исковой давности не лишает собственника права на обращение в суд с целью истребования вещи на основаниях, предусмотренных ст. 302 ГК РФ, однако, возможность реально истребовать спорную вещь в данном случае практически сводится к нулю, ведь ответчику лишь стоит заявить об истечении срока исковой давности, и суд в удовлетворении исковых требований откажет.

Таким образом, с прекращением самого возможного правопритязания со стороны надлежащего собственника утрачивается целесообразность сохранения титула собственника на период с момента истечения такого срока исковой давности до истечения срока приобретательной давности.

Разработчиками Законопроекта предпринята попытка решения вышеизложенной проблемы путем отказа от распространения действия срока исковой давности на данные правоотношения (п. 3 ст. 242 Законопроекта). Следовательно, в случае вступления в силу данных нововведений, имущество можно будет истребовать у давностного владельца в течение всего периода владения до момента истечения срока приобретательной давности.

Однако данная мера угрожает стабильности гражданского оборота и повлечет ряд практических проблем ввиду следующего.

Т. Е. Абова отмечает, что «исковая давность охраняет интересы как управомоченного, так и его контрагента, правовая сфера которого не должна находиться бесконечно в состоянии неопределенности, под угрозой судебного решения против него» [2]. По мнению Е. А. Суханова, исковая давность «призвана содействовать устранению неустойчивости, неопределенности в отношениях участников гражданского оборота» [3].

Назначение исковой давности отражается и в судебной практике. Так ВС РФ указывает, что с течением времени затрудняется сбор доказательств, установление исковой давности, побуждая стороны к обращению в суд за защитой своего права, одновременно служит и интересам другой стороны, и интересам правопорядка в целом².

В современной юридической литературе также высказано мнение, что исключение распространения действия срока исковой давности на истребование имущества у добросовестного приобретателя будет угрожать стабильности

¹ *О некоторых вопросах, связанных с применением норм ГК РФ об исковой давности: постановление Пленума ВС РФ от 29 сент. 2015 г. №43 п.п. 6, 7.*

² *Определение Верховного Суда Российской Федерации от 28 марта 2006 г. по делу № 7-В05-12.*

гражданского оборота: «Таким образом, добросовестный приобретатель приобретает право на вещь либо сразу, аналогично правилу, установленному ст. 223 нынешней редакции ГК РФ, либо, если вещь выбыла из законного владения помимо воли собственника, через 30 лет. В течение всех этих лет добросовестный приобретатель недвижимости и его правопреемники не защищены от виндикационного иска, несмотря на наличие записи в реестре. В свою очередь, собственник, утративший владение, может через 29 лет, доказав свое право и выбытие имущества помимо его воли, истребовать имущество из владения добросовестного приобретателя, зарегистрированного в реестре в качестве собственника, уничтожив одновременно его запись в реестре о праве собственности (п. 3 ст. 227 проекта), сколько бы записей в реестре и переходов прав их ни разделяло» [4].

Нельзя упускать из виду и то обстоятельство, что как ныне действующие нормы ГК РФ (ст. 303), так и нормы, предлагаемые в Законопроекте (п. 2 ст. 229), предусматривают, в случае удовлетворения виндикационного иска, возмещение собственником владельцу произведенных им необходимых затрат на имущество с того времени, с которого собственнику причитаются доходы от имущества.

Кроме того, срок исковой давности призван стимулировать собственника вещи к активным действиям, направленным на защиту его права, в связи с чем результатом указанного нововведения станет поощрение пассивности собственников в рассматриваемой ситуации.

Решением рассматриваемой проблемы может быть переход права собственности на недвижимую вещь к давностному владельцу по истечении срока исковой давности, если в период течения данного срока не будет предъявлен и удовлетворен виндикационный иск. Следовательно, в ГК РФ необходимо установить новое основание для приобретения права собственности, которое можно сформулировать следующим образом: «Лицо, не являющееся собственником недвижимой вещи, но открыто и непрерывно владеющее вещью как своей собственной в соответствии с требованиями ст. 234 настоящего Кодекса приобретает право собственности на эту вещь по истечении срока исковой давности, в течение которого собственник вещи может обратиться в суд с требованием о возврате вещи из чужого незаконного владения».

Предлагаемые в рамках Концепции и Законопроекта нововведения являются революционными. Можно не сомневаться в том, что в результате реализации данных предложений изменится сложившаяся в области защиты вещных прав судебная практика. Однако законодателю стоит уделить внимание возможным последствиям и скорректировать некоторые положения Законопроекта во избежание негативного влияния на стабильность гражданского оборота.

Список литературы

1. *Витрянский В. В.* Актуальные проблемы судебной защиты права собственности на недвижимость // Гражд. право современной России / сост. О. М. Козырь, А. Л. Маковский. – М.: Статут, 2008. С. 23–24.

2. *Комментарий* к Гражданскому кодексу Российской Федерации: в 3 т. Т. 1: Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой (постатейный). 3-е изд., перераб. и доп. / под ред. Т. Е. Абовой, А. Ю. Кабалкина. М.: Юрайт-Издат, 2007.

3. *Гражданское право*: в 4 т. / отв. ред. проф. Е. А. Суханов. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2004. Т. I. С. 631.

4. *Осипов Г. С., Толстухин М. Е.* Реформа Гражданского кодекса РФ и оборот недвижимости // Вестник ВАС РФ. 2013. № 1.

В. А. Костарева

студентка II курса
НИУ ВШЭ-Пермь

ОСОБЕННОСТИ ПРИЗНАНИЯ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ НА ОБЪЕКТЫ САМОВОЛЬНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

В настоящее время самовольное строительство объекта недвижимости является распространенным явлением гражданского оборота. По общему правилу, такая постройка подлежит сносу. Так, например, постановлением Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 7 октября 2015 г. № Ф08-7143/2015 по делу № А32-47744/2014¹ был удовлетворен иск, в котором администрация, ссылаясь на то, что объект возведен за пределами границ разрешенного для строительства земельного участка, выдвинула требование о сносе самовольной постройки. Судом было установлено, что спорное имущество является объектом недвижимости, расположенным за пределами границ отведенного для целей строительства участка. Однако, пункт 2 статьи 222 ГК РФ предусматривает возможность признания права собственности на объект самовольного строительства судом и в ином установленном законом порядке, в случаях, предусмотренных законом.

Вместе с тем Н. Фомина делает акцент на том, что приобретение права собственности по суду на вновь созданный объект является крайней мерой, такой иск не может быть использован для упрощения регистрации объекта недвижимости. Использовать его можно только тогда, когда исчерпаны все способы внесудебного урегулирования данного вопроса [1].

Несмотря на это, в статье 222 ГК РФ прямо установлены условия, необходимые для признания права собственности на самовольную постройку в судебном порядке.

Прежде всего лицо, которое претендует на признание права собственности в отношении строения, обязано иметь в собственности, пожизненном наследуемом владении, постоянном (бессрочном) пользовании земельный участок, на

© Костарева В. А., 2016

¹ *Постановление* Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 7 окт. 2015 г. № Ф08-7143/2015 по делу № А32-47744/2014 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

котором находится объект. То есть заявитель должен доказать наличие вещных прав на земельный участок, иначе строение будет признано самовольной постройкой.

Так, постановлением Арбитражного суда Центрального округа от 12 октября 2015 г. № Ф10-3622/2015 по делу № А14-14097/2014¹ в удовлетворении требования о признании права собственности на павильон было отказано, так как ответчик не обладает вещным правом на земельный участок, на котором расположен спорный павильон.

Кроме того, на день обращения в суд постройка должна соответствовать параметрам, установленным документацией по планировке территории, правилами землепользования и застройки или обязательными требованиями к параметрам постройки, содержащимся в иных документах. В ином случае объект будет признан судом самовольной постройкой.

Например, постановлением Арбитражного суда Московского округа от 7 декабря 2015 г. № Ф05-16738/2015 по делу № А40-11530/13² было удовлетворено требование о признании постройки самовольной и об обязанности осуществить снос самовольной постройки, так как ответчиком не было представлено доказательств, подтверждающих наличие необходимых разрешений, до времени принятия решения не были приняты меры к легализации постройки, разрешительная документация на строительство капитального здания не оформлена.

Помимо этого, сохранение постройки не должно нарушать права и охраняемые законом интересы других лиц и не создавать угрозу жизни и здоровью граждан. Иначе может сложиться ситуация, аналогичная возникшей между администрацией города Сургута и предпринимателем. Постановлением Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 7 октября 2014 г. № Ф04-9866/14 по делу № А75-6054/2013³ было принято решение об удовлетворении требований администрации о сносе самовольных построек на основании того, что данные объекты нарушают права и законные интересы третьих лиц, а также право собственника участка на владение и распоряжение им.

Постановление Пленума Верховного суда РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав»⁴

¹ *Постановление* Арбитражного суда Центрального округа от 12 окт. 2015 г. № Ф10-3622/2015 по делу № А14-14097/2014 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² *Постановление* Арбитражного суда Московского округа от 7 дек. 2015 г. № Ф05-16738/2015 по делу № А40-11530/13 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ *Постановление* Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 7 окт. 2014 г. № Ф04-9866/14 по делу № А75-6054/2013 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ *О некоторых* вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав: постановление Пленума Верхов.

вносит некоторые разъяснения, касающиеся споров, связанных с самовольной постройкой. Так, рассматривая факт нарушения градостроительных и строительных норм и правил, а также принимая во внимание угрозы жизни и здоровью граждан, суд при отсутствии необходимых заключений компетентных органов или при наличии сомнения в их достоверности вправе назначить экспертизу по правилам процессуального законодательства.

Стоит обратить внимание на то, что иск о признании права собственности на самовольную постройку подлежит удовлетворению при наличии сразу всех вышеперечисленных условий, исключением может являться отсутствие разрешения на строительство, но, только в том случае, если лицо предпринимало попытки к его получению.

Судебная практика также подтверждает сказанное. Определением Свердловского областного суда от 8 декабря 2011 г. по делу №33-17268/2011¹ была подтверждена обоснованность удовлетворения иска и признания права собственности на постройку за гражданином. В ходе разбирательства судом было установлено, что истец обращался за получением разрешения, на основании судебной экспертизы было установлено, что нарушений градостроительных и строительных норм и правил допущено не было, также сооружение не нарушает права и охраняемые законом интересы других лиц и не создает угрозу жизни и здоровью граждан.

Таким образом, для того чтобы обосновать наличие необходимых оснований для признания права собственности на самовольную постройку, истец должен предоставить суду документы, подтверждающие:

- 1) право на земельный участок;
- 2) соблюдение режима назначения и использования участка;
- 3) наличие необходимой проектной документации;
- 4) получение разрешения на строительство (при необходимости);
- 5) соблюдение градостроительных норм и правил;
- 6) отсутствие нарушений прав других лиц и угрозы жизни и здоровью граждан.

После этого вступившее в законную силу решение суда о признании права собственности, будет являться основанием для регистрации права на недвижимое имущество².

Список литературы

1. *Фомина Н.* Признание права собственности на самовольную постройку // Жилищное право. 2015. № 3.

суда РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29 апр. 2010 г. (ред. от 23.06.2015) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹ *Определение* Свердловского областного суда от 8 дек. 2011 г. по делу № 33-17268/201 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² *О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним:* Федер. закон от 21 июля 1997 г. № 122-ФЗ (ред. от 01.05.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 07.05.2016) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРИНЦИПОВ АРБИТРАЖНОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА И ПРИНЦИПОВ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА

Арбитражный процесс и гражданский процесс – два схожих между собой явления, что проявляется, помимо всего прочего, в принципах данных отраслей процессуального права.

Состав принципов арбитражного и гражданского процессов в основном аналогичен. Однако это не означает, что содержание каждого принципа, его проявление полностью аналогичны и в гражданском и в арбитражном процессах.

Принципы арбитражного процессуального права имеют подобную классификацию с принципами гражданского процессуального права. Таким образом, по объекту правового регулирования выделяют организационно-функциональные и функциональные принципы.

Для того чтобы наиболее предметно рассмотреть общие и различные черты принципов гражданского и арбитражного процесса, следует проанализировать функциональные принципы.

Принцип непрерывности гражданского процесса является одним из функциональных принципов. Он означает, что в случае отложения судебного разбирательства после его возобновления дело слушается сначала. Непрерывность судебного разбирательства предполагает, что судебное решение должно быть вынесено сразу после рассмотрения дела. Значение данного принципа в гражданском процессе состоит также во всестороннем, полном и объективном выяснении обстоятельств дела, имеющих существенное значение для правильного рассмотрения и разрешения дела. Непрерывность судебного разбирательства позволяет суду создать целостное представление о деле, дать оценку доказательствам.

В арбитражном процессе, напротив, отсутствует принцип непрерывности. В соответствии с ч. 10 ст. 158 АПК РФ, судебное разбирательство в новом судебном заседании возобновляется с того момента, с которого оно было отложено, а повторное рассмотрение доказательств, исследованных до отложения судебного разбирательства, не производится. В ранее действующих редакциях арбитражного процессуального кодекса существовал принцип непрерывности судебного разбирательства, который включал три компонента: неизменность состава суда (ч. 2 ст. 117 АПК 1995 г.); запрет суду на рассмотрение других дел во время перерыва до принятия решения или отложения рассмотрения дела (ч. 4 ст. 117 АПК 1995 г.); необходимость производства разбирательства после отложения рассмотрения дела сначала (ч. 3 ст. 120 АПК 1995 г. и ч. 10 ст. 158 АПК 2002 г.)¹.

Принцип активной роли суда в гражданском процессе закреплен в ст. 12 ГПК РФ. Данная статья определяет, что суд осуществляет руководство процессом, разъясняет лицам, участвующим в деле, их права и обязанности, предупреждает о последствиях совершения или несовершения процессуальных действий, оказывает лицам, участвующим в деле, содействие в реализации их прав, создает условия для всестороннего и полного исследования доказательств, установления фактических обстоятельств и правильного применения законодательства при рассмотрении и разрешении гражданских дел. Также суд определяет, какие обстоятельства имеют значение для дела, какой стороне надлежит их доказывать, выносит обстоятельства на обсуждение, даже если стороны на какие-либо из них не ссылались (ч. 2 ст. 56 ГПК)¹.

Действующий арбитражный процессуальный кодекс отказался от принципа активности суда, однако установил принцип судейского руководства. Принцип судебного руководства представляет собой правило, в соответствии с которым арбитражный суд обеспечивает руководство ходом судебного заседания, соблюдения порядка, содействует сторонам в осуществлении их прав и исполнении обязанностей [1]. Таким образом, отказ от принципа процессуальной активности суда не исключил вмешательство суда в ход судебного разбирательства в арбитражном процессе. Принцип судейского руководства нашел свое закрепление во многих статьях арбитражного процессуального кодекса, а в частности в ч. 3 ст. 9, ст. 49, 66, 135, ч. 1 ст. 138, ст. 153. В соответствии с АПК РФ арбитражный суд:

- осуществляет руководство процессом;
- разъясняет лицам, участвующим в деле, их права и обязанности, предупреждает о последствиях совершения или несовершения ими процессуальных действий, оказывает содействие в реализации их прав;
- создает условия для всестороннего и полного исследования доказательств, установления фактических обстоятельств и правильного применения законов и иных нормативных правовых актов при рассмотрении дела;
- принимает меры для примирения сторон, содействует им в урегулировании спора;
- содействует сторонам в истребовании доказательств, которые они не могут получить самостоятельно, указывает на неисследованность фактических обстоятельств, обосновываемых ими, и предлагает предоставить в их обоснование доказательства.

Список литературы

1. *Арбитражный процесс: учебник для студ. юрид. вузов и фак.* / под ред. М.К. Треушникова. М.: Издательский дом «Городец», 2016.
2. *Гражданский процесс: учебник* / Н.М. Коршунов, А.Н. Лабыгин. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012.
3. *Гражданский процесс: учебник для студ. вузов* / отв. ред. В. В. Ярков. М.: Волтерс Клувер, 2014.

¹ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 нояб. 2002 г. № 138-ФЗ (с изм. и доп. от 01.01.2016). // Рос. газета. 2002. 20 нояб.

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ НАДЛЕЖАЩЕГО СПОСОБА ЗАЩИТЫ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ: ОБЗОР СУДЕБНОЙ АРБИТРАЖНОЙ ПРАКТИКИ

Перечень способов защиты гражданских прав приведен в ст. 12 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ). Вместе с тем нормативное определение способа защиты, равно как и легально закрепленные общие положений о способах защиты гражданских прав в законе отсутствуют.

С появлением пункта 9 постановления Пленума Верховного суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», посвященного вопросам избрания заинтересованным лицом способа защиты гражданских прав, в правовой доктрине возникло активное обсуждение понятий «надлежащего» и «ненадлежащего» способа защиты.

Данные теоретико-практические проблемы подтверждают актуальность исследования названного вопроса с целью определения единого подхода к законодательному регулированию способов защиты гражданских прав.

Итак, материальный закон не содержит каких-либо общих, применимых ко всем способам защиты гражданских прав условий. Системный анализ сложившейся судебной практики отсылает нас к положениям ст. 4 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК РФ), ст. 3 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ).

К примеру, по смыслу ч. 1 ст. 4 АПК РФ, способы защиты гражданских прав должны соответствовать характеру допущенного нарушения этих прав, а восстановление нарушенных прав должно быть непосредственным следствием реализация этих способов¹.

Из п. 1 ст. 1 ГК РФ также следует, что необходимым условием применения того или иного способа защиты гражданских прав является обеспечение восстановления нарушенного права истца².

В тех случаях когда закон предусматривает для конкретного правоотношения определенный способ защиты, лицо, обращающееся в суд, вправе воспользоваться именно этим способом защиты³.

© Латыпов Д. Н., 2016

¹ *Постановление* ФАС УО от 9 окт. 2014 г. № Ф09-6674/2014, постановление ФАС Московского округа от 15 июля 2014 г. № Ф05-12881/2013 по делу № А41-44323/12 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² *Постановление* ФАС Северо-Кавказского округа от 21 июля 2014 г. по делу № А61-3820/2013 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ *Постановление* ФАС Северо-Кавказского округа от 11 июля 2014 г. по делу № А32-34232/2012 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Наконец, по смыслу ст. 12 ГК РФ, сторона, заинтересованная в защите своего нарушенного права, вправе выбрать способ его защиты, эффективность которого обусловлена разницей в фактических обстоятельствах спора (основаниях иска), характере нарушенного права и в природе каждого способа защиты¹.

Следовательно, установленная законом свобода выбора конкретного способа защиты все же ограничена наличием определенных критериев такого выбора, нарушение которых будет являться основанием для отказа в удовлетворения иска по причине избрания заинтересованным лицом ненадлежащего способа защиты гражданских прав.

Вместе с тем, в пункте 9 постановления Пленума Верховного суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» сформулирована правовая позиция, согласно которой, если при принятии искового заявления суд придет к выводу о том, что избранный истцом способ защиты права не может обеспечить его восстановление, данное обстоятельство не является основанием для отказа в принятии искового заявления, его возвращения либо оставления без движения. В соответствии со статьей 148 ГПК РФ или статьей 133 АПК РФ, на стадии подготовки дела к судебному разбирательству суд выносит на обсуждение вопрос о юридической квалификации правоотношения для определения того, какие нормы права подлежат применению при разрешении спора.

По смыслу части 1 статьи 196 ГПК РФ или части 1 статьи 168 АПК РФ, суд определяет, какие нормы права следует применить к установленным обстоятельствам. Суд также указывает мотивы, по которым не применил нормы права, на которые ссылались лица, участвующие в деле. В связи с этим ссылка истца в исковом заявлении на ненадлежащее применение в данном деле нормы права сама по себе не является основанием для отказа в удовлетворении заявленного требования.

Данные разъяснения не содержат прямого указания на невозможность отказа в иске заинтересованному лицу по причине избрания им ненадлежащего способа защиты, не влекущего непосредственного восстановления прав. Вместе с тем, согласно названной позиции, суд вправе за истца переформулировать правовую квалификацию его заявленных требований. Означает ли подобная позиция наличие права суда самостоятельно изменить избранный истцом способ защиты?

Думается, такой подход несколько нарушает закрепленный статьей 9 АПК РФ принцип состязательности и равноправия сторон в арбитражном процессе. Полагаем, что суд не должен за истца устранять его «недоработки», тем самым, по сути, исполнять обязанность, возложенную на истца законом. Наличие такого правомочия у суда нарушит баланс интересов сторон, ограничит право противоположной стороны аргументировано и эффективно защищать свои интересы.

¹ *Определение ВС РФ от 16 сент. 2014 г. по делу № 310-ЭС14-79 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».*

Представляется, что исключение названного права суда самостоятельно определять квалификацию заявленных истцом требований будет более способствовать достижению задач арбитражного процесса.

В рассматриваемой ситуации уместным было бы вспомнить правовую позицию ВАС РФ, отраженную в постановлении Президиума ВАС РФ от 15 октября 2013 г. № 8127/13, в соответствии с которой суд не вправе за ответчика исполнять соответствующую обязанность по опровержению представленных истцом доказательств, поскольку иначе будут нарушены такие фундаментальные принципы арбитражного процесса, как состязательность и равноправие сторон, что может привести к принятию неправильного решения (ст. 9 АПК РФ).

Следовательно, поскольку суд не вправе за стороны исполнять обязанность по опровержению представленных доказательств, значит, суд не должен и самостоятельно за истца формулировать применимые нормы права к его требованиям.

Подводя итоги, представляется возможным констатировать назревшую необходимость изменения ст. 12 ГК РФ и, как следствие, фиксирования общих положений о способах защиты гражданских прав в целях оптимизации эффективности правового регулирования защиты гражданских прав.

В частности, думается, необходимо законодательно закрепить в качестве общего условия применения надлежащего способа защиты гражданских прав обеспечение непосредственного восстановления нарушенного или оспоренного права или законного интереса, а также предусмотреть отказ в иске как правовое последствие избрания ненадлежащего способа защиты, в том числе в связи с неверной правовой квалификацией заинтересованным лицом избранного способа защиты.

Ю. Е. Лыскова

студентка III курса
юридического факультета ПГНИУ

НЕОТДЕЛИМОЕ УЛУЧШЕНИЕ ЗЕМЕЛЬНОГО УЧАСТКА ИЛИ САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ ОБЪЕКТ НЕДВИЖИМОСТИ?

Поводом к рассуждению стала правовая позиция судебной коллегии по экономическим делам Верховного суда РФ, изложенная в определении от 7 апреля 2016 г.¹ (далее – Определение от 7 апр. 2016 г.), в отношении объекта «инженерная рисовая система».

Значимость данного вопроса заключается в установлении или опровержении возможности участия нетипичного объекта в обороте как самостоятельной вещи, т. е. его можно передать в качестве вклада в уставный капитал, продать, сдать в аренду, заложить и т. д.

© Лыскова Ю. Е., 2016

¹ *Определение* Верховного Суда РФ от 7 апр. 2016 г. № 308-ЭС15-15218.

В Определении от 7 апреля 2016 г. поддержана позиция нижестоящих судов первой и апелляционной инстанций, установивших, что использование инженерной рисовой системы в отрыве от производства риса невозможно, система предназначена для улучшения поверхностного слоя почвы, иного какого-либо хозяйственного назначения не имеет. Единственно возможный вариант коммерческой эксплуатации данной системы лицом, не являющимся производителем риса и не владеющим земельными участками, на которых расположена эта система, является возмездная подача воды рисоводческим хозяйствам. Если гидротехнические объекты не имеют самостоятельного функционального назначения, были созданы исключительно в целях улучшения качества земель и обслуживают только земельный участок, на котором они расположены, то данные объекты не являются самостоятельными объектами гражданских прав, даже если они прочно связаны с землей и их перемещение без несоразмерного ущерба назначению невозможно. Такие объекты являются частью земельного участка, на котором они расположены, и должны следовать судьбе данного участка (ст. 135 ГК РФ).

Согласно действующему законодательству, отделимыми признаются улучшения, которые могут быть отделены от вещи без вреда для нее. В свою очередь, неотделимые улучшения – это результат определенных работ капитального характера, выполненных силами собственника, арендатора. К неотделимым улучшениям относятся изменения объекта, которые улучшают его технические и функциональные возможности и которые неотделимы от самого объекта (работы по достройке, дооборудованию, модернизации, реконструкции или техническому перевооружению объекта). Неотделимые улучшения при их отделении от вещи ухудшают ее состояние, вследствие чего она приобретает недостатки. В законе не сказано, какой должна быть степень вреда, наносимого вещи, для того чтобы улучшения были признаны неотделимыми. Поэтому следует прийти к выводу, что вред может быть любым, главное, чтобы в результате доказан факт возникновения вреда.

Также следует указать, что объектом обжалования в суде второй кассационной инстанции было постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа по данному делу, которым инженерная рисовая система были признана самостоятельным объектом недвижимости на основании ст. 2 Федерального закона от 10 января 1996 г. № 4-ФЗ «О мелиорации земель»¹, где раскрывается понятие *государственной мелиоративной системы* как мелиоративной системы, находящейся в государственной собственности и обеспечивающей межрегиональное и (или) межхозяйственное водораспределение и противопаводковую защиту, а также противоэрозионные и пастбищезащитные лесные насаждения, которые необходимы для обеспечения государственных нужд.

Подход, выбранный судом первой кассационной инстанции, полностью соответствует функциям суда кассационной инстанции, заключающимся в поиске судебной ошибки, связанной с неправильным применением норм права.

¹ *О мелиорации земель*: федеральный закон от 10 янв. 1996 г. № 4-ФЗ (ред. от 31.12.2014).

Иными словами, судом дана иная правовая квалификация спорных правоотношений, доказывающая в итоге самостоятельную оборотоспособность инженерных рисовых систем.

Однако нами замечено, что в ст. 2 Закона «О мелиорации земель» наравне с дефиницией государственных мелиоративных систем есть определения 1) мелиоративных систем, 2) мелиоративных систем общего пользования, а также 3) мелиоративных систем индивидуального пользования. При этом только понятие «мелиоративные системы» дает представление о том, что это комплексы взаимосвязанных гидротехнических и других сооружений и устройств (каналы, коллекторы, трубопроводы, водохранилища, плотины, дамбы, насосные станции, водозаборы, другие сооружения и устройства на мелиорированных землях), обеспечивающих создание оптимальных водного, воздушного, теплового и питательного режимов почв на мелиорированных землях.

Три других дефиниции отличаются формой собственности: государственная или частная. Поэтому нельзя согласиться с тем, что норма права подобрана верно.

Кроме статьи 2 в обжалуемом постановлении была применена статья 11 того же закона, где указано, что к федеральной собственности относятся государственные мелиоративные системы, ... построенные (строящиеся) за счет средств федерального бюджета, а также используемые для осуществления полномочий Российской Федерации.

Из буквального толкования следует, что 2 признака: 1) строительство за счет государственных средств и 2) использование для осуществления полномочий РФ – должны доказываться в совокупности. В то же время указанная норма права не была применена судом I инстанции, значит, в предмет доказывания по делу не вошли два приведенных обстоятельства. Следовательно, у суда кассационной инстанции даже при измененной правовой квалификации не было оснований признавать объект самостоятельным и находящимся в собственности Российской Федерации.

Указанные рассуждения частично отражены в правовой позиции Верховного суда, изложенной в Определении от 7 апреля 2016 г. Дополнительно основанием к отмене постановления арбитражного суда округа послужили содержащиеся в нем суждения, выходящие за пределы предмета и основания иска. Предметом иска выступило требование о признании права отсутствующим, его основание – отсутствие у объекта признаков недвижимости. Именно в этих рамках следовало давать правовую квалификацию; довод о государственной собственности на данный объект значения не имел. Кроме того, в определении указано, что право собственности в ЕГРП было зарегистрировано минуя механизм истребования спорного объекта из владения собственников земельного участка и арендатора земельных участков.

Последний довод в рассматриваемом определении не подкреплён ссылкой на какую-либо норму права, поэтому представляется неочевидным существование строгой последовательности в защите права собственности, как то истребо-

вать вещь из владения и только потом зарегистрировать на нее право. Более того, виндикация применима лишь к движимым объектам.

Важный акцент сделан Верховным судом РФ на том, что сохранение записи в ЕРГП на спорный объект влечет разрыв общего правового режима, установленного ст. 1 Земельного кодекса РФ: все прочно связанные с земельными участками объекты следуют судьбе земельных участков.

Е. В. Любимова

аспирантка ОмГУ им. Ф. М. Достоевского;
ассистент кафедры предпринимательского права,
гражданского и арбитражного процесса ПГНИУ

ПРАВИЛА ПОДВЕДОМСТВЕННОСТИ В ПРОЕКТЕ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА РФ

В Концепции единого Гражданского процессуального кодекса РФ¹ предложено унифицировать правила судопроизводства для судов общей юрисдикции и арбитражных судов, но при этом сохранить термин «подведомственность» в отношении разграничения предметов ведения между судами общей юрисдикции и арбитражными судами, а также термин «подсудность», регулирующий относимость того либо иного дела к ведению конкретного суда в рамках подсистем арбитражных судов и судов общей юрисдикции. В Концепции отмечается традиционность данных терминов как достаточное основание их использования в едином кодексе.

Содержание параграфа 1 «Подведомственность» главы 3 «Компетенция судов» Проекта ГПК РФ демонстрирует «арифметическое» сложение ГПК РФ и АПК РФ, поскольку параграф 1 «Подведомственность» является последовательным изложением статьи 22 действующего ГПК РФ, статей 27–29, 31, 32, 33 АПК РФ.

Избранный подход позволяет использовать метод исторического толкования и применять все правовые позиции Верховного суда РФ, Высшего Арбитражного суда РФ и Конституционного суда РФ, сформулированные в отношении статьи 22 действующего ГПК РФ, статей 27–29, 31, 32, 33 АПК РФ.

В то же время предложенные конструкции значительно увеличивают количество правовых норм, допуская в ряде случаев неоправданный повтор одного и того же правила. Примером того является одиннадцатикратное повторение формулировки «экономических споров и других дел, связанных с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности» в восьми ста-

© Любимова Е. В., 2016

¹ Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (одобр. решением Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству ГД ФС РФ от 8 дек. 2014 г. № 124(1)) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

тях (с 27-й по 34-ю) Проекта ГПК РФ, посвященных подведомственности споров. Громоздкость приведенного критерия подведомственности (далее – первый критерий подведомственности) очевидна, однако это не может быть поводом для ее сокращения в части 2 статьи 28 Проекта ГПК до фразы «экономические споры и иные дела», поскольку такое отступление может породить дискуссию о том, является ли экономический характер безусловным критерием подведомственности.

Другим поводом к размышлению может выступить второй критерий подведомственности – субъекты спора. Актуальным является представление о том, что стороны спора должны быть юридическими лицами или индивидуальными предпринимателями. Если стороной спора выступает иной субъект, то это образует случай специальной подведомственности (заключаем это из сопоставления ч. 2 ст. 27, 6 ч. 1 ст. 33, ч. 2 ст. 33 АПК РФ). При прочтении параграфа 1 «Подведомственность» Проекта ГПК РФ складывается впечатление, что критерий субъекта не используется в отношении дел: 1) с участием иностранных граждан, организаций; 2) об оспаривании решений третейских судов и о выдаче исполнительных листов на их исполнение; 3) о признании и приведении в исполнение решений иностранных судов и иностранных арбитражных решений. Указанный вывод основан на том, что в статьях о подведомственности данных трех категорий дел не упоминаются субъекты спора, но последовательно излагается первый критерий подведомственности; в то время как правила подведомственности, посвященные исковому и административному производству, предусматривают совокупность первого и второго критериев. Для утверждения о том, что субъект спора влияет на подведомственность в любом виде производства необходимо обращаться к главам, регулирующим рассмотрение соответствующей категории дел.

По нашему мнению, необходимо продолжение в Едином ГПК мысли законодателя, изложенной в Конституции РФ, о применении термина «предметная подсудность» при характеристике дел, рассматриваемых судами общей юрисдикции и арбитражными судами, что уже много лет практикуется в отношении военных и общих судов из-за тождества функций суда первой инстанции. Та же идея высказана Конституционным судом РФ в определениях от 20 февраля 2014 г. № 261-О¹, от 11 июля 2006 года № 262-О², где сказано о том, что подсудность предполагает разграничение предметной компетенции как между раз-

¹ *Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мешалкина Сергея Владимировича на нарушение его конституционных прав пунктом 1 части 1 статьи 150 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституц. суда РФ от 20 февр. 2014 г. № 261-О [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».*

² *Об отказе в принятии к рассмотрению запросов Арбитражного суда Томской области о проверке конституционности части 3 статьи 30.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях Определение Конституц. суда РФ от 11 июля 2006 г. № 262-О // Вестник Конституц. Суда РФ. 2006. № 6.*

личными звеньями судебной системы, в том числе между судами общей юрисдикции и арбитражными судами, так и внутри каждого из звеньев для определения конкретного суда, уполномоченного рассматривать данное дело. Указанный подход был известен дореволюционным процессуалистам [1], выделявшим основную функцию подведомственности – отделять судебную форму защиты от другой формы.

В связи с реформированием процессуального законодательства появляются новые аргументы. Т. В. Сахнова отмечает, что в условиях процессуального обеспечения единства судебной защиты институт подведомственности (сохраненный в проекте, но не снабженный процессуальными последствиями) избыточен и перестает нести функциональную нагрузку; напротив, «удельный вес» подсудности возрастает, как и ее процессуальное значение [2]. А. П. Фоков полагает, что положение арбитражных судов может стать сходным с положением военных судов в системе судов общей юрисдикции [3].

Изложенное в Концепции единого ГПК РФ предложение о возложении на суд обязанности передать неподведомственное ему дело в компетентный суд (но только арбитражный суд или суд общей юрисдикции) недвусмысленно указывает на распространение механизмов подсудности на свойство подведомственности. Поэтому если соглашаться с законодателем в вопросе о том, что подведомственность дела проявляется при определении системы судов, то следует признавать существование нового вида подведомственности, не тождественного подведомственности дел Конституционному суду РФ, третейским судам, административным органам. Сущностных отличий такой вид подведомственности иметь не будет, напротив, будет схожим до степени смешения с предметной подсудностью с точки зрения назначения норм и правил устранения судебной ошибки.

Анализ научной литературы позволяет сформулировать отличия институтов подсудности и подведомственности, заключающиеся в: 1) функциях: подведомственность определяет формы защиты права, подсудность – компетентный суд; 2) критериях: подведомственность было бы верно ставить в зависимость только от субъектов спора, а подсудность зависит от элементов иска; 3) последствиях нарушения: неподведомственность влечет прекращение производства на всех стадиях, неподсудность в первой инстанции – передачу дела, в стадиях обжалования и пересмотра выступает в качестве рядового процессуального нарушения.

Утверждение о четкости критериев подведомственности в настоящее время подвергается критике, в частности, отмечается, что наибольшее число судебных ошибок, связанных с неправильным применением процессуального закона, относится именно к подведомственности как предпосылке права на обращения в суд [4]; по мнению И. Н. Полякова, рассматриваемый институт запутан, что создает «множество трудностей как для лиц, желающих обратиться в суд, так и для самих судей, решающих вопрос о принятии исков и заявлений» [5]. Кроме того, «основной поток законодательной практики состоит в том, что вносимые в институт подведомственности изменения и дополнения не имеют

под собой какой-либо серьезной теоретической базы и главное – не учитывают потребности практики» [5].

В научной литературе дефиниция предпринимательской деятельности критикуется, а содержание «иной экономической деятельности» проблематично установить, что доказывается многократными разъяснениями, встречающимися практически в каждом постановлении Пленума Верховного суда РФ. Привлекает внимание в этой связи недавняя правовая позиция¹: заключение договора уступки прав юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем с потерпевшим – физическим лицом (или переход прав по договору в порядке суброгации) направлено на приобретение прав потерпевшего по обязательству страховой организации уплатить определенную денежную сумму и связано с осуществлением такими новыми кредиторами предпринимательской или иной экономической деятельности. Таким образом, рассмотрение споров по искам юридических лиц (или индивидуальных предпринимателей), к которым перешли (были переданы) права (требования) по договору обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств, к страховой организации, в силу ч. 3 ст. 22 ГПК РФ, ч. 2 ст. 27, ст. 28 АПК РФ, относится к компетенции арбитражных судов.

В данном случае предпринимательской деятельностью характеризуется правоотношение по уступке прав (которое не является спорным), а не правоотношение из договора страхования. Поэтому суждение об арбитражной подведомственности, на наш взгляд, нелогично. Тем не менее, появление приведенной правовой позиции однозначно указывает на серьезные практические проблемы определения подведомственности.

Список литературы

1. *Игумнов Г. И.* Устав гражданского судопроизводства. С законодательными мотивами и разъяснениями. По официальному изданию 1883 года, со включением статей по продолжению 1890 года и позднейшим узаконениям по 1 Октября 1891 года. Издание юбилейное. Т. II. СПб.: Типо-Литография Муллер и Богельман, 1891. С. 1073.
2. *Сахнова Т. В.* О Концепте единого Гражданского процессуального кодекса России (заметки по поводу) // Вестник гражд. процесса. 2015. № 1. С. 15.
3. *Фоков А. П.* Новый Федеральный закон о Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации // Рос. судья. 2014. № 1. С. 6.
4. Иск в гражданском судопроизводстве / под. ред. О. В. Исаенковой. М.: Волтерс Клувер. 2009. URL: <http://www.twirpx.com/file/547729/> (дата обращения: 15.12.2015).
5. *Поляков И. Н.* Институт подведомственности и судебная реформа // Арбитр. и гражд. процесс. 2013. № 1. С. 59.

¹ *Обзор судебной практики Верховного суда Российской Федерации № 3 (2015):* (утв. Президиумом Верхов. суда РФ 25 нояб. 2015). URL: <http://www.vsrfr.ru/> (дата обращения: 30.11.2015).

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ БАНКРОТСТВА СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Предпринимательская деятельность в сельском производстве характеризуется особенностями, которые в обязательном порядке должны учитываться законодателем при решении многих вопросов, включая налогообложение и процедуры банкротства [1].

Несостоятельность сельскохозяйственных организаций имеет особенности, касающиеся:

- во-первых, характера их деятельности, которая связана с использованием земли;
- во-вторых, сезонного характера аграрного производства;
- в-третьих, от результатов деятельности природных факторов.

Сельскохозяйственная организация – юридическое лицо, основным видом деятельности которого являются производство и переработка сельскохозяйственной продукции.

Характерные признаки банкротства действительны применительно также к рыболовецким обществам, но лишь к тем, у которых прибыль от реализации произведенной или произведенной и переработанной сельскохозяйственной продукции и пойманных водных биологических ресурсов составляет не менее 70 % общей суммы выручки.

Закон о банкротстве 2002 г. содержит указание на то, что при рассмотрении финансового состояния неплательщика в период наблюдения должны учитываться сезонность сельскохозяйственного производства и его зависимость от природно-климатических условий, а также возможность удовлетворения требований кредиторов за счет доходов, которые могут быть получены должником по окончании периода сельскохозяйственных работ [1].

Финансовое оздоровление сельскохозяйственной организации устанавливается на срок до завершения соответствующего этапа сельскохозяйственных работ с учетом времени, необходимого для реализации произведенной или произведенной и переработанной продукции [2].

Юридическое лицо, кроме казенного предприятия, учреждения, политической партии и религиозной организации, по решению суда может быть признано несостоятельным (банкротом)¹.

Признание судом юридического лица несостоятельным влечет его ликвидацию.

Гражданин, который не способен удовлетворить требования займодавца по денежным обязательствам или исполнить обязанность по уплате обязательных платежей, может быть признан несостоятельным (банкротом) по решению арбитражного суда.

Основания, порядок и последствия признания арбитражным судом гражданина несостоятельным (банкротом), очередность удовлетворения требований кредиторов, порядок применения процедур в деле о несостоятельности (банкротстве) гражданина устанавливаются законом, регулирующим вопросы несостоятельности (банкротства)¹.

С продолжительностью этапа сельскохозяйственных работ связана продолжительность внешнего управления: внешнее управление действует на срок до окончания соответствующего периода сельскохозяйственных работ с учетом времени, необходимого для реализации произведенной или произведенной и переработанной сельскохозяйственной продукции. Установленный период определенно не должен превышать максимально допустимого законом срока для реализации мер, направленных на восстановление платежеспособности, более чем на три месяца.

В период финансового оздоровления или внешнего управления имели место ухудшение и спад финансового состояния сельскохозяйственной организации в связи со стихийными бедствиями, эпизоотиями и другими неблагоприятными условиями, тогда срок внешнего управления может быть продлен еще на один год.

Законодатель закрепляет положения, устанавливающие особенности продажи имущества и имущественных прав должника – сельскохозяйственной организации².

Арбитражный управляющий, прежде всего, должен выставить на продажу на первых торгах предприятие должника как единый имущественный комплекс.

Преимущественным правом приобретения имущества должника по оценочной стоимости законодатель наделяет лиц, занимающихся производством или производством и переработкой сельскохозяйственной продукции, владеющих земельным участком, непосредственно прилегающим к земельному участку должника.

При продаже объектов недвижимости разорившейся сельскохозяйственной организации преимущественное право на их приобретение имеют сельскохозяйственные организации и фермерские (крестьянские) хозяйства, расположенные в данной местности.

Ожидание окончания соответствующего периода сельскохозяйственных работ обусловлено не только их сезонным характером, но и тем обстоятельством, что прибыль от реализации продукции могут быть получена только после завершения сельскохозяйственных работ. С истечением указанного этапа,

¹ О несостоятельности (банкротстве).

² Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30 нояб. 1994 г. №51-ФЗ (ред. от 31.01.2016 № 7-ФЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016, № 5, ст. 65.

соответственно, связана возможность увеличения активов должника, что, в свою очередь, повышает возможность удовлетворения денежных требований заимодавцев. Здесь законодатель учел интересы как заимодавцев, так и должника, поскольку неплательщик получает реальную возможность восстановить свою платежеспособность и избежать банкротства, а заимодавцы могут удовлетворить свои денежные требования. В случае если в указанный период платежеспособность должника не восстановилась и требования кредиторов не удовлетворены, должник может быть объявлен банкротом.

Осуществление процедуры банкротства сельскохозяйственных организаций требует особых знаний и умений. Большинство же управляющих прежде никак не работали в сельском хозяйстве, и их действия иногда приводят к более быстрому открытию конкурсного производства и ликвидации должника. Арбитражные суды РФ сталкиваются с многочисленными фактами некомпетентного, а иногда и недобросовестного ведения дел должника арбитражными управляющими.

Список литературы

1. Керимова В. Э. Бухгалтерский учет в условиях антикризисного управления: учеб. пособие. М., 2014. С. 401.
2. Старков О. В. Финансовое право: учебник. М.: Юнити-Дана, 2013. С. 212–232.

Е. Ю. Мельников

аспирант 1-го года обучения
юридического факультета ПГНИУ

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РЕЗУЛЬТАТОВ РЕФОРМЫ ГК РФ В ЧАСТИ УСТАНОВЛЕНИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ПЕРЕГОВОРНЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ

В современной правовой науке России достаточно давно была обозначена проблема отсутствия действенных и эффективных механизмов привлечения к ответственности лиц, предоставляющих недостоверные сведения с целью побуждения другой стороны к заключению договора [1; 2].

Данная проблема нашла определенное разрешение. Так, с 1 июля 2015 г. в ГК РФ¹ функционируют два новых института, регулирующих вопросы ответственности за предоставление недостоверной информации при заключении, изменении или прекращении договора, а именно: 1) институт преддоговорной ответственности или иначе институт ответственности за недобросовестное ведение переговоров и 2) институт заверений об обстоятельствах.

© Мельников Е. Ю., 2016

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 31.01.2016) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 05.12.1994. № 32. ст. 3301.

Введение обозначенных институтов было осуществлено в рамках широкомасштабной реформы гражданского законодательства, программным документом которой являлась подготовленная известными правоведами Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (далее – Концепция)¹.

Концепция, предусматривая принятие ряда институтов, направленных на обеспечение добросовестности участников гражданского оборота, в том числе института преддоговорной ответственности (*culpa in contrahendo*), между тем не предусматривала введение института заверений².

Институт заверений впервые появился лишь в законопроекте, направленном на внесение изменений в общую часть обязательственного права ГК РФ (в том числе и тех, которые были предусмотрены Концепцией)³. Пояснительная записка к данному законопроекту указывала, что «проект существенно дополняет нормы обязательственного права, включая в них принципиально новые институты, введение которых в российское право связывается с необходимостью создания в России международного финансового центра, – ...заверения об обстоятельствах (статья 431.2)...»⁴.

Таким образом, авторами Концепции не предусматривалось появления института заверений в гражданском праве РФ.

В результате в отечественном правопорядке функционируют два института, решающие одну и ту же проблему (а соответственно генетически родственных по своей идее), но характерные для разных правопорядков, которые основывают свое регулирование на разных принципах⁵.

Институт ответственности за недобросовестное ведение переговоров закреплен в ст. 434.1 ГК РФ. Данный институт является рецепцией института *culpa in contrahendo*, известного большинству правопорядков, входящих в континентальную правовую семью [3;4]. Его основой является принцип добросовестности [3; с. 71, 73] Институт *culpa in contrahendo* позволяет привлекать к ответственности лицо, не исполнившее должным образом свои преддоговорные обя-

¹ Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобр. решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 7 окт. 2009 г.) // Вестник ВАС РФ. 2009. № 11.

² Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобр. решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 7 окт. 2009 г.) // Вестник ВАС РФ. 2009. № 11.

³ О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации: Федер. закон от 8 марта 2015 г. № 42-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2015. № 10, ст. 1412.

⁴ Пояснительная записка «К проекту Федерального закона “О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации”» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ Видеозапись научного круглого стола «Заверения об обстоятельствах и условия о возмещении потерь в новой редакции ГК РФ», проведенного юридическим институтом «М-Логос». URL: http://www.m-logos.ru/publications/nauchnyi_kruglyi_stol_zavereniya_ob_obstoyatelstvah_i_usloviya_o_vozmeshenii_poter_v_novoi_redakcii_gk_rf/ (дата обращения: 13.03.2016).

занности, в следующих случаях: а) при отсутствии действительной сделки (сюда относятся ситуации заключения недействительного договора (когда нарушитель знал об обстоятельствах, порочащих договор, но не сообщил об этом) и необоснованного прекращения переговоров) и б) при заключении невыгодного договора [3, с. 87].

Институту заверений посвящена ст. 431.2 ГК РФ. Данный институт по своим чертам ближе всего институту representations (заверений), характерного для права Англии и США [5]. Институт representations основывается на отсутствии обязанности действовать добросовестно, принципе caveat emptor (будь осторожен покупатель), следствием чего является возможность умалчивать о любых обстоятельствах, которые могут негативно повлиять на мотивацию лица заключить договор и установление ответственности лишь за активные действия по предоставлению информации (иначе – заверений), не соответствующей действительности [3, с. 84–87].

Помимо этого, в праве Англии и США существует институт warranties (гарантий), который дает потерпевшему иные меры защиты, отличные от тех, которые предоставляются в случае нарушения representations¹. Но в то же время и тот, и другой институт настолько тесно связаны, что порой их трудно разграничить [6].

Из вышеизложенного можно сделать вывод, что отечественный институт заверений не является точной копией института representations: отечественный институт представляет собой более упрощенную конструкцию, тем не менее сохраняющую генеральную идею о недопустимости обмана и действенные механизмы ответственности за нарушения указанного запрета [7].

Такой подход законодателя был по-разному оценен. Одни авторы настаивают на том, что точная копия и не требовалась, наоборот, отсутствие полного заимствования дает институту заверений возможность органично встроиться в отечественную правовую систему. Другие авторы обращают внимание на то, что отсутствие полного заимствования института (и его доктрины) приведет к тому, что наша правовая система вынуждена будет самостоятельно пройти путь, который иностранные правовые порядки проходили столетиями, совершенствуя и доводя до идеала институт representations. Указанное (по их мнению, неминуемая перспектива того же пути, который уже был пройден другими правовыми порядками) видится им неэффективным².

Таким образом, на сегодняшний день мы имеем неполную рецепцию двух институтов, что не позволяет в полной мере использовать опыт зарубежных правовых порядков и требует их творческого осмысления. При этом данные инсти-

¹ Деликт или нарушение договора? Заверения и гарантии в России и за рубежом: проект статьи: запись в блоге С. Будылина. URL: https://zakon.ru/blog/2016/01/29/delikt_ili_narushenie_dogovora_zavereniya_i_garantii_v_rossii_i_za_rubezhom (дата обращения: 13.03.2016).

² Дискуссия С. Будылина и А. Карапетова в комментариях к записи в блоге С. Будылина «Заверения и гарантии в России. Смешать, но не взбалтывать». [Электронный документ]. URL: https://zakon.ru/blog/2016/1/11/zavereniya_i_garantii_v_rossii_smeshat_no_ne_vzbaltivat (дата обращения: 13.03.2016).

туты характерны для разных правопорядков, в связи с чем их соотношение (разграничение) требует также дополнительного исследования.

В то же время нельзя не отметить, что российское гражданское право имеет потенциал решения данной проблемы и в другом ключе. Наличие принципа генерального деликта позволяет при разработке теории чистых экономических убытков разрешать данный вопрос также и на основе норм деликтного права [8].

В целом случившаяся реформа в рассматриваемой части заслуживает положительной оценки, поскольку устанавливает достаточно гибкие (а если судебная практика пойдет соответствующим путем, то и достаточно эффективные) механизмы привлечения лица, предоставляющего недостоверные сведения, к ответственности.

Список литературы

1. *Кучер А. Н.* Теория и практика преддоговорного этапа: юридический аспект. М.: Статут, 2005. С. 210.
2. *Томсинов А.В.* Мера убытков за недостоверные заверения в праве Англии и США // Вестник гражданского права. 2015. № 5. С. 100.
3. *Гнищевич К. В.* Преддоговорная ответственность в гражданском праве (*culpa in contrahendo*): дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург. 2009. С. 3–4, 74–81.
4. *Жужжалов М. Б.* Учение Р. фон Иеринга о преддоговорной ответственности: влияние на современность и возможности по применению в будущем (комментарий к русскому переводу работы «*Culpa in contrahendo*, или Возмещение убытков при недействительности или незаключенности договоров») // Вестник гражданского права. 2013. № 3. С. 267–311.
5. *Карпетов А. Г.* Заверения об обстоятельствах и условия о возмещении потерь в новой редакции ГК РФ // Закон. 2015. № 6.
6. *Буркова А. Ю.* Заверения об обстоятельствах как новелла российского права // Законодательство и экономика. 2015. № 7. С. 32–36
7. *Новак Д., Белов В., Рыбалов А., Степанов Д., Балаян О., Капlouхий М., Глухов Е., Распутин М., Слыщенков В.* Реформа договорного права: некоторые итоги // Закон. 2015. № 6. С. 22–33.
8. *Туктаров Ю.Е.* Чисто экономические убытки // Убытки и практика их возмещения: сб. ст. / отв. ред. М.А. Рожкова. М.: Статут, 2006. С. 138–168.

М. И. Микова

студентка IV курса
юридического факультета ПГНИУ

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

С позиций экономической теории некоммерческие организации, как и все иные субъекты рыночной экономики, заботятся о собственных доходах, что способно сосуществовать с их основной целью, состоящей в достижении общественно полезных благ. Подобное сочетание достигается посредством подчинения экономических интересов некоммерческих организаций их стремлению как

можно полнее реализовать свое общественное предназначение. Это обеспечивается соответствующим правовым регулированием, ставящим такие интересы в более узкие, по сравнению с предпринимателями, рамки.

В течение нескольких последних лет мы можем наблюдать постепенную замену понятия «предпринимательская деятельность» в отношении некоммерческих организаций на более нейтральный термин – «приносящая доход деятельность».

Нормативные новеллы данных понятий во многом базируются на сформировавшемся в доктрине мнении, что основная деятельность некоммерческих организаций осуществляется за пределами гражданско-правового регулирования. Тем не менее необходимым является применение к ним в целом унифицированных правил, общих для всех юридических лиц, поскольку эти организации обладают соответствующим статусом [1].

В соответствии Гражданским кодексом Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 31.01.2016) (далее – ГК РФ), с очевидностью можно сказать, что на деятельность некоммерческих организаций не распространяется режим, установленный для субъектов предпринимательской деятельности. По смыслу новой редакции ст. 50 ГК РФ, к лицам, осуществляющим предпринимательскую деятельность, некоммерческие организации теперь не относятся. Следовательно, нормы, устанавливающие особенности правового регулирования гражданско-правовых отношений в зависимости от связи договоров и обязательств сторон с осуществлением ими предпринимательской деятельности, к ним не применимы, что подтверждается судебной практикой¹.

Выведя некоммерческие организации из-под режима, предусмотренного для субъектов предпринимательской деятельности, ГК РФ не предусмотрел никакой специфики правового регулирования «приносящей доход деятельности». Если на деятельность некоммерческих организаций распространяются общие правила регулирования, то вводить новый термин нет необходимости. Вероятно, это означает, что возмездные сделки не обязательно образуют предпринимательскую деятельность. А тогда какую – уставную, некоммерческую? Нет, поскольку, согласно ГК РФ, приносящая доход деятельность должна соответствовать уставной, т. е. они различны. Таким образом, можно сделать вывод, что, по ГК РФ, различаются три вида деятельности юридических лиц: предпринимательская деятельность, приносящая доход деятельность и не направленная на извлечение прибыли (основная некоммерческая).

Заниматься деятельностью, направленной на получение прибыли, некоммерческие организации могут только в ограниченном объеме. Ограничение касается соответствия целям и достижения целей. В правовой литературе по этому поводу отмечается, что фактически «определять, насколько занятие той или иной деятельностью приносящей доход соответствует заявленным организаци-

¹ *Постановление Президиума ВАС РФ от 30 окт. 2001 г. по делу № 633/01 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».*

ей целям, будет сама организация в лице ее органов управления. Фактически это означает отсутствие каких-либо ограничений для предпринимательства некоммерческих структур» [2].

Момент соответствия целям зачастую игнорируется. Сложилось убеждение, что «законодательно некоммерческим организациям разрешено заниматься деятельностью приносящей доход, если доходы от нее направляются на достижение уставных целей» [3]. Примеры судебной практики демонстрируют учет несоответствия деятельности, приносящей доход, уставной в силу определенных сложностей, а уровня финансирования основной деятельности – за счет прибыли от приносящей доход деятельности¹.

Проблема квалификации деятельности возникает и при налогообложении полученной прибыли, поскольку некоммерческим организациям за счет использования налоговых льгот, по сути, предоставлен иной правовой режим налогообложения, который распространяется лишь на основную – общественную некоммерческую деятельность организации.

Наличие привлекательных льгот по налогам вкупе с разрешением осуществлять прибыльную деятельность создают предпосылки для злоупотреблений со стороны некоммерческих организаций, когда они в ущерб основной уставной деятельности занимаются иной деятельностью приносящей доход, применяя льготы по налогообложению и получая необоснованную налоговую выгоду².

Проблема отягощается еще и тем, что законодатель использует близкие по значению термины «предпринимательская деятельность», «деятельность, преследующая извлечение прибыли» и «деятельность, приносящая доход», не закрепляя различия их правового регулирования. В результате деятельность, приносящая доход, в зависимости от конкретной ситуации может признаваться предпринимательской, а может – и нет, так и оставаясь деятельностью, приносящей доход.

По мнению одних авторов, приносящая доход деятельность некоммерческих организаций, по сути, является предпринимательской или тяготеющей к предпринимательской деятельности [4]. При этом не имеет особого значения, как она именуется законодателем, каковы ее характер и направленность. Именно эта позиция в настоящее время воспринята судебной практикой. Согласно разъяснениям, данным в п. 21 постановления Пленума Верховного суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой ГК РФ», на некоммерческую организацию в части осуществления приносящей доход деятельности распространяются положения законодательства, применимые к лицам, осуществляющим предпринимательскую деятельность.

Другие авторы придерживаются точки зрения о том, что деятельность, приносящая некоммерческим организациям доход, является содержательно бо-

¹ Постановление Президиума ВАС РФ от 14 сент. 2010 г. № 1809/10.

² Там же.

лее широким понятием, нежели предпринимательская деятельность [5]. Такой подход нашел отражение в подготовленном Министерством юстиции РФ проекте Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон “О некоммерческих организациях” (в части приведения в соответствие с новой редакцией ГК РФ)»¹. Этот документ, обсуждавшийся 2 ноября 2015 г. на нулевых чтениях в Общественной палате РФ, предусматривает, что некоммерческая организация может осуществлять «приносящую доход деятельность, в том числе предпринимательскую деятельность».

Исходя из экономических позиций понятия «предпринимательская деятельность» и «приносящая доход деятельность» разграничиваются через соотношение понятий «прибыль» и «доход» как желаемые и конечные цели деятельности существенно отличаются. Если доход определяется как экономические средства, полученные от какого-то вида деятельности, то прибыль представляет собой разность между доходами и затратами (расходами, издержками) за определенный период.

В литературе выделяют основные признаки приносящей доход деятельности:

- 1) не является основной деятельностью для некоммерческой организации;
- 2) направлена на получение дополнительных источников финансирования некоммерческой организации;
- 3) для осуществления приносящей доход деятельности необходимо указание в учредительных документах некоммерческой организации права на осуществление такой деятельности;
- 4) приносящая доход деятельность не носит, по общим правилам, рискованного характера [6].

Подведя итог вышесказанному, можно сделать вывод о том, что деятельность приносящая доход, – это деятельность, соответствующая целям создания некоммерческой организации и связанная с получением дохода от производства товаров и услуг, выполнения работ, осуществления имущественных и неимущественных прав, приобретения и реализации ценных бумаг, которая не обладает совокупностью юридически значимых признаков предпринимательской деятельности. Это некие «пассивные» доходы, для получения которых не требуется активных или систематических действий со стороны учреждения.

В заключение необходимо отметить, что требуется выработка понятия приносящей доход деятельности некоммерческих организаций на научном уровне с последующим легальным закреплением ее признаков, а также специальных норм, регулирующих ее ведение и возникающие отношения. При этом представляется целесообразным использование дифференцированного подхода, предполагающего установление различных норм, закрепляющих принципиальную возможность и допустимые рамки осуществления доходной деятельности некоммерческих юридических лиц. Широта этих рамок должна находиться, во-первых, в прямой зависимости от целей создания организаций и избранных

¹ Федеральный Портал Проектов Нормативных Правовых Актов. URL: <http://regulation.gov.ru/projects#npa=38566> (дата обращения: 15.02.2016).

способов их достижения, а во-вторых, во взаимосвязи с общим правовым режимом их функционирования.

Список литературы

1. *Болдырев В. А.* Осуществление учреждением приносящей доход деятельности // Алтайский юрид. вестник. 2014. № 1. С. 70.
2. *Габов А. В.* Некоммерческие организации: теоретические и практические проблемы // Законы России: опыт, анализ, практика. 2008. № 10.
3. Бухгалтерский и налоговый учет НКО. Материалы круглого стола от 19 марта 2007 г. URL: <http://www.nko-ural.ru/additional/1/5> (дата обращения: 31.03.2016).
4. *Десятов И. Н.* Право некоммерческих юридических лиц на деятельность, приносящую доход: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. URL: <http://lawtheses.com> (дата обращения: 09.03.2016).
5. *Тарасенко О. А.* О предпринимательской и приносящей доход деятельности некоммерческих организаций // Юрист. 2014. № 23. С. 18; *Звездина Т. М.* К вопросу о соотношении понятий предпринимательской и приносящей доход деятельности некоммерческих организаций // Бизнес, менеджмент и право. 2014. № 2. С. 75.
6. *Городилова Ю. Л.* Правовое регулирование деятельности государственных и муниципальных учреждений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С. 25.

Ж. А. Мингалева

д. э. н., профессор кафедры предпринимательского права,
гражданского и арбитражного процесса ПГНИУ

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕЖИМА ИМУЩЕСТВА, ПЕРЕДАВАЕМОГО В ЗАЛОГ В КРЕДИТНОМ ДОГОВОРЕ*

Особенностью отношений в предпринимательской сфере по поводу предоставления кредита является то, что здесь тесно переплетаются вещные и обязательственные права. Это связано, прежде всего, с наличием в большинстве кредитных договоров такого способа защиты интересов кредитора, как залог имущества с целью обеспечения обязательств по возврату кредита.

Заключение субъектами предпринимательского права договора кредитования является, согласно ст. 819, 820 Гражданского кодекса Российской Федерации, основанием для возникновения кредитных отношений. При этом моменту заключения договора обычно предшествует совершение сторонами юридически значимых действий по урегулированию основных вопросов договора кредитования: обсуждение цели получения кредита, определение его размера и вида, срока кредитования, источников погашения основной суммы долга и процентов за пользование денежными средствами, а также вопроса о материальном обеспечении возврата суммы долга в случае возникновения у должника кризисной

© Мингалева Ж. А., 2016

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 16-03-00741. «Система правовых механизмов стимулирования должника к надлежащему исполнению обязательств и гарантирования интересов кредитора в российском гражданском праве».

ситуации, не позволяющей полностью или частично вернуть полученные в кредит средства.

В юридической категории залога объединяются нормы вещного и обязательственно права [8]. Так, в пункте 1 статьи 334 ГК РФ дается определение залога, под которым понимается «обязательство, в силу которого кредитор по обеспеченному залогом обязательству (залогодержатель) имеет право в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения должником этого обязательства получить удовлетворение из стоимости заложенного имущества (предмета залога) преимущественно перед другими кредиторами лица, которому принадлежит заложенное имущество (залогодателя)»¹, т. е. используются категории обязательственного права. При этом в п. 4 той же статьи определено, что в отношении залога недвижимого имущества (ипотеки) должны применять правила ГК РФ о вещных правах². Давая определение предмета залога, законодательством РФ установлено (п. 1 ст. 336 ГК РФ), что в качестве предмета залога может выступать «всякое имущество, в том числе вещи и имущественные права, за исключением имущества, на которое не допускается обращение взыскания, требований...»³, т. е. в законе четко прослеживается наличие тесной взаимосвязи вещных и обязательственных правоотношений в сфере кредитования с учетом залога.

В качестве материальных объектов обеспечения кредита у субъектов предпринимательской деятельности чаще всего выступают недвижимое имущество (земельные участки, здания, отдельные помещения, в том числе квартиры и иные объекты), транспортные средства, производственное и технологическое оборудование, а также товары, находящиеся в обороте. В целом же круг объектов, которые могут быть переданы и приняты в качестве объекта залога, установлен ст. 336 Гражданского кодекса РФ. При этом в законе содержится ряд дополнений в отношении такого имущества.

Достаточно много проблем возникает при передаче в залог вещей (объектов), которые залогодатель планирует приобрести в будущем (правовой порядок такой сделки определен п. 2 ст. 336 ГК РФ). Однако на практике это создает дополнительные риски для кредитора, поскольку при составлении договора залога не всегда бывает возможным точно определить стоимость имущества, приобретаемого в будущем. А поскольку законодатель жестко регулирует понятие стоимости предмета залога и возможности/невозможности ее изменения, а также начальной продажной цены (цены реализации) предмета залога при обращении на него взыскания (п. 3 ст. 340 ГК РФ), то здесь явно прослеживаются пробелы в отечественной практике.

Так, согласно пункту 2 статьи 340 ГК РФ, «условия договора, которые предусматривают в связи с последующим уменьшением рыночной стоимости

¹ *Гражданский Кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ (с изм. и доп.) // Рос. газета. 1994. 8 дек.*

² Там же.

³ Там же.

предмета залога, обеспечивающего обязательство гражданина по возврату потребительского или ипотечного кредита, распространение залога на иное имущество, досрочный возврат кредита или иные неблагоприятные для залогодателя последствия, ничтожны»¹.

По мнению Л. А. Кассо, обременение залогом играет роль полного эквивалента за занятые деньги и применительно к тем явлениям, где вещная гарантия покрывает лишь ту часть вреда, который может наступить от неисполнения какого-нибудь обязательства [5]. Однако практика показала, что в условиях кризиса, который затронул всех субъектов общества, уменьшение рыночной стоимости объектов залога произошло практически повсеместно. Особенно это касается дорогостоящих объектов, время экспозиции которых на рынке значительно увеличилось как вследствие сокращения платежеспособного спроса на такие объекты в результате общего снижения доходов населения и хозяйствующих субъектов, так и ввиду увеличения количества предлагаемых к продаже объектов. К этому присовокупилась негативная динамика роста задержек платежей по кредитам, как в части уплаты процентов, так и выплаты основной суммы долга. В результате залогодержатели вынуждены были продавать объекты залога по ценам не только ниже стоимости определенной в договоре залога, но и по ценам ниже рыночных, сложившихся на момент продажи предмета залога при обращении взыскания. Таким образом, начиная с пика кризиса 2008 г., кредиторы понесли значительный финансовый ущерб в силу того, что реализация (продажа) имеющегося у них в залоге имущества в большей части случаев прошла по ценам существенно ниже установленных в договоре залога.

Похожая сложная ситуация складывается при предоставлении в качестве объекта залога автотранспортных средств, в отношении которых существуют такие дополнительные риски потери имущества (по сравнению с объектами недвижимости), как порча имущества в результате аварии, потеря имущества при угоне и т. д. Конечно, юридическая наука не стоит на месте в плане решения этого вопроса [2–4; 6; 7; 9], однако проблем и противоречий в отношении использования транспортного средства как объекта залога в целях обеспечения кредитного договора остается до сих пор остается много.

Таким образом, одной из актуальных задач решения проблемы гарантирования интересов кредитора в российском гражданском праве является решение вопроса об установлении (достоверной и надежной оценке) стоимости имущества, передаваемого в залог при кредитовании, а также обеспечении его сохранности, поскольку целевая установка залога связана с решением одной из центральных проблем гражданского права – обеспечением исполнения обязательства должника в условиях настоящего правового поля, но на практике не выполняет это в полной мере [1].

Список литературы

1. Астраханцева И. А., Шибнева Е. В. Методика оценки прав (требований) по кредитным договорам, обеспеченных залогом и поручительством физических лиц // Известия выс-

¹ Гражданский Кодекс Российской Федерации.

ших учебных заведений. Сер. Экономика, финансы и управление производством. 2015. № 2 (24). С. 3–10.

2. *Егорова Н. О.* Залог транспортного средства как способ обеспечения кредитного договора: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007.

3. *Зинковский М. А.* Залог транспортного средства: недобросовестные действия залогодателя в отношении залога // Юрид. мир. 2010. № 8. С. 36–38.

4. *Камышанова А. Е., Синчук М. А.* Проблемы правового регулирования залога автотранспортных средств: теория и практика применения // Юрист-Правоведь. 2008. № 5. С. 53–57.

5. *Кассо Л. А.* Понятие о залоге в современном праве. М.: Статут. 1999. С. 270.

6. *Максимов В. А., Пиотровская М. А.* Залог транспортных средств в свете последних изменений в Гражданском Кодексе Российской Федерации // Государство и право в условиях гражданского общества / отв. ред. А. А. Сукиасян М., 2015. С. 42–46.

7. *Русецкий А. Е., Беликова Р. А.* Регистрация залога транспортных средств: проблемы правового регулирования // Право и экономика. 2010. № 4. С. 28–29.

8. *Чебоньян Т. Г.* Кредитный договор: анализ судебно-арбитражной практики толкования и применения отдельных норм гражданского законодательства // Гуманитарные, социально-экон. и обществ. науки. 2013. № 7-1. С. 223–225.

9. *Шахкелдов Ф. Г.* Договор залога транспортного средства в обеспечение кредитного договора: проблемы применения и тенденции совершенствования // Нотариус. 2007. № 2. С. 29–31.

А. И. Миронова

студентка III курса

юридического факультета ПГНИУ

ПОРЯДОК ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ОТСРОЧКИ УПЛАТЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОШЛИНЫ В АРБИТРАЖНОМ И ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

Судебными расходами называются денежные затраты, связанные с рассмотрением гражданского дела и исполнением судебного решения [1].

Судебные расходы являются неотъемлемой частью гражданского и арбитражного судопроизводства, одним из важнейших элементов судебного процесса в связи с тем, что судебные расходы призваны компенсировать государству затраты на содержание судебного аппарата, а лицам, участвующим в деле, те затраты, которые они понесли в связи с рассмотрением дела. Также судебные расходы выступают средством обеспечения надлежащего исполнения сторонами своих гражданско-правовых обязанностей. Так, стороны, вступая в гражданско-правовые отношения, и, принимая на себя соответствующие обязательства, изначально должны уяснить, что при ненадлежащем исполнении либо неисполнении таковых обязательств должником суд, помимо разрешения требований по существу, будет дополнительно взыскивать с него судебные расходы. И наконец необходимость уплаты судебных расходов при подаче заявлений в

суд служит процессуальным средством, сдерживающим неосновательное обращение к судебной власти, а также злоупотребления своими процессуальными правами сторон и других лиц, участвующих в деле.

Согласно статье 88 ГПК РФ¹ и статье 101 АПК РФ², судебные расходы состоят из судебных издержек и государственной пошлины.

Под государственной пошлиной, согласно ст. 333.16 НК РФ³, принято понимать сбор, взимаемый с организаций и физических лиц при их обращении в государственные органы, органы местного самоуправления, иные органы и (или) к должностным лицам, которые уполномочены, в соответствии с законодательными актами и нормативными правовыми актами органов местного самоуправления, совершать в отношении этих лиц юридически значимые действия, предусмотренные гл. 25.3 НК РФ, за исключением действий, совершаемых консульскими учреждениями РФ.

Законодатель закрепляет право за лицами, обращающимися в суд, получить отсрочку по уплате государственной пошлины. Статья 90 ГПК РФ и статья 102 АПК РФ предусматривают, что основания и порядок уплаты государственной пошлины, а также порядок предоставления отсрочки уплаты государственной пошлины устанавливаются в соответствии с законодательством РФ о налогах и сборах, т. е. НК РФ.

Под отсрочкой от уплаты государственной пошлины принято понимать определение более позднего срока уплаты государственной пошлины в полном размере по сравнению с установленным законом.

Отсрочка, согласно ст. 64 НК РФ, по уплате налога представляет собой изменение срока уплаты налога при наличии оснований, предусмотренных данной статьей, на срок, не превышающий один год, соответственно с единовременной или поэтапной уплатой суммы задолженности.

Гражданский и арбитражный процесс имеют ряд отличий по порядку предоставления отсрочки уплаты государственной пошлины.

В арбитражном процессе прямо не названы основания к получению отсрочки по уплате государственной пошлины. Так, согласно п. 2 ст. 333.22 НК РФ, арбитражные суды, исходя из имущественного положения плательщика, вправе освободить его от уплаты государственной пошлины по делам, рассматриваемым указанными судами, либо уменьшить ее размер, а также отсрочить (рассрочить) ее уплату в порядке, предусмотренном НК РФ. Предоставление отсрочки уплаты государственной пошлины лицу, имущественное положение которого не позволяет исполнить обязанность по уплате государственной пошлины на этапе обращения в арбитражный суд, направлено на обеспечение доступности правосудия и реализацию права на судебную защиту, одной из целей

¹ *Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации* от 14 нояб. 2002 г. № 138-ФЗ (с изм. и доп. от 01.01.2016) // Рос. газета. 2002. 20 нояб.

² *Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации* от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (с изм. и доп. от 15.02.2016) // Собр. законодательства Рос. Федерации от 29 июля 2002 г.

³ *Налоговый кодекс Российской Федерации. Часть 2* от 5 авг. 2000 г. № 117-ФЗ (с изм. и доп. от 15.02.2016) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2000. 7 авг.

которой является своевременность восстановления нарушенных прав и законных интересов заинтересованного лица¹.

В соответствии со статьей 333.41 НК РФ, отсрочка уплаты государственной пошлины предоставляется по письменному ходатайству заинтересованного лица в пределах одного года. Ходатайство может быть изложено в исковом заявлении (заявлении), апелляционной или кассационной жалобе либо в отдельном заявлении, приложенном к соответствующему заявлению (жалобе). Ходатайство об отсрочке или уплаты государственной пошлины, поданное до обращения с исковым заявлением (заявлением), апелляционной или кассационной жалобой, возвращается арбитражным судом без рассмотрения. На сумму государственной пошлины, в отношении которой предоставлена отсрочка, проценты не начисляются в течение всего срока, на который предоставлена отсрочка.

Согласно п.4 Постановления Пленума ВАС РФ² от 20 марта 1997 г. № 6 в ходатайстве должны быть приведены соответствующие обоснования с приложением документов, свидетельствующих о том, что имущественное положение заинтересованной стороны не позволяет ей уплатить государственную пошлину в установленном размере при подаче искового заявления, апелляционной или кассационной жалобы. К документам, устанавливающим имущественное положение заинтересованной стороны, относятся:

1) подтвержденный налоговым органом перечень расчетных и иных счетов, наименования и адреса банков и других кредитных учреждений, в которых эти счета открыты (включая счета филиалов и представительств юридического лица – заинтересованной стороны);

2) подтвержденные банком (банками) данные об отсутствии на соответствующем счете (счетах) денежных средств в размере, необходимом для уплаты государственной пошлины, а также об общей сумме задолженности владельца счета (счетов) по исполнительным листам и платежным документам. К ходатайству об уменьшении размера государственной пошлины прилагаются документы о находящихся на счете (счетах) денежных средствах.

Также лицо, обращающееся за получением отсрочки уплаты государственной пошлины должно предоставить документы, подтверждающие его обращение к банкам и иным организациям за получением заемных средств, а также свидетельствующих об отсутствии у них ликвидного имущества, за счет реализации которого могла быть получена денежная сумма, необходимая для уплаты государственной пошлины, не требуется.

Арбитражный суд удовлетворяет ходатайство об отсрочке уплаты государственной пошлины только тогда, когда представленные документы свидетельствуют об отсутствии на банковских счетах денежных средств в размере необ-

¹ *О применении законодательства о государственной пошлине при рассмотрении дел в арбитражных судах: постановление Пленума ВАС РФ от 11 июля 2014 г. № 46 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».*

² *О некоторых вопросах применения арбитражными судами законодательства Российской Федерации о государственной пошлине: постановление Пленума ВАС РФ от 20 марта 1997 г. № 6 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».*

ходимом для уплаты государственной пошлины. В том случае, когда документы, указанные выше отсутствуют, в удовлетворении ходатайства должно быть отказано.

Необходимо отметить, что при наличии ходатайства об отсрочки государственной пошлины исковое заявление, апелляционная или кассационная жалоба не могут быть возвращены в связи с неуплатой государственной пошлины.

В статье 90 ГПК РФ также предусмотрена возможность получения отсрочки уплаты государственной пошлины. Согласно пункту 2 статьи 333.20 НК РФ, суды общей юрисдикции или мировые судьи, исходя из имущественного положения плательщика, вправе уменьшить размер государственной пошлины, подлежащей уплате по делам, рассматриваемым указанными судами или мировыми судьями, либо отсрочить (рассрочить) ее уплату. Как и в арбитражном процессе, отсрочка или рассрочка уплаты государственной пошлины предоставляется по ходатайству заинтересованного лица на срок до одного года.

В гражданском процессе предусмотрен ряд оснований, по которым заинтересованное лицо может получить отсрочку в уплате госпошлины и к таким основаниям относят:

1) причинение заинтересованному лицу ущерба в результате стихийного бедствия, технологической катастрофы или иных обстоятельств непреодолимой силы;

2) задержку заинтересованному лицу финансирования из бюджета или оплаты выполненного этим лицом государственного заказа;

3) угрозу возникновения признаков несостоятельности (банкротства) заинтересованного лица в случае единовременной уплаты им налога, утверждение арбитражным судом мирового соглашения либо графика погашения задолженности в ходе процедуры финансового оздоровления;

4) если имущественное положение физического лица исключает возможность единовременной уплаты налога;

5) если производство и (или) реализация товаров, работ или услуг лицом носит сезонный характер;

6) при наличии оснований для предоставления отсрочки или рассрочки по уплате налогов, подлежащих уплате в связи с перемещением товаров через таможенную границу Таможенного союза, установленных таможенным законодательством Таможенного союза и законодательством РФ о таможенном деле.

В подтверждение оснований, на которые ссылается заинтересованное (физическое) лицо, чтобы получить отсрочку в уплате госпошлины, оно должно предоставить в суд доказательства, например: справку о средне-месячном заработке лица, справку о задолженности по кредитным обязательствам, выписку с лицевого счета и др.

Список литературы

1. *Гражданский процесс: учебник* / Н. М. Коршунов, А. Н. Лабыгин. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. С. 101.

МЕТОДЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВНЕШНЕТОРГОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В целях защиты экономического суверенитета, обеспечения экономической безопасности России, стимулирования развития национальной экономики при осуществлении внешнеторговой деятельности и обеспечения условий эффективной интеграции экономики России в мировую экономику государство осуществляет контроль над внешнеторговой деятельностью с помощью определенных методов регулирования.

В соответствии с Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 164-ФЗ «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности»,¹ регулирование этой сферы осуществляется посредством методов, которые определены на законодательном уровне. Данные методы представляют собой конкретные приемы и способы воздействия на реализацию внешнеторговой деятельности. К таким основным методам относятся:

- таможенно-тарифное регулирование²;
- нетарифное регулирование;
- запреты и ограничения внешней торговли услугами и интеллектуальной собственностью;
- меры экономического и административного характера, способствующие развитию внешнеторговой деятельности.

Следует отметить, что обозначенные методы государственного регулирования должны применяться в соответствии с принципом единства их применения на всей территории России, который вытекает из единства экономического пространства и отнесения вопросов установления правовых основ единого рынка к исключительной компетенции Российской Федерации и означает их единообразное применение.

В юридической литературе методы государственного регулирования классифицируются на несколько групп:

1. По своему содержанию они подразделяются на административные и экономические, и, несмотря на то, что последние в большей мере соответствуют характеристикам рыночной экономики, анализ положений Закона позволяет прийти к выводу, что законодатель здесь делает акцент на административных методах.

© Мягкова А. В., 2016

¹ *Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности*: Федеральный закон от 8 дек. 2003 г. № 164-ФЗ (ред. от 13.07.2015) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. № 50, ст. 4850.

² *О таможенном тарифе*: закон Рос. Федерации от 21 мая 1993 г. № 5003-1 (ред. от 24.11.2014) // Рос. газета. 1993. № 107.

2. Характер принимаемых мер позволяет также различать среди них методы ограничения и стимулирования внешнеторговой деятельности.

3. По направленности воздействия можно выделить методы регулирования универсальные, т. е. применяемые во всех сферах внешнеторговой деятельности, что преимущественно касается мер экономического и административного характера, способствующих развитию внешнеторговой деятельности, и специальные, т. е. реализуемые исключительно при внешней торговле товарами (таможенно-тарифное регулирование, лицензирование и т. п.) либо услугами и интеллектуальной собственностью.

Применение таможенно-тарифного и нетарифного регулирования внешне-торговой деятельности является вполне традиционным и распространенным явлением, но законодатель решил, что необходимо указать на специфику регулирования внешней торговли услугами и интеллектуальной собственностью, а также отметить возможность стимулирования внешнеторговой деятельности посредством применения мер экономического и административного характера.

Подобный подход в юридической литературе побуждает к обсуждению. Одни задаются вопросом, можно ли назвать этот подход удачным, поскольку он неизбежно порождает вопрос о соотношении приводимых законодателем методов государственного регулирования. Прежде всего, нельзя не обратить внимание на то, что при довольно широкой трактовке такого метода, как применение мер экономического и административного характера для стимулирования внешнеторговой деятельности, он не может не включать элементы таможенно-тарифного и нетарифного регулирования, которым придается самостоятельный статус.

Также в Законе предусматривается исчерпывающий перечень способов государственного регулирования внешнеторговой деятельности как пределов государственного вмешательства в ее осуществление, что вполне отвечает требованиям рыночной экономики и вытекает из международных обязательств Российской Федерации. Однако формирование закрытого перечня методов государственного регулирования в условиях нормативной неопределенности их содержания, как представляется, не позволит обеспечить их выполнение.

Таким образом, можно заключить: законодатель при включении в перечень такого метода как меры экономического и административного характера, способствующих развитию внешнеторговой деятельности, не придавал значения их широкой трактовке и, выделяя при этом отдельно методы таможенно-тарифного и нетарифного регулирования внешнеторговой деятельностью, не учел, что они автоматически включаются в данный метод. Что касается такого метода, как запреты и ограничения внешней торговли услугами и интеллектуальной собственностью, то законодатель ограничился лишь указанием на основания их применения, не посчитав возможным определить хотя бы их приблизительный перечень.

На основании вышеизложенного, полагаем, что только два метода отвечают задачам регулирования внешней торговли: запреты и ограничение внешней торговли в части услуг и интеллектуальной собственности; меры экономиче-

ского и административного характера. В последующих главах федерального закона необходимо раскрыть сущность методов, привести полный перечень их видов, характеристику, основы правового регулирования и механизм применения методов в сфере внешнеторговой деятельности РФ.

А. Р. Никулина
студентка 2 курса
юридического факультета ЗУИЭП

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ВАЛЮТНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В РФ

Переход Российской Федерации к рыночным отношениям способствовал либерализации валютных отношений между физическими и юридическими лицами, которые стали полноправными участниками валютного рынка. Демократические преобразования потребовали выработки новых направлений валютной политики и четкой правовой регламентации данной сферы экономических отношений.

В данный период времени основным нормативно-правовым актом, регламентирующим сферу валютных правоотношений, является Федеральный закон «О валютном регулировании и валютном контроле»¹. С учетом статьи 3 этого закона одним из принципов валютного регулирования и валютного контроля в Российской Федерации является единство внешней и внутренней валютной политики РФ. Анализ данного принципа разрешает нам говорить о том, что валютная политика рассматривается в виде единой и имеющей общие цели и задачи совокупности правовых и экономических инструментов валютного регулирования и валютного контроля как на уровне внутригосударственных отношений, так и в рамках международных экономических отношений, имеющей общие цели и задачи [1]. Несмотря на это, согласно Концепции внешней политики РФ, высшим приоритетом внешнеполитического курса России является защита интересов личности, общества и государства, а также верховенство внутренних целей над внешними.

В рассматриваемый закон на протяжении многих лет неоднократно вносились изменения и дополнения. В 2014 г. был принят Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»², в связи с чем расширился перечень оснований, по которым резидентам

© Никулина А. Р., 2016

¹ *О валютном регулировании и валютном контроле*: Федер. закон от 10 дек. 2003 г. № 173-ФЗ (ред. от 30.12.2015 № 430-ФЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 1 (ч. 1), ст. 50.

² *О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации*: Федер. закон от 21 июля 2014 г. № 234-ФЗ (ред. от 31.12.2014) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 30 (ч. 1), ст. 4235.

было разрешено зачисление денежных средств на счета, открытые в банках, которые расположены за пределами РФ. В случаях, которые отсутствуют в данном перечне, денежные средства могут быть зачислены только на открытый счет в российском уполномоченном банке.

Согласно пункту 4 статьи 13 Закона, резиденты вправе перечислять иностранную валюту и валюту Российской Федерации со своих банковских счетов (с банковских вкладов) в уполномоченных банках на свои счета (во вклады) в банках за пределами территории Российской Федерации.

Наряду со случаями, указанными в ч. 4 ст. 12 Закона, на счета (во вклады) резидентов, открытые в банках за пределами территории Российской Федерации, могут быть зачислены: суммы процентов на остаток средств на таких счетах; денежные средства в виде минимального взноса; наличные денежные средства, вносимые на счет; денежные средства, которые получены в результате совершения конверсионных операций.

На зарубежные банковские счета резидентов – физических лиц могут быть зачислены денежные средства, которые получены от нерезидентов, выплачиваемые: в виде заработной платы и других выплат, которые связаны с выполнением трудовых обязанностей за пределами территории РФ; в виде пенсий, стипендий, алиментов и иных выплат социального характера; в виде страховых выплат; в порядке возврата ранее уплаченных денежных средств, включая возврат ошибочно перечисленных денежных средств.

Также необходимо отметить, что перечень этих оснований допускает зачисление денежных средств на зарубежные счета резидентов, однако остается закрытым. В частности, не допускается зачисление доходов от продажи ценных бумаг или доходов от доверительного управления, это считается незаконной валютной операцией.

Помимо этого, по российскому законодательству, действовавшему ранее, резиденты – физические лица не обязаны были предоставлять в налоговый орган отчетность по своим зарубежным счетам. Необходимость предоставления такой отчетности была установлена только для юридических лиц. Изменения, которые вносились в закон, распространили такое обязательство и на физических лиц, которые должны представлять налоговым органам по месту своего учета отчеты о движении средств по счетам (вкладам) в банках за пределами территории РФ с подтверждающими банковскими документами.

Также стоит отметить, что был расширен перечень оснований, при которых резиденты могут не зачислять на свои банковские счета в уполномоченных банках иностранную валюту или валюту Российской Федерации (подп. 7 п. 2 ст. 19 Федерального закона «О валютном регулировании и валютном контроле»). В частности, резиденты получили право на проведение зачета встречных требований с нерезидентами при экспорте природного газа в газообразном состоянии и в связи с его транзитом через территории иностранных государств. Исходя из этого в научной литературе высказывается позиция о том, что зачеты валютных резидентов и нерезидентов стали актуальны в новой экономической реальности, связанной с обострением внешнеполитических отношений.

В продолжение вопроса о развитии зачетных правоотношений, можно сказать, что, в соответствии с Федеральным законом «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» был расширен перечень валютных операций, не запрещенных между резидентами, путем дополнения подп. 20 п. 1 ст. 9 Закона¹. А именно – не являются незаконными операции, связанные с внесением и возвратом индивидуального, коллективного клирингового обеспечения и (или) иного обеспечения, в том числе внесенного в имущественный пул, в соответствии с Федеральным законом «О клиринге и клиринговой деятельности»².

В данном случае законодательство о валютном регулировании затрагивает получившую распространение форму расчетов в виде клиринга. Отойдя от весьма нечетких законодательных формулировок, для понимания сущности данных гражданских отношений, необходимо вспомнить научную трактовку данного термина. Так, по мнению Г. А. Тосуняна клиринг представляет собой в самом общем виде систему безналичных расчетов за товары и услуги, основанную на зачете взаимных требований и обязательств и использующуюся банками в целях снижения потребности в оборотных средствах и упрощения обмена платежами [2].

Также стоит отметить, что в конце 2015 года вступил в силу Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон “О валютном регулировании и валютном контроле”»³, положения которого внесли изменения в ст. 9, 19 и 23 ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» и ст. 15.25 Кодекса РФ об административных правонарушениях, содержащую составы правонарушений за нарушения валютного законодательства РФ и актов органов валютного регулирования⁴.

В частности, теперь стало наказуемым неуведомление в установленный срок финансовым агентом (фактором) – резидентом, которому уступлено денежное требование, резидента, являющегося в соответствии с условиями внешнеторгового договора (контракта) с нерезидентом лицом, передающим этому нерезиденту товары, выполняющим для него работы, оказывающим ему услуги

¹ *О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации*: Федер. закон от 29 июня 2015 г. № 210-ФЗ (ред. от 29.12.2015 № 407-ФЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 1 (ч. 1), ст. 27.

² *О клиринге, клиринговой деятельности и центральном контрагенте*: Федер. закон от 7 февр. 2011 г. № 7-ФЗ (ред. от 30.12.2015 № 403-ФЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 1 (ч. 1), ст. 23.

³ *О внесении изменений в Федеральный закон «О валютном регулировании и валютном контроле» и статью 15.25 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях*: Федер. закон от 29 июня 2015 г. № 181-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2015. № 27, ст. 3972.

⁴ *Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях* от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 09.03.2016 № 64-ФЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 11, ст. 1481.

либо передающим ему информацию или результаты интеллектуальной деятельности, в том числе исключительные права на них, об исполнении (неисполнении) нерезидентом обязательств, предусмотренных указанным внешнеторговым договором (контрактом), или о последующей уступке денежного требования по указанному внешнеторговому договору (контракту) с приложением соответствующих документов. Такое бездействие в качестве санкции влечет наложение административного штрафа на должностных лиц в размере от четырех тысяч до пяти тысяч рублей, а на юридических лиц – от сорока тысяч до пятидесяти тысяч рублей.

Рассмотренный состав правонарушения затрагивает гражданско-правовые отношения между финансовым агентом, клиентом и должником по основному обязательству. В соответствии с п. 1 ст. 824 Гражданского кодекса РФ, по договору финансирования под уступку денежного требования одна сторона (финансовый агент) передает или обязуется передать другой стороне (клиенту) денежные средства в счет денежного требования клиента (кредитора) к третьему лицу (должнику), вытекающего из предоставления клиентом товаров, выполнения им работ или оказания услуг третьему лицу, а клиент уступает или обязуется уступить финансовому агенту это денежное требование¹.

В этом случае норма, предусмотренная п. 6 ст. 15.25 КоАП, выступает охранительной по отношению к правовому положению ст. 19 ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле», касающемуся репатриации резидентами иностранной валюты и валюты РФ. В частности, согласно подп. 1 п. 1 ст. 19 указанного закона, при осуществлении внешнеторговой деятельности резиденты обязаны в сроки, предусмотренные внешнеторговыми договорами (контрактами), обеспечить:

– получение от нерезидентов на свои банковские счета в уполномоченных банках иностранной валюты или валюты РФ, причитающейся в соответствии с условиями указанных договоров за переданные нерезидентам товары, выполненные для них работы, оказанные им услуги, переданные им информацию и результаты интеллектуальной деятельности, в том числе исключительные права на них;

– возврат в РФ денежных средств, уплаченных нерезидентам за неввезенные в РФ товары, невыполненные работы, неоказанные услуги, переданные им информацию и результаты интеллектуальной деятельности, в том числе исключительные права на них.

Таким образом, на сегодняшний день законодательство в сфере валютного регулирования и валютного контроля является весьма подвижной составляющей российской правовой системы, отражающей необходимые преобразования валютной деятельности на фоне как экономических изменений, так и современного курса внутренней и внешней политики.

¹ *Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая от 26 янв. 1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 29.06.2015 № 210-ФЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2015. № 27, ст. 4001.*

Список литературы

1. *Валютное право: учебное пособие* / Ю. М. Литвинова [и др.]. Саратов: Вуз. образование. 2014. 103 с.
2. *Клиринг и межбанковские финансовые операции: основные понятия и финансовые инструменты*. М.: Дело, 1994. 56 с.

Е. А. Окулова

студентка III курса
юридического факультета ПГНИУ

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ АРБИТРАЖА В РОССИИ

В настоящее время гарантированность судебной защиты является одним из основополагающих принципов законодательств большинства развитых стран, в том числе России. Конституция РФ гласит: «Каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод»¹. По общему правилу защиту нарушенных прав и свобод человека осуществляют государственные суды РФ. Однако существуют также и альтернативные способы защиты. Одним из таких способов является передача дела на рассмотрение в третейский суд (арбитраж).

История развития института третейского разбирательства начинается еще в античности. Гегель говорил о необходимости сторонам обращаться до официального суда к простому суду и попытаться прийти к соглашению [1]. В России право избирать посредников для решения спора законодательно закрепилось в Уставе гражданского судопроизводства 1864 г.

В настоящее время третейский суд представляет собой способ разрешения гражданско-правовых споров, негосударственный по существу, определенный сторонами для разрешения спора в особой согласованной между ними процессуальной форме, осуществляемый физическими лицами (лицом), избранными в качестве третейских судей, в отношении которого государственные суды осуществляют в пределах, указанных в законе, функции содействия и контроля [3].

В данный момент третейские суды образуются юридическими лицами, образованными в соответствии с законодательством РФ и их объединениями, и действуют при этих организациях², т. е. сейчас существуют различные третейские суды, созданные, в том числе и при коммерческих организациях. Например, Третейский суд при АО «Газпром», третейский суд при ООО «Дело техники» и т. д. Зачастую третейские суды, созданные при различных организациях, разрешают споры непосредственно с их участием. Данное обстоятельство по-

© Окулова Е. А., 2016

¹ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 дек. 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 дек. 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февр. 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31, ст. 4398.

² О третейских судах в Российской Федерации (ред. от 21.11.2011): Федер. закон от 24 июля 2002 г. № 102-ФЗ.

рождает недоверие к современным третейским судам со стороны лиц, участвующих в гражданском обороте.

По сравнению с США, где около 60 % дел рассматриваются третейскими судами, и Германией, где третейские дела составляют 75–80 % от общего числа судебных разбирательств [4], в Российской Федерации лишь незначительное количество дел рассматривается третейскими судами.

Государственная Дума РФ приняла Федеральный закон «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации», в котором содержится определение понятия «арбитраж». Арбитраж – процесс разрешения спора третейским судом и принятия решения третейским судом (арбитражного решения)¹. Данное определение соответствует общепринятой международной практике.

Согласно данному закону, в РФ могут создаваться постоянно действующие арбитражные учреждения. Постоянно действующее арбитражное учреждение – подразделение некоммерческой организации, выполняющее на постоянной основе функции по администрированию арбитража². Такие учреждения могут образоваться только при некоммерческих организациях.

Согласно статье 44 ФЗ «Об арбитраже в РФ», постоянно действующее арбитражное учреждение вправе осуществлять свою деятельность при условии получения некоммерческой организацией права, предоставляемого актом Правительства Российской Федерации, при условии соблюдения организацией следующих требований: 1) соответствие представленных правил постоянно действующего арбитражного учреждения требованиям Федерального закона «Об арбитраже»; 2) наличие у постоянно действующего арбитражного учреждения рекомендованного списка арбитров; 3) достоверность представленной информации о некоммерческой организации и ее учредителях (участниках); 4) репутация некоммерческой организации, при которой создается постоянно действующее арбитражное учреждение, масштаб и характер ее деятельности позволяют обеспечить высокий уровень организации деятельности постоянно действующего арбитражного учреждения, осуществление деятельности, направленной на развитие арбитража в России.

В целом первые три критерия являются довольно объективными и позволяют оценить деятельность организации, которая будет осуществлять функции по администрированию арбитража. Однако такой критерий, как репутация, масштаб и характер деятельности некоммерческой организации, что позволит обеспечить высокий уровень организации деятельности и развитие арбитража, является оценочным, что, очевидно, может повлечь ряд необоснованных отказов в разрешении некоммерческим организациям ведения деятельности по администрированию арбитража.

Понятие «деловая репутация» следует определять как приобретенную каким-либо физическим или юридическим лицом стороннюю или личную оценку

¹ *Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации: Федер. закон от 29 дек. 2015 г. №382-ФЗ // Рос. газета. 2015. №297, ст. 2.*

² Там же. П. 9.

положительных качеств, достоинств, относящихся к его профессиональной деятельности, общественной работе, навыков, умения распорядиться своим опытом, приобретенным в процессе реализации своих деловых качеств [5].

Таким образом, репутацию можно рассматривать как определенную категорию, а не критерий оценки деятельности организации. При этом решение вопроса о возможности выполнения данной организацией функций по администрированию арбитража является довольно субъективным. Возможно, в данной ситуации было бы более правомерно ввести такой критерий, согласно которому Правительство РФ могло бы более объективно подойти к вопросу о выдаче разрешения некоммерческой организации на осуществления функций по администрированию арбитража.

Устанавливая такие ограничения, законодатель преследовал цель разрешить существующие проблемы института третейского разбирательства в России – устранить злоупотребления, связанные с использованием третейских судов, обеспечить высокий уровень третейского разбирательства и реальную востребованность данного института¹.

При этом неясно, каким образом будет достигаться поставленная цель. Как указывает А. Я. Курбатов, «беспристрастность может отсутствовать только у третейского судьи (арбитра), а не у третейского суда как организации» [6], поскольку конкретные споры разрешаются арбитрами, избираемыми сторонами.

Именно на арбитра возлагается обязанность по принятию законного, справедливого и разумного решения по делу, так как стороны спора доверяют данному лицу разрешение возникших между ними разногласий.

Однако, согласно ст. 51 ФЗ «Об арбитраже в РФ», арбитра не несет гражданско-правовой ответственности перед сторонами арбитража, а также перед постоянно действующим арбитражным учреждением в связи с неисполнением или ненадлежащим исполнением функций арбитра и в связи с арбитражем, за исключением ответственности в рамках гражданского иска по уголовному делу. В сложившейся ситуации слабая сторона спора вновь будет не защищена от злоупотреблений со стороны ее контрагента и недобросовестного арбитра.

Сторона, участвующая в разрешении спора, вследствие неправомерных действий арбитра может понести значительные убытки. В такой ситуации будет нарушено ее право на защиту своих прав и законных интересов. Согласно статье 15 Гражданского кодекса РФ от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 31.01.2016), лицо, право которого нарушено, может требовать полного возмещения причиненных ему убытков, если не предусмотрено возмещение убытков в меньшем размере.

Ввиду изложенного представляется, что необходимо законодательно урегулировать отношения, возникающие между сторонами спора и арбитрам. В частности, к примеру, предоставить право на возмещение убытков лицу, чье

¹ *Пояснительная записка к проекту федерального закона «Об арбитраже (третейском суде) в Российской Федерации».* URL: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28Spravka%29?OpenAgent&RN=788111-6&02> (дата обращения: 05.04.2016).

право было нарушено незаконным, несправедливым решением в размере понесенных стороной расходов на рассмотрение дела. Такая мера позволила бы стимулировать арбитров к правомерному разрешению конфликтов.

Таким образом, принятый Федеральный закон «Об арбитраже в РФ» содержит в себе как значительные улучшения, так и недостатки. По-видимому, после вступления его в законную силу ряд существующих постоянно действующих третейских судов прекратят свою деятельность либо изменят ее. А достигнет ли законодатель поставленной цели – устранение злоупотреблений благодаря институту третейских судов, мы сможем увидеть на практике. Арбитраж является довольно эффективной альтернативой разрешения споров и имеет ряд преимуществ для сторон. Поэтому, безусловно, современному правовому государству необходимо развивать и совершенствовать арбитражное (третейское) судопроизводство.

Список литературы

1. Гегель Г. Ф. В. Философия права. М., 1990. С. 259.
2. Гражданский процесс: учебник / отв. ред. М. К. Треушникова. М.: Изд. Дом «Гордец». 2008. С. 753.
3. Гражданский процесс: учебник / отв. ред. В. В. Ярков М.: Инфотропик Медиа, 2014. С. 729.
4. Лебедев И. М. Процедура третейского судопроизводства при разрешении споров хозяйствующих субъектов как альтернатива федеральным (арбитражным) судам // Арбитр. и гражд. процесс. 2015. №3. С. 42–43.
5. Михалевиц Е. В. Деловая репутация: субъекты гражданских правоотношений, имеющие право на ее защиту // Юрист. 2012. №4. С. 34–42.
6. Курбатов А. Я. Аффилированность как средство борьбы с третейскими судами // Предпринимательское право. 2013. № 1. С. 18.

Е. А. Сунцова

студентка II курса
юридического факультета ПГНИУ

О СУДЬБЕ ПРАВА ХОЗЯЙСТВЕННОГО ВЕДЕНИЯ В СЛУЧАЕ ВЫДЕЛА ДОЛИ В ПРАВЕ СОБСТВЕННОСТИ НА ИМУЩЕСТВО

Существование нормы в части ограниченных вещных прав обусловлено недостаточностью материальных благ. Поэтому в гражданском праве предусмотрено регулирование права пользования чужими вещами с целью извлечения полезных свойств. Именно в пользовании вещью, по мнению Е. А. Бариновой, заключается смысл вещного права [1]. Об этом элементе в литературе говорится как об основном признаке. Еще одним признаком является производность от права собственности, т. е. имущество уже находится в собственности у другого лица. В силу того, что субъектная связь между ограниченными вещными правами и обязательственными сходна, существует проблема их де-

финиции. Но институт ограниченных вещных прав своеобразен (независимо от того, что в отношении чужого имущества можно установить обязательственное право), это связано с тем, что воля собственника играет меньшую роль, поэтому вещное право более «прочное». По мнению Е. А. Суханова, признаком является и то, что воздействие на чужую вещь без участия других лиц ограничено¹.

Право предприятия на имущество обусловлено индивидуальным воспроизводственным процессом, протекающим в соответствии с законом стоимости. Поскольку ситуация на рынке настолько неуправляема, что не может жестко фиксироваться в праве предприятия возможностями, последнее должно быть отнесено к числу абсолютных прав, содержание которых неисчерпаемо в том смысле, что не связано с какими-либо определенными действиями. Разумеется, это право должно защищаться против всякого и каждого. Вещный характер права предприятия на его имущество состоит в том, что между субъектом и объектом данного права не стоит ни один иной субъект.

Стоит отметить, что земельные участки не могут быть объектом в хозяйственном ведении, субъект ими пользуется на ином правовом основании – на праве постоянного бессрочного пользования. Объектом прав может выступать любое имущество, которое непосредственно используется для деятельности субъекта. В содержание права хозяйственного ведения входят правомочия владения, пользования, распоряжения имуществом с учетом ограничений. Распоряжение возможно в случае, если это не лишит унитарное предприятие возможности вести уставную деятельность. Согласно п. 1 ст. 18 ФЗ № 161-ФЗ «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях»², унитарное предприятие распоряжается движимым имуществом самостоятельно. Согласие собственника требуется, когда имущество вносится в уставный капитал. Ограничения действуют и тогда, когда имущество обременяется при помощи сделок. Нарушение ограничений влечет ничтожность сделок.

Затрагивая вопрос объема правоспособности учреждений как юридических лиц, мы сталкиваемся с проблемой изъятия собственником имущества учреждения, полученного от предпринимательской деятельности. Обращаясь к Закону и судебной практике, делаем вывод о том, что по закону это невозможно, а именно доходы и имущество, приобретенное на эти доходы, учитываемые на отдельном балансе, не могут быть изъяты у учреждений.

Прекратиться вещное право на недвижимое имущество при хозяйственном ведении может только после государственной регистрации (п. 1 ст. 131 ГК РФ³). Право хозяйственного ведения прекращается по общим основаниям,

¹ *Гражданское право Российской Федерации. Общая часть / под ред. Е. А. Суханова. М.: Волтерс Клувер. 2004.*

² *О государственных и муниципальных унитарных предприятиях (ред. от 13.07.2015): Федер. закон от 14 нояб. 2002 г. № 161-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».*

³ *Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 13.07.2015) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».*

установленным для прекращения права собственности (гл. 15 ГК РФ). Выделяют специфическое основание прекращения в силу односторонней сделки собственника – решение о правомерном изъятии имущества. Высшие суды дают разъяснение: собственник не наделен правом изымать имущество, находящееся в хозяйственном ведении унитарных предприятий. По требованию предприятий акты государственных органов и органов местного самоуправления по распоряжению имуществом должны признаваться недействительными (п. 40 постановления Пленума Верховного суда РФ и Высшего Арбитражного суда РФ № 6/8¹). Имущество может быть изъято только при ликвидации или реорганизации, что следует из смысла ст. 295 ГК РФ.

Также право прекращается путем приватизации, это исключение из правила следования за вещью.

Юридическим лицам невозможно отказаться от имущества, потому что право распоряжения у них ограничено, они не могут им пользоваться свободно, но одностороннее волеизъявление может служить основанием для принятия собственником решения об изъятии.

Рассмотрим частный вопрос, касающийся прекращения права хозяйственного ведения: может ли собственник имущества, наделивший организацию правом хозяйственного ведения, прекратить такое право по мотиву выдела доли в праве собственности на такое имущество?

Согласно ч. 3 ст. 299 ГК РФ, право хозяйственного ведения, если иное не предусмотрено настоящим Кодексом, прекращаются по основаниям и в порядке, предусмотренном настоящим Кодексом, другими законами и иными правовыми актами для прекращения права собственности, а также в случаях правомерного изъятия имущества у предприятия или учреждения по решению собственника.

Из указанного правила следует две позиции: 1) либо право хозяйственного ведения прекращается в соответствии с нормой права; 2) либо указанное право прекращается по решению собственника как правоприменительному акту, который должен отвечать критерию правомерности.

Обратимся к анализу первого из возможных вариантов. Основания прекращения права собственности перечислены в ст. 235 ГК РФ. Данная норма содержит указание, что иные случаи прекращения права могут быть предусмотрены только законом. Среди приведенных в статье случаев непосредственную связь с долевой собственностью имеет только ч. 4 ст. 252 ГК РФ, где предусмотрено правило о прекращении права собственности на незначительную долю в имуществе, которая не может быть выделена в натуре.

Никакие иные изменения, вносимые в долевую собственность (к примеру, перераспределение долей), не рассматриваются законодателем как основание

¹ *О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верхов. суда РФ № 6, Пленума ВАС РФ № 8 от 1 июля 1996 г. (ред. от 23.06.2015) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».*

прекращения права собственности, следовательно, право хозяйственного ведения также не прекращается.

Кроме рассмотренного формального аргумента, в защиту права хозяйственного ведения выступают междисциплинарные связи. В научной литературе обоснованно выделяют *режимы общей собственности* (законный, долевой, совместный) и механизмы прекращения таких режимов, что не может признаваться явлением, тождественным прекращению права.

В качестве примеров прекращения правового режима, но не прекращения права приводят: а) выдел доли в натуре; б) раздел имущества, находящегося в общей собственности [2].

Законодатель апеллирует к формулировке «изменение правового режима» в ч. 1 ст. 42 СК РФ¹, где указано, что брачным договором супруги вправе изменить установленный законом режим совместной собственности (статья 34 СК РФ), установить режим совместной, долевой или раздельной собственности на все имущество супругов, на его отдельные виды или на имущество каждого из супругов.

Из буквального содержания приведенной нормы видно, что допустимо три варианта правового режима общей собственности, в число которых входит раздельный режим. Полагаем, что под раздельный режим подпадает ситуация выдела доли в праве собственности в натуре, т. е. превращение долевой собственности в раздельную.

По смыслу Гражданского кодекса РФ, вещные права могут не только возникать и прекращаться, но и изменяться (ст. 8.1, 340, 342). К числу указанных изменений следует относить случай изменения правового режима права собственности, рассмотренный в данной статье.

Таким образом, нет оснований рассматривать в числе случаев прекращения права хозяйственного ведения ситуацию, в которой собственник имущества осуществил выдел доли в праве собственности в натуре, по двум причинам: 1) формально такое основание не указано в федеральном законе и нет какой-либо схожей нормы (к примеру, в отношении права оперативного управления), позволяющей применить аналогию закона; 2) выдел доли свидетельствует о изменении правового режима права собственности, а не о прекращении права собственности.

Полагаем, указанные выводы согласуются с общетеоретическим представлением об абсолютном характере вещных прав как неотъемлемом компоненте стабильного гражданского оборота.

Список литературы

1. *Баринова Е. А.* Вещные права в системе субъективных гражданских прав // Актуальные проблемы гражд. права: сб. ст. Вып. 6.
2. *Иванов А. М.* Основания прекращения общей долевой собственности // Проблемы законности 2014. № 14.

¹ Семейный кодекс Российской Федерации от 29 дек. 1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 13.07.2015) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

АРЕСТ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ НА БАНКОВСКОМ СЧЕТЕ КАК ОБЕСПЕЧИТЕЛЬНАЯ МЕРА В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ*

Глава 8 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации¹ посвящена обеспечительным мерам арбитражного суда. Согласно ст. 90 АПК РФ обеспечительные меры представляют собой срочные временные меры, которые направлены на обеспечение иска или имущественных интересов заявителя. В пункте 1 Постановления Пленума ВАС РФ от 12 октября 2006 г. № 55 «О применении арбитражными судами обеспечительных мер»² обращается внимание на наличие в гл. 8 АПК РФ трех видов обеспечительных мер. К первой группе относятся меры, направленные на обеспечение иска (меры обеспечения иска), ко второй – предварительные обеспечительные меры, обеспечивающие имущественные интересы заявителя до предъявления иска, к третьей – меры обеспечения исполнения судебных актов. Институт обеспечительных мер имеет важное значение для арбитражного процесса, так как данные меры направлены на гарантирование исполнения решения.

Статья 91 АПК РФ предусматривает в качестве одной из обеспечительных мер – наложение ареста на денежные средства (в том числе денежные средства, которые будут поступать на банковский счет) или иное имущество, принадлежащее ответчику и находящиеся у него или других лиц. Данная мера является достаточно распространенной, но в то же время вызывающей немало вопросов.

Предметом рассмотрения арбитражного суда является определенная мера, о применении которой ходатайствует заявитель. Поэтому в заявлении об обеспечении иска должна быть указана конкретная мера, которую просит применить истец (заявитель). Статья 128 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть первая)³ относит безналичные денежные средства к имуществу. АПК РФ выделяет денежные средства как самостоятельный объект ареста. Поэтому, подавая в суд заявление об обеспечении иска, необходимо отдельно от имущества просить о наложении ареста на денежные средства.

© Сыропятова Н. В., 2016

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 16-03-00741 «Система правовых механизмов стимулирования должника к надлежащему исполнению обязательств и гарантирования интересов кредитора в российском гражданском праве»

¹ *Арбитражный* процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 15.02.2016) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 30, ст. 3012.

² *О применении* арбитражными судами обеспечительных мер: постановление Пленума ВАС РФ от 12 окт. 2006 г. № 55 // Вестник ВАС РФ. 2006. № 12.

³ *Гражданский* кодекс Российской Федерации (часть первая): Федер. закон от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ (ред. 31.01.2016) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994, № 32, ст. 3301.

Пунктом 3 статьи 845 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть вторая)¹ предусмотрено, что банк не вправе определять и контролировать направления использования денежных средств клиента и устанавливать другие не предусмотренные законом или договором банковского счета ограничения его права распоряжаться денежными средствами по своему усмотрению. Одно из таких ограничений закреплено в ст. 858 ГК РФ, согласно которой не допускается ограничение прав клиента на распоряжение денежными средствами, находящимися на счете, за исключением наложения ареста на денежные средства, находящиеся на счете, или приостановление операций по счету в случаях, предусмотренных законом. Из данной статьи следует, что наложение ареста на денежные средства, находящиеся на счете, и приостановление операций по счету не являются тождественными понятиями.

В арбитражном процессе речь идет именно об аресте денежных средств на счете. Из статьи 27 ФЗ «О банках и банковской деятельности»² следует, что наложение ареста на денежные средства на счетах и во вкладах или на остаток электронных денежных средств представляет собой прекращение расходных операций по данному счету (вкладу), а также перевод электронных денежных средств в пределах величины остатка электронных денежных средств, на которые наложен арест.

Приостановление же операций по счету – совершенно иная мера. В ГК РФ не раскрывается ее понятие. Из статьи 76 Налогового кодекса Российской Федерации³ следует, что приостановление операций по счету также означает прекращение банком расходных операций по данному счету. Однако данная мера применяется по другим основаниям, в ином порядке, регламентируется иными нормами права.

Разграничение понятий «арест денежных средств» и «приостановление операций по счету» содержалось в информационном письме Президиума ВАС РФ от 25 июля 1996 г. № 6 «О результатах рассмотрения президиумом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации отдельных вопросов судебной практики»⁴. Из пункта 2 следует, что нельзя наложить арест на сам счет ответчика. Аресту подвергаются только те денежные средства, которые числятся на его счете.

В пункте 6 Постановления Пленума ВАС РФ от 31 октября 1996 г. № 13 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федера-

¹ *Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая)*: Федер. закон от 26 янв. 1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 29.06.2015) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996, № 5, ст. 410.

² *О банках и банковской деятельности*: Федер. закон от 2 дек. 1990 г. № 395-1 (ред. от 29.12.2015) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996, № 6, ст. 492.

³ *Налоговый кодекс РФ (часть первая)*: Федер. закон от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ (ред. от 05.04.2016) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998, № 31, ст. 3824.

⁴ *О результатах рассмотрения президиумом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации отдельных вопросов судебной практики*: информационное письмо Президиума ВАС РФ от 25 июля 1996 г. № 6 // Вестник ВАС РФ. 1996, № 10.

ции при рассмотрении дел в суде первой инстанции»¹ также отмечалось, что арест налагается не на его счета в кредитных учреждениях, а на имеющиеся на счетах средства в пределах заявленной суммы иска.

Приостановление операций – это мера, которая затрагивает только порядок исполнения договора банковского счета и может применяться как при наличии, так и при отсутствии денежных средств на счете. Арест денежных средств может быть применен только в отношении тех счетов, с которых в дальнейшем возможно взыскание. Приостановление операций, в отличие от ареста средств на счете, в ряде случаев не требует обязательного обозначения конкретной суммы, в пределах которой действует данная мера.

Из указанных выше материалов практики следует, что долгое время существовала позиция, согласно которой арест мог быть наложен только на те денежные средства, которые на момент предъявления исполнительного листа находились на банковском счете. Данная практика порождала массу проблем и не позволяла эффективно реализовывать обеспечительную функцию. Ведь на момент предъявления в банк исполнительного документа денежных средств могло не оказаться на счете и они могли поступить позже. В связи с этим возникал вопрос о возможности отзыва исполнительного листа и его повторном предъявлении после поступления средств.

В настоящее время данная проблема разрешена на законодательном уровне. Ранее в ст. 91 АПК РФ речь шла лишь о наложении ареста на денежные средства или иное имущество. В действующей редакции АПК РФ в ст. 91 говорится о наложении ареста в том числе и на те денежные средства, которые будут поступать на банковский счет. Существенно изменилась и практика. Согласно пункту 16 постановления Пленума ВАС РФ от 12 октября 2006 г. № 55, арбитражный суд вправе также наложить арест на средства, которые поступят на счета ответчика и корреспондентский счет банка на имя ответчика в будущем, в пределах заявленной суммы требований. В пункте 15 также указано, что при рассмотрении заявления о применении обеспечительных мер в виде наложения ареста на денежные средства, принадлежащие ответчику, необходимо иметь в виду, что арест налагается на имеющиеся на его банковских счетах средства, а также на средства, поступившие на корреспондентский счет банка на имя ответчика, в пределах заявленной суммы требований.

Также в пункте 16 отмечается, что арест денежных средств, находящихся на корреспондентском счете коммерческого банка (иного кредитного учреждения), поступивших на имя ответчика, средств, которые поступят на счет ответчика или корреспондентский счет банка на имя ответчика в будущем, целесообразно производить, если другие меры, предусмотренные ст. 91 АПК РФ, не смогут обеспечить исполнение принятого судебного акта.

¹ *О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в суде первой инстанции: постановление Пленума ВАС РФ от 31 окт. 1996 г. № 13 // Вестник ВАС РФ. 1997. № 1.*

Это требование вполне обоснованно. Несмотря на эффективность наложения ареста на денежные средства на банковских счетах, данная мера может существенно повлиять на права и интересы ряда лиц.

Решая вопрос об обеспечении иска, суд оказывается перед сложной задачей. Необходимо соблюдать баланс интересов сторон и иных лиц. Ведь истец, подавая заявление об обеспечении иска, может преследовать цель «блокировать» деятельность контрагента (ответчика) путем наложения ареста на денежные средства на счете. В результате у ответчика отсутствует возможность пользоваться деньгами, рассчитываться с контрагентами, осуществлять иные платежи. Рассмотрение дел в судах часто носит длительный характер. В связи с этим на определенное время деятельность ответчика может быть практически приостановлена. У него не будет возможности исполнять обязательства перед своими контрагентами, что в итоге повлечет негативные последствия и для них.

На данную проблему было обращено внимание в информационном письме Президиума ВАС РФ от 25 июля 1996 г. № 6. В пункте 2 сказано, что при принятии в качестве обеспечительной меры наложения ареста на денежные средства на счете следует иметь в виду, что при этом затрагиваются охраняемые законом права и интересы третьих лиц (кредиторов ответчика).

Применение данной меры не должно нарушать очередность взыскания денежных средств со счета, установленную ст. 855 ГК РФ. То есть в случае удовлетворения иска присужденная сумма не будет списываться в первоочередном порядке. Должна быть соблюдена очередность, предусмотренная законом.

Как отмечено в информационном письме Президиума ВАС РФ от 25 июля 1996 г. № 6, при наличии у ответчиков кредиторов, которым предоставлено право на получение денежных средств со счета ответчика до взыскания задолженности в пользу истца, и отсутствии на соответствующем счете ответчика иных средств кроме арестованных сумм такие кредиторы вправе обратиться в арбитражный суд с ходатайством о разрешении списать определенные суммы в порядке установленной законом очередности. Обеспечение иска не должно препятствовать исполнению документов в соответствии с очередностью, установленной законом.

АПК РФ предусматривает способы защиты ответчика против обеспечительных мер. К ним относятся отмена мер обеспечения, замена одной меры на другую, предъявление иска о возмещении убытков, причиненных обеспечением иска, использование правил встречного обеспечения.

Подводя итог, стоит отметить, что обеспечительные меры гарантируют интересы кредиторов (истцов, заявителей). Но при этом должен соблюдаться баланс интересов сторон и иных лиц.

УБЫТКИ ЗАРАНЕЕ ОЦЕНЕННЫЕ И ШТРАФНЫЕ: К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ*

В отечественной юридической литературе зачастую происходит отождествление так называемых «штрафных» и заранее оцененных убытков [1]. Но достаточно ли оснований для такого рода утверждений? Ответ на этот вопрос является основной задачей настоящей статьи.

Современное договорное право Англии не признает штрафных убытков, поскольку считается, что «возмещение убытков – не наказание за несоблюдение договорных обязательств, а всего лишь компенсация за потерю в имуществе, которая была вызвана действиями контрагента» [2]. Поэтому суды в случае признания закрепленных в договоре убытков в качестве штрафных снижают размер последних до уровня действительно понесенных убытков.

Закрепление в договоре условий о заранее оцененных убытках преследует достижение цели предупреждения и облегчения процедуры возмещения убытков, в то время как при закреплении в договоре штрафных убытков кредитор лишь стимулирует должника к исполнению под страхом выплаты сверхкомпенсационного возмещения.

При этом для суда, как правило, не имеет принципиального значения наименование соответствующей согласованной суммы возмещения. Анализируя условия договора и придя к выводу о наличии карательной (штрафной) функции у убытков, названных заранее оцененными, суд вправе переклассифицировать такие убытки в качестве штрафных [3]. Как и напротив, условия о штрафных убытках могут рассматриваться как условия о заранее оцененных убытках, если из анализа последствий их выплаты не будет усматриваться штрафная функция и они будут представлять собой разумную оценку предвидимых при заключении договора убытков.

Таким образом, в каждом споре относительно природы согласованной суммы возмещения английские суды выявляют намерения сторон, в том числе при помощи толкования условий договора на момент его заключения. При этом в случае признания согласованной суммы в качестве штрафных убытков истец не лишается права возмещения убытков в обычном порядке [4]. Как отмечает А. С. Панова, схожей позиции относительно разграничения убытков штрафных и заранее оцененных придерживаются судебные инстанции США, Австралии и Новой Зеландии [5].

© Сятчихин А. В., 2016

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ – грант № 16-03-00741 «Система правовых механизмов стимулирования должника к надлежащему исполнению обязательств и гарантирования интересов кредитора в российском гражданском праве».

Выявление природы согласованной суммы может иметь место лишь в том случае, когда ее выплата непосредственно связана с нарушением конкретного условия договора. Так, если происходит добровольное расторжение договора, неисполнение в силу непреодолимой силы и других обстоятельств, не являющихся нарушением договора, то отсутствуют и основания выплаты штрафных или заранее оцененных убытков.

Анализируя судебную практику, английский ученый-юрист Э. Дженкс систематизировал критерии, используемые судами при разграничении заранее оцененных убытков со смежными правовыми явлениями, в том числе штрафными убытками.

Во-первых, согласованная сумма возмещения, об уплате которой стороны договорились в случае нарушения договора, признается штрафом, если она непомерна и никаким образом не соотносится с суммой самых крупных убытков, которые стороны могли предвидеть при заключении договора. Во-вторых, согласованная сумма может служить возмещением на случай нарушения одного или нескольких условий договора, при этом предвидимое нарушение последних может порождать как значительный, так и незначительный ущерб. В первом случае речь должна идти о наличии условий о заранее оцененных убытках, во втором – об убытках штрафных, поскольку сумма последних, как правило, будет многократно превышать размер реально понесенных убытков. В-третьих, согласованная сумма признается в качестве штрафных убытков, если она установлена за нарушение лишь денежного обязательства и последняя значительно превышает подлежащую уплате сумму задолженности. В-четвертых, согласованная сумма признается заранее оцененными убытками и подлежит взысканию в том случае, если она является либо результатом разумной оценки предвидимых при заключении договора убытков, либо если невозможно или крайне затруднительно при заключении договора определить предвидимые последствия нарушения конкретных условий договора [6].

Вопрос определения природы согласованной на случай нарушения договора суммы возмещения, разграничения заранее оцененных и штрафных убытков долгое время разрешался на уровне национальной доктрины и положений законодательства. Это приводит к тому, что функции и действительность подобных условий договора могут терять свою определенность в силу различного толкования в отдельных правовых системах. В условиях международного торгового оборота такое положение дел лишь сдерживает развитие международной торговли.

Учитывая это, а также то обстоятельство, что «в целом ряде международных торговых договоров содержатся положения, обязывающие сторону, не исполнившую обязательства по контакту, выплатить согласованную сумму другой стороне» Комиссия Организации Объединенных Наций по праву международной торговли (ЮНСИТРАЛ) 19 декабря 1983 г. на 101-м пленарном заседании приняла резолюцию A/RES/38/135¹, согласно которой государствам «серь-

¹ *Единообразные* правила, касающиеся договорных условий о согласованной сумме, причитающейся в случае неисполнения обязательства: Резолюция Генер. Ассамблеи Организации

езным образом» рекомендуется рассмотреть Единообразные правила, касающиеся договорных условий о согласованной сумме, причитающейся в случае неисполнения обязательства¹ и применять их либо в форме типового закона, либо в форме конвенции. Однако стоит отметить, что на сегодняшний день указанные правила содержатся лишь в виде проекта Конвенции Организации Объединенных Наций о договорных условиях о согласованной сумме, причитающейся в случае неисполнения обязательства², являющегося, в свою очередь, приложением к Венской конвенции о договорах международной купли-продажи товаров.

Анализ статей 6–8 указанных правил позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, согласованная сумма признается штрафными убытками и подлежит уплате, если она установлена в качестве ответственности за просрочку в исполнении обязательства. Заранее оцененные убытки, согласно правилам, за просрочку обязательства не устанавливаются. Во-вторых, согласованная сумма является штрафными убытками, если она «не может разумно рассматриваться как компенсация за неисполнение». Напротив, заранее оцененные убытки представляют собой попытку разумной оценки предвидимых убытков. В-третьих, кредитор вправе требовать уплаты штрафных убытков совместно с требованием исполнения обязательства. При закреплении в договоре условий о заранее оцененных убытках кредитор в случае нарушения обязательства вправе требовать либо его исполнения, либо выплаты согласованной суммы.

Унификация норм национального законодательства, касающихся регулирования отношений по выплате согласованных сумм в связи с неисполнением обязательства по договорам, иными словами, установление четкого разграничения штрафных и заранее оцененных убытков, ликвидирующее неопределенность в отношении таких положений, по мнению представителей Генеральной Ассамблеи ООН, позволила бы устранить «преграду на пути международных торговых обменов». Нельзя не согласиться в связи с этим с мнением К. В. Нама, что отдельные нормы Единообразных правил позволят сблизить англо-американское и континентальное право в вопросе о характере согласованных сумм, подлежащих взысканию при нарушении договоров [7].

Следующей вехой в унификации норм международного частного права о договорной ответственности является принятие принципов УНИДРУА³. Автор

Объединенных Наций A/RES/38/135 от 19 дек. 1983 г. URL: <http://www.uncitral.org/uncitral/ga/resolutions.html> (дата обращения: 01.03.2016)

¹ *Единообразные* правила, касающиеся договорных условий о согласованной сумме, причитающейся в случае неисполнения обязательства // Ежегодник Комиссии Организации Объединенных Наций по праву междунар. торговли. 1983. Т. XIV. Нью-Йорк, 1985. С. 692–696.

² *Проект* Конвенции Организации Объединенных Наций о договорных условиях о согласованной сумме, причитающейся в случае неисполнения обязательства // Ежегодник Комиссии Организации Объединенных наций по праву междунар. торговли, 1983. Т. XIV. Нью-Йорк, 1985. С. 696–701.

³ *Принципы* УНИДРУА 2010. URL: <http://www.unidroit.org/instruments/commercial-contracts/unidroit-principles-2010> (дата обращения: 01.03.2016).

комментария к Принципам отмечает, что разработчики сознательно дают широкое определение согласованной суммы, подлежащей уплате при неисполнении договора независимо от цели ее закрепления, как со стремлением сторон облегчить процедуру взыскания убытков (заранее оцененные убытки), так и с целью устрашения контрагента и стимулирования к исполнению (штрафные убытки) [8]. Причина этого заключается в наличии различных подходов к действительности подобных условий в национальном праве разных стран. Учитывая частоту применения на практике подобных условий, п. 1 ст. 7.4.13 Принципов признает действительность любого вида оговорок о согласованной сумме, четко не различая природу штрафных и заранее оцененных убытков, как это было сделано в Единообразных правилах.

Как отмечалось ранее, в отечественной юридической литературе можно часто встретить отождествление штрафных и заранее оцененных убытков, обозначение условий о согласованной сумме возмещения не иначе как штрафа, признание заранее оцененных убытков в качестве юридической фикции. Исходя из сказанного выше мы не можем согласиться с подобными суждениями, поскольку пусть категории заранее оцененных и штрафных убытков и представляют собой согласованную сумму возмещения, но относятся к различным видам возмещения. Первые характеризуют компенсационную модель возмещения, вторые – так называемую модель «сверхкомпенсационную». При этом штрафные убытки за нарушение договорных условий в английском договорном праве однозначно не подлежат взысканию, в то время как убытки, заранее оцененные, способствуют восстановлению положения кредитора и поэтому взыскиваются с должника как денежный эквивалент исполнения.

В российской доктрине споры ведутся, в основном, относительно двойственной природы неустойки, которая в одних случаях может преследовать штрафную, в других – компенсационную функцию, напоминая при этом и штрафные, и заранее оцененные убытки. В связи с этим К.В. Нам справедливо отмечает, что «нельзя предположить, что сторона, устанавливая в договоре неустойку, пытается, с одной стороны, прогнозировать свои возможные убытки и облегчить себе доказывание убытков и, с другой стороны, устанавливает наказание для другой стороны, с целью стимулирования ее к надлежащему исполнению договора» [7]. Поддерживая доводы К.В. Нама, стоит отметить, что любая неустойка, пусть и выполняющая компенсационную роль, содержит штрафной элемент, ибо последняя подлежит обязательному взысканию даже при отсутствии фактических убытков.

Подводя общий итог, мы приходим к следующему: отождествление убытков штрафных и заранее оцененных, имеющееся в юридической литературе, основано на неверном представлении о природе рассматриваемых правовых явлений, не имеет под собой ни доктринального, ни законодательного обоснования.

Список литературы

1. *Либанова С. Э.* Возмещение убытков: новый взгляд // *Цивилист*, 2009. № 1 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. *Комаров С. А.* Ответственность в коммерческом обороте. М.: Юрид. лит., 1991. С. 141.

3. Ансон В. А. Основы договорного права / пер. с англ. А. С. Александровского. М.: Междунар. кн., 1947. С. 332.
4. Белых В. С. Качество товаров в английском договоре купли-продажи. М.: Глобус; Изд-во стандартов, 1991. С. 46.
5. Панова А. С. Особенности возмещения убытков и взыскания неустойки за поставку товаров ненадлежащего качества // Право и экономика, 2015. № 1 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Свод английского гражданского права: ученые труды. Вып. IV. Общая часть. Обязательственное право / под ред. Э. Дженкса. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1941. С. 107–108.
7. Нам К.В. Основные направления развития института договорной ответственности в российском гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. С. 155.
8. Принципы международных коммерческих договоров УНИДРУА 2010 / пер. с англ. А. С. Комарова. М.: Статут, 2013 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Э. М. Фролович

старший преподаватель кафедры предпринимательского права,
гражданского и арбитражного процесса ПГНИУ

СУДЕБНЫЕ ИЗДЕРЖКИ В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

Судебные издержки являются сопутствующим элементом реализации права на судебную защиту в большинстве известных арбитражной практике случаев. При этом сторона, понесшая судебные издержки, вправе претендовать на их возмещение в случае вынесения в ее пользу судебного акта по делу – по правилам, установленным гл. 9 Арбитражного процессуального кодекса РФ¹.

Несмотря на то, что данные правила существуют достаточно давно, серьезной проблемой являлось отсутствие стабильной судебной практики и до недавнего времени единообразия в законодательной сфере по данному вопросу.

21 января 2016 года Верховный суд РФ принял постановление², в котором разъяснил вопросы взыскания судебных издержек. Это первое постановление, которое относится ко всем трем процессуальным кодексам: ГПК РФ, АПК РФ и КАС РФ. Таким образом Пленум ВС РФ унифицировал правила взыскания судебных издержек для гражданского, арбитражного и административного процессов [1].

Но вопросы о том, какие именно расходы относятся к судебным издержкам, в каком размере сторона, понесшая судебные издержки, вправе претендовать на их возмещение, каковы отдельные нюансы возмещения судебных издержек, представляются и на сегодняшний день весьма актуальными и требуют

© Фролович Э. М., 2016

¹ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 29.06.2015), с изм. и доп., вступ. в силу с 1 окт. 2015 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 30, ст. 3012.

² О некоторых вопросах применения законодательства возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела: постановление Пленума Верховного суда РФ от 21 янв. 2016 г. // Рос. газета. 2016. № 43.

детального рассмотрения, поскольку судебная практика остается спорной. Проблема носит дискуссионный характер, особенно в части компенсации судебных издержек.

Признавая важность разработок и научных достижений признанных ученых, необходимо отметить, что до настоящего времени нет пока ни одного полного и комплексного монографического исследования, рассматривающего сущность и проблемы института судебных издержек применительно к арбитражному процессуальному праву.

Кроме того, в своем большинстве выводы, рекомендации и наблюдения, касающиеся тех или иных проблемных аспектов института судебных издержек в арбитражном процессе, содержатся в статьях периодических изданий, и имеют фрагментарный характер.

Соответственно правовое регулирование института судебных издержек в арбитражном процессуальном праве требует осмысления, анализа и научного обоснования путей его совершенствования.

Рассмотренные проблемы позволяют заключить:

1. В действующем АПК РФ перечень судебных издержек существенно расширен по сравнению с АПК РФ 1992¹ и 1995² гг. Более того, перечень судебных издержек носит открытый характер: к судебным издержкам могут быть отнесены другие расходы, т. е. прямо не указанные в АПК РФ, при условии, что эти расходы фактически понесены лицами, участвующими в деле, и связаны с рассмотрением этого дела в арбитражном суде.

2. К судебным издержкам в арбитражном процессе следует относить:

1) расходы на оплату услуг представителей и адвокатов,
2) другие расходы, понесенные лицами, участвующими в деле, в связи с рассмотрением дела в арбитражном суде.

К другим расходам относятся:

– денежные суммы, выплачиваемые экспертам (расходы, понесенные в связи с явкой в суд: расходы на проезд, наем жилого помещения, суточные; вознаграждение за работу, выполненную по поручению арбитражного суда, если она не входит в круг их служебных обязанностей);

– денежные суммы, выплачиваемые переводчикам (расходы, понесенные в связи с явкой в суд: расходы на проезд, наем жилого помещения, суточные; вознаграждение за работу, выполненную по поручению арбитражного суда);

– денежные суммы, выплачиваемые свидетелям (расходы, понесенные в связи с явкой в суд: расходы на проезд, наем жилого помещения, суточные; за работающими свидетелями сохраняется средний заработок по месту их работы, неработающие свидетели получают компенсацию за отвлечение их от обычных занятий);

¹ *Арбитражный процессуальный кодекс РФ: утв. Верхов. Советом РФ 5 марта 1992 г. № 2447-1 // Ведомости СНД и Верховного Совета РФ. 1992. № 16, ст. 836.*

² *Арбитражный процессуальный кодекс РФ № 70-ФЗ от 5 мая 1995 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 19, ст. 1709.*

– расходы на совершение таких действий, как осмотр доказательств на месте, и проч.

Таким образом, институт судебных издержек призван компенсировать иные (помимо государственной пошлины) расходы, понесенные в ходе производства по делу.

3. Правила распределения судебных издержек между сторонами следующие:

1) проигравшая сторона обязана возместить судебные издержки стороне, выигравшей дело;

2) в случае если иск удовлетворен частично, судебные расходы относятся на лиц, участвующих в деле, пропорционально размеру удовлетворенных исковых требований;

3) при нарушении претензионного или иного досудебного порядка урегулирования споров либо при злоупотреблении процессуальными правами судебные расходы относятся на лицо, нарушившее досудебный порядок либо злоупотребившее процессуальными правами.

Для определения размера подлежащих взысканию судебных издержек используется принцип разумности расходов на оплату услуг представителя.

4. В целях усовершенствования рассматриваемого института предлагаем следующее:

– правило распределения судебных издержек, закрепленное в ч. 1 ст. 110 АПК, с учетом толкования, придаваемого ему правоприменительной практикой, можно сформулировать следующим образом: «Неправая сторона в споре обязана возместить судебные издержки правой стороне». При этом правоту в споре следует оценивать по резолютивной части судебного акта, разрешающего дело по существу, а в случае его отсутствия – в зависимости от факта злоупотребления правом (для исполнения ответчиком его материально-правовых обязательств потребовался факт обращения истца в суд либо истец обратился в суд без законных на то оснований);

– закрепить в АПК РФ критерии разумности при определении расходов на оплату услуг представителя.

Принцип разумности, с точки зрения оценки и мотивированности размера взыскиваемых расходов, может быть объяснен особенностями споров, подведомственных арбитражному суду: экономическим характером защищаемых правоотношений, ролью представителя в арбитражном процессе, изначально большим размером вознаграждения представителя по делам такой категории.

Список литературы

1. Масаладжиу Р. А. Новое постановление ВС РФ. Какие судебные издержки можно взыскать с оппонента// Юрист компании. 2016. № 2. С. 47–52.

ДОСРОЧНЫЙ ВОЗВРАТ КРЕДИТА ПО ИНИЦИАТИВЕ ЗАЕМЩИКА-ПОТРЕБИТЕЛЯ

В правовых отношениях с кредитными организациями гражданин-заемщик всегда выступает в качестве экономически слабой стороны, что обуславливает необходимость особой защиты его прав. Одним из актуальных средств защиты заемщика-потребителя является предусмотренное законом право на досрочный возврат потребительского кредита, которое позволяет заемщику прекратить отношения с кредитором после заключения договора.

В представленной работе рассматривается вопрос о допустимости взимания комиссии за досрочный возврат кредита заемщиком-потребителем, анализируются значения права на досрочный возврат кредита и проводится сравнительный анализ относительно регулирования данного вопроса в зарубежном законодательстве. Сразу отметим, что правила о досрочном возврате потребительского кредита, рассмотренные в данной работе, аналогично применяются к досрочному возврату потребительского займа.

В последние годы в Российской Федерации юридическая регламентация права заемщика-потребителя на досрочный возврат кредита динамично развивалась, и наиболее неоднозначно стоял вопрос о правомерности взимания с заемщика – физического лица комиссии за досрочный возврат кредита.

Президиум ВАС РФ одним из первых внес ясность в указанную проблему. В пункте 12 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 13 сентября 2011 г. № 146 «Обзор судебной практики по некоторым вопросам, связанным с применением к банкам административной ответственности за нарушение законодательства о защите права потребителей при заключении кредитных договоров» было дано однозначное разъяснение: «Условия кредитного договора о запрете досрочного возврата кредита в течение определенного времени, а также о взимании банком комиссии за досрочный возврат кредита нарушают права потребителя, так как по смыслу положений законодательства о защите прав потребителей банк не вправе отказаться принимать либо иным образом ограничивать досрочное исполнение заемщиком-гражданином обязательств по кредитному договору»¹.

Практически одновременно с разъяснениями Президиума ВАС РФ о незаконности комиссии за досрочный возврат потребительского кредита был при-

нят Федеральный закон от 19 октября 2011 г. № 284-ФЗ «О внесении изменений в статьи 809 и 810 части второй Гражданского кодекса Российской Федерации»¹. Поправками, внесенными в ГК РФ, предусмотрена обязанность заемщика физического лица уведомлять банк о досрочном погашении кредита не менее чем за 30 дней. Если же в качестве заемщика выступает юридическое лицо или индивидуальный предприниматель, то сумма кредита может быть возвращена досрочно лишь с согласия кредитора. Кроме того, ст. 809 ГК РФ была дополнена п. 4, установившим право банка при досрочном возврате суммы кредита на получение с заемщика процентов по договору, начисленных включительно до дня возврата суммы кредита полностью или ее части².

Как верно отмечено в определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда Удмуртской Республики от 9 апреля 2012 г. по делу № 33-576/2012, в порядке применения п. 2 ст. 810 ГК РФ уплачиваемые заемщиком проценты являются платой за пользование кредитом, соответственно при досрочном возврате суммы займа период пользования сокращается и соответственно плата за пользование кредитом не должна увеличиваться путем уплаты комиссии³.

Федеральный закон от 21 декабря 2013 г. № 353-ФЗ «О потребительском кредите (займе)» (далее – Закон № 353-ФЗ) предусмотрел случаи, при которых заемщик вправе досрочно вернуть сумму потребительского кредита даже без предварительного уведомления банка⁴. Так, согласно ч. 2 и 3 ст. 11 Закона № 353-ФЗ, заемщик в течение четырнадцати календарных дней с даты получения потребительского кредита имеет право досрочно вернуть всю сумму потребительского кредита без предварительного уведомления кредитора с уплатой процентов за фактический срок кредитования. Если же потребительский кредит предоставлен с условием использования заемщиком полученных средств на определенные цели, заемщик-потребитель имеет право вернуть досрочно кредитору всю сумму потребительского кредита или ее часть без предварительного уведомления кредитора с уплатой процентов за фактический срок кредитования в течение тридцати календарных дней с даты получения потребительского кредита.

Остаются неясными мотивы законодателя, который в качестве общего правила закрепил право заемщика досрочно вернуть всю сумму потребительского кредита, а в случае получения потребительского кредита, предоставлен-

¹ *О внесении изменений в статьи 809 и 810 части второй Гражданского кодекса Российской Федерации*: Федер. закон от 19 окт. 2011 г. № 284-ФЗ // Рос. газета. 2011. № 237.

² *Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая* от 26 янв. 1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 29.06.2015) // Рос. газета. 1996. № 23.

³ *Определение Верховного суда Удмуртской Республики* от 27 февр. 2012 г. по делу № 33-576/2012. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=SOJ;n=278619> (дата обращения: 13.03.2016).

⁴ *О потребительском кредите (займе)*: Федер. закон от 21 дек. 2013 г. № 353-ФЗ (ред. от 21.07.2014) // Рос. газета. 2013. № 289.

ного с условием использования заемщиком полученных средств на определенные цели, – право досрочно вернуть как всю сумму потребительского кредита, так и ее часть. Полагаем, что в данном случае имела место ошибка законодателя. Представляется необходимым установление единых правил для обоих случаев путем внесения изменений в обозначенную норму права.

Временные промежутки, в течение которых заемщик вправе вернуть суммы потребительского кредита без уведомления кредитора, составляют так называемый период охлаждения, который предоставляется заемщику, чтобы еще раз оценить необходимость получения кредита. Устанавливая право заемщика на досрочный возврат потребительского кредита, законодатель преследует несколько целей.

Во-первых, тем самым достигается защита заемщика-потребителя от агрессивных коммерческих предложений. Право заемщика на досрочный возврат кредита позволяет заемщику изменить свое решение, которое могло быть принято под влиянием кредитора. В этом случае заемщику предоставляется время для обдумывания своего решения в спокойной обстановке, без давления со стороны кредитора.

Во-вторых, учитывается все более широкое распространение практики заключения договоров потребительского кредита дистанционным способом. При таком способе заключения договора у заемщика не всегда есть реальная возможность получить ответы на все возникающие вопросы, касающиеся содержания договора. Это обстоятельство может оказать существенное влияние на решение заемщика-потребителя не пользоваться дистанционным способом заключения договора. Право на досрочный возврат кредита является гарантией того, что в течение определенного срока заемщик может изменить свое решение (например, после очной консультации с кредитором).

В-третьих, достигается обеспечение понимания заемщиком всех условий кредитного продукта, который представляет собой сложную комбинацию кредитных и иных услуг, объединенных общей целью. В кредитный продукт кредиторы могут включать дополнительные условия, а положения договора могут быть сформулированы сложным для восприятия потребителя способом. Несмотря на то, что кредитор обязан проинформировать заемщика об условиях предоставления, использования и возврата потребительского кредита до заключения договора, тот не всегда может получить о кредитном продукте объективное представление на момент заключения договора. Предоставляя заемщику право досрочно вернуть кредит, закон дает заемщику дополнительное время, чтобы оценить собственную кредитоспособность и принять взвешанное решение о целесообразности получения кредита.

Интересно отметить, что в российском праве заемщику-потребителю предоставлена большая правовая защита, нежели в законодательстве ряда других развитых государств.

Так, в преамбуле Директивы ЕС 2008/48 подчеркивается, что заемщик-потребитель должен иметь право на досрочный возврат кредита (early

geraument) без объяснения причин¹. Однако в случае досрочного возврата кредитор имеет право на компенсацию издержек, непосредственно связанных с досрочным погашением, с учетом упущенной кредитором выгоды. Как уже было отмечено, в российском праве взимание банком комиссии за досрочный возврат кредита недопустимо.

Другим примером может послужить закон Австралии о защите прав заемщиков-потребителей (Australian National Consumer Credit Protection Act)². В соответствии со ст. 26 Закона Австралии о защите прав заемщиков-потребителей, кредитор обязан принять любые досрочные платежи заемщика, если иное не установлено кредитным договором. Однако закон допускает взимание кредитором штрафа за отказ от кредита и за досрочный возврат кредита.

В заключение следует еще раз подчеркнуть, что на сегодняшний день взимание банком комиссии за досрочный возврат кредита заемщиком-потребителем недопустимо. Указанная норма имеется в праве далеко не всех стран и, несомненно, позитивно характеризует российское банковское законодательство. В то же время рациональным представляется внесение изменений в ч. 2 ст. 11 Закона № 353-ФЗ и установление права заемщика-потребителя досрочно без уведомления кредитора в установленный законом срок вернуть как всю сумму потребительского кредита, так и ее часть независимо от наличия либо отсутствия целевого характера кредитного договора.

М. М. Хусноярова

студентка IV курса
юридического факультета ПГНИУ

ИСПОЛНЕНИЕ СУДЕБНЫХ АКТОВ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЗАКАЗА

В соответствии с частью 1 статьи 4 Арбитражного процессуального кодекса РФ³ (далее – АПК РФ) лица обращаются к судебной власти с целью защиты своих нарушенных прав и законных интересов. Гарантацией восстановления права заявителя является свойство законной силы судебных актов, под которым

© Хусноярова М. М., 2016

¹ *О договорах* потребительского кредитования и отмене Директивы Совета ЕС 87/102/ЕЭС: директива № 2008/48/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского Союза (Принята в г. Страсбурге 23.04.2008) URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=INT;n=46960> (дата обращения: 13.03.2016).

² *Закон Австралии о защите прав заемщиков-потребителей* (National Consumer Credit Protection Act 2009) // Australian Federal Register of Legislation. URL: <https://www.legislation.gov.au/Details/C2013C00463> (дата обращения: 13.03.2016).

³ *Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации* от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 30.12.2015) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

понимается как их обязательность (ст. 16 АПК РФ), так и возможность принудительного исполнения.

Отсутствие такого принципа лишало бы смысла как предъявление этих требований в суд, так и принятие решений судом. Такие решения значимы для сторон и определяются возможностью исполнения такого акта и степенью удовлетворения интересов истца.

Порядок исполнения судебных актов зависит от вида заявленных требований:

- решения о признании незаконными действия (бездействия) заказчика, уполномоченного органа, оператора электронной площадки;
- решения о признании недействительными решения, предписания контролирующего органа;
- решения о признании недействительным решения контролирующего органа и исключений сведений о заявителе из реестра недобросовестных поставщиков;
- решения о признании недействительным размещения заказа, заключенного контракта;
- решения о принуждении предписания контролирующего органа;
- определения судов о принятии обеспечительных мер по делам об оспаривании решений, предписаний контролирующего органа. Рассмотрим соотношение требований заявителя и полномочия суда первой инстанции на некоторых примерах из указанного перечня.

В делах о признании незаконными действия (бездействия) заказчика, уполномоченного органа незаконность заключается, например, в отклонении заявки участника электронного аукциона. При этом сама по себе позиция суда в отношении незаконности не влечет восстановления положения, существовавшего до нарушения права, поскольку суд не рассматривает заявку участника на размещение заказа и не допускает его к участию в аукционе. Следовательно, одновременно с требованием о признании действий (бездействий) незаконными целесообразно заявлять дополнительные требования. Ими могут быть требование об отмене итогового протокола и возложение обязанности рассмотреть повторно заявки на участие в торгах либо отмена электронного аукциона и проведение повторных торгов.

О признании недействительными решения, предписания контролирующего органа. Обратиться с заявлением о признании размещения заказа недействительным вправе как заинтересованное лицо, так и контролирующие органы. В настоящее время антимонопольные органы обращаются в суд с целью признания размещения заказа недействительным в редких случаях, однако подобная практика складывается. Решение суда в пользу заявителя содержит суждение о недействительности решения контролирующего органа и его предписания, однако не определяет дальнейшей судьбы проведения аукциона в электронной форме, в связи с этим возникает вопрос, вправе ли заказчик и оператор электронной площадки продолжить процедуру размещения заказа. Полагаем, что суждение по этому вопросу должно входить в предмет доказывания по делу.

Таким образом, признание судом недействительным предписания контролирующего органа является достаточным правовым основанием для прекращения осуществления действий, которые направлены на исполнение такого предписания и совершение действий заказчиком по продолжению процедуры размещения заказа. На основании поступившей жалобы контролирующий орган вправе приостановить процедуру размещения закупки, направив уведомление в письменной форме заказчику. В свою очередь это требование является обязательным для исполнения заказчиком.

Согласно закону 44-ФЗ¹, по результатам рассмотрения жалобы контролирующий орган выносит решение и предписание об устранении допущенных нарушений в случаях, предусмотренных законом.

Можно сделать вывод, что приостановление размещения процедуры закупки действует до вынесения решения по поступившей жалобе.

Вынесение предписания об устранении допущенных нарушений является обязательным для его исполнения. Отложить исполнение предписания можно только в случае приостановления его действия в судебном порядке.

В соответствии с частью 2 статьи 201 АПК РФ, если арбитражный суд устанавливает, что ненормативный правовой акт, решения и действия (бездействия) заказчика не соответствуют закону и нарушают права и интересы заявителя в сфере предпринимательской деятельности, то на этом основании принимает решение о признании правового акта недействительным.

О принятии обеспечительных мер по делам об оспаривании решений, предписаний контролирующего органа можно рассуждать на примере случаев исполнения судебного акта, вынесенного в отношении предписаний контролирующего органа.

Типичным примером может быть ситуация, когда выдано предписание об устранении нарушений заказчиком, например: отмена итогового протокола рассмотрения заявок на участие в электронном аукционе, возвращение заявок на этап рассмотрения, продление срока подачи заявок или продолжение процедуры размещения закупки.

При этом участник торгов (победитель торгов) может направить требование о принятии обеспечительных мер в виде приостановления действия выданного предписания. И в силу этого возникает вопрос – является ли приостановление действия предписания основанием для продолжения заказчиком процедуры размещения заказа, т. е. может ли заказчик заключать контракт с победителем торгов, статус которого может измениться в результате рассмотрения жалобы на предписание?

Анализ судебной практики показывает, что в резолютивной части определения суда, как правило, не содержится упоминания о праве заказчика на со-

¹ О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: Федер. закон от 5 апр. 2013 г. № 44-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

вершение действий по продолжению процедуры и праве оператора электронной площадки, который мог бы позволить совершать такие действия заказчику. Кроме того, согласно правовой позиции Высшего арбитражного суда РФ, изложенной в информационном письме Президиума от 13 августа 2004 г. № 83 «О некоторых вопросах, связанных с применением части 3 статьи 199 Арбитражного процессуального кодекса РФ»¹ недопустимо принятие обеспечительных мер, которые могут повлечь за собой утрату возможности исполнения оспариваемого акта, решения при отказе в удовлетворении требований заявителя по существу спора, привести к фактической отмене мер, направленных на будущее исполнение оспариваемого ненормативного правового акта.

Приостановление действия предписания может являться основанием для продолжения процедуры, так как оператор электронной площадки осуществляет разблокирование действий и тем самым предоставляет заказчику права на заключение контракта. Следовательно, одновременно с требованием о приостановлении действия предписания, целесообразно заявлять дополнительные требования, что может являться признанием актов контролирующего органа недействительными.

Реализация принудительного исполнения судебного акта на основе исполнительного листа возможна только в случае, если резолютивная часть судебного акта содержит требование в совершении (воздержании) иными лицами действий в пользу истца. Согласно АПК РФ, только в случае предъявления соответствующих требований заявителем и удовлетворение их судом резолютивная часть решения суда должна содержать предписание об устранении лицом допущенных нарушений.

Р. В. Чикулаев

к. э. н., к. ю. н., доцент кафедры предпринимательского права,
гражданского и арбитражного процесса ПГНИУ

ПРОЦЕССУАЛЬНО-ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ (НА ПРИМЕРЕ ФИНАНСОВЫХ РЫНКОВ)

Предпринимательское право и законодательство в России находится в стадии развития и реформирования ориентировочно с 1991 года, т. е. около 25 лет. За этот период, для примера, ГК РФ претерпел 87 изменений, Федеральный закон «О рынке ценных бумаг» – 61 изменение, Федеральный закон «Об акционерных обществах» – 51 изменение (редакцию). Очевидно, что состояние «раз-

© Чикулаев Р. В., 2016

¹ Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 13 авг. 2004 г. № 83 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

вития» и «реформирования» не может быть тождественно состоянию «стабильности», что объективно делает правовую систему предпринимательства неустойчивой и ставит вопрос о завершении периода ее «высокой динамики». На формирование предпринимательского права и законодательства в рассматриваемый период оказывали влияние разнонаправленные факторы: рецепция и имплементация иностранных норм (что неизбежно в условиях «обнуления» государственно-правовой системы и перехода к рыночным экономическим отношениям), постоянное и разнонаправленное изменение трендов развития (конвергенция и дивергенция мировых правовых систем, сотрудничество и взаимные санкции, повышение информационной открытости и установление новых «железных занавесов») и т. п. Сказанное довольно объективно, ибо никакая национальная правовая система не может не испытывать влияния внешних и внутренних политических и экономических факторов. Заимствованиям из иностранного законодательства о финансовых рынках объясняются, в частности, такие парадоксы российского гражданского права, как институт «собственности без собственника» (доверительное управление) или конструкция хозяйствующего субъекта без статуса юридического лица (паевой инвестиционный фонд).

В когнитивном аспекте неустойчивость правовой системы обуславливает неустойчивость отражающего ее научного мировоззрения. Концептуальные позиции за короткий период менялись от обоснования неограниченной свободы предпринимательства до государственного администрирования экономики, от абсолютизации частной собственности до признания примата государственной собственности на средства производства. При этом некоторые исследователи меняли свои взгляды, едва овладев новым терминологическим аппаратом, обычно представляющим собой транслитерацию заимствованных понятий типа «транспарентность», «комплаенс», «пруденциальное регулирование» и т. п., зачастую не постигнув в полной мере значения понятия-прообраза на языке оригинала.

В подобных условиях выдвинем тезис о том, что стабилизация регулирования предпринимательской деятельности, во-первых, сама по себе представляет собой насущную задачу теории и практики, а во-вторых, должна предусматривать прежде не метаморфозы законодательства, а упорядочение его применения в юридической, в т.ч. судебной, практике.

Исторически экономическое правоприменение в России (а ранее – в СССР) было ведомственно-специальным. Специализация в такой особенной сфере как экономические отношения, вполне оправданна, а в условиях неустойчивой, формирующейся правовой системы – необходима. Вопрос об унификации гражданского и хозяйственного (арбитражного) процесса, безусловно, потребует своего решения и скорее в положительную сторону (единство судебных органов и процессуального закона), но лишь тогда, когда сама правовая система сможет считаться сколько-нибудь устоявшейся. Этот тезис важен сегодня, в период обсуждения единого процессуального кодекса.

Ведомственный режим экономического правосудия в России имеет длительную историю. Созданные в 1832 г. коммерческие суды¹ действовали до 1917 г., а в 1922 г. на смену им пришли арбитражные комиссии², которые в 1931 г. заменил единый Государственный арбитраж СССР³ – прообраз современного арбитражного суда. Действующая на основе закона от 1995 г.⁴ система арбитражных судов претерпела многочисленные изменения, которым следовало взаимосвязанное принятие процессуальных законов – АПК РФ: 1992 г., 1995 г., 2002 г. Основой системы хозяйственного правосудия было определение подведомственности как «экономического спора между организациями, гражданами и предпринимателями» (АПК РФ 1992 г.), «дел по экономическим спорам из гражданских, административных и иных правоотношений» (АПК РФ 1995 г.), «дел по экономическим спорам и других дел, связанных с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности» (АПК РФ 2002 г.). Как видно, определение подведомственности трансформировалось, будучи сосредоточенным на характере спорного отношения, при этом само понятие «экономический спор» по сей день остается формально-логически не раскрытым. С общенаучных позиций, участниками собственно экономических отношений являются не только органы, организации и предприниматели, но и граждане (население).

Дальнейшая трансформация арбитражной подведомственности была связана уже не только с субъектным составом (юридические лица, административные органы), но и с характером отношений, в том числе по поводу определенных объектов. Так, введенные в 2009 г. нормы о корпоративных спорах отнесли к ведению арбитражных судов любые дела по спорам о принадлежности акций, долей, паев, а также споры между участниками юридического лица, в том числе по поводу управления в нем, независимо от предпринимательского статуса участника спора. Логическим продолжением этой тенденции, основанной на безусловной и объективной специфике некоторых правоотношений (к примеру, на финансовом рынке) и объектов прав (к примеру, ценных бумаг), должно стать отнесение к подведомственности арбитражных судов всех без исключения споров, связанных с финансовыми инструментами, независимо от субъекта (гражданин, юридическое лицо и т. п.), разновидности ценной бумаги (документарная, бездокументарная, эмиссионная, иная, производный финансовый инструмент и т. п.). Именно спецификой характера и объекта отношений объ-

¹ Высочайше утвержденное Учреждение коммерческих судов и Устав их судопроизводства: Именной Указ (Государя Императора) от 14 мая 1832 г.

² *Положение о порядке разрешения имущественных споров между государственными учреждениями и предприятиями*: декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 21 сент. 1922 г.

³ *Положение о государственном арбитраже*: постановление ЦИК и СНК СССР от 3 мая 1931 г. № 5/298; *Об утверждении Положения о государственном арбитраже при Совете Министров СССР*: постановление Совмина СССР от 6 июля 1961 г. № 590.

⁴ *Об арбитражных судах в Российской Федерации*: Федер. конституц. закон Рос. Федерации от 28 апр. 1995 г. № 1-ФКЗ.

ясняется нерациональность сохранения части таких споров в ведении судов общей юрисдикции. При этом актуальна задача углубления профессионализма арбитражных судов в таких специфичных областях правосудия как финансовые рынки, коль скоро основания для слияния гражданского и арбитражного судопроизводства, как было обосновано выше, пока не наступили.

Требуют преодоления негативные тенденции, такие как путаница в отношении споров к разряду собственно корпоративных или лишь связанных с ценными бумагами, вынесение разнонаправленных судебных актов по одним и тем же обстоятельствам.¹ Уместно поставить вопрос о внедрении в арбитражную практику, в т. ч. через соответствующие процессуальные нормы, принципов, сходных с теми, которые были закреплены в российском налоговом праве: выявление действительной воли сторон, очевидной цели сделки с возможным отказом в судебной защите действий, хотя бы и внешне правомерных, но явно направленных на извлечение выгоды в обход действующего законодательства, в том числе при использовании нерезидентных компаний, выводе капитала за рубеж.

По словам первого председателя Высшего Арбитражного суда РФ профессора В. Ф. Яковлева, его главной задачей при организации деятельности нового судебного органа было изменение традиционного подхода бывшего Госарбитража, решения которого были направлены на «перекладывание денег из одного государственного кармана в другой»². Полагаем, что задача преодоления тенденциозности, повышения объективности судебных актов актуальна и сегодня. Одним из ключевых изменений в арбитражном процессуальном законодательстве было учреждение в 2003 г.³ новой системы арбитражных судов, установившей обязательность пересмотра судебных актов, принятых по первой инстанции, как минимум, в апелляционном и кассационном порядке. Одной из главных причин такой трансформации, судя по многочисленным научным публикациям того времени, был методологически неверный подход, состоявший в передаче права на пересмотр судебного решения, принятого по первой инстанции, тому же самому арбитражному суду (но в лице «апелляционной инстанции»).

Вместе с тем новые апелляционные суды, как, впрочем, и созданные ранее кассационные суды, возникли не в вакууме, а были сформированы на основе

¹ Резонансный характер имел процесс выкупа акций ОАО «ГМК «Норильский никель»» в 2011 г. у миноритарных акционеров в обход требований ФЗ «Об акционерных обществах», путем объявления о выкупе этих акций нерезидентной 100-процентно дочерней компанией этого же эмитента, спешно ликвидированной после выкупа. Так, в делах № А33-6653/2012, № А50-25523/2014 одно и то же объявление о выкупе признано публичной офертой, а в деле № А33-22500/2014 – не признано.

² Яковлев В. Ф. Стенограмма выступления в Уральской государственной юридической академии. 2007 // Личный архив автора.

³ О внесении изменений и дополнений в Федеральный конституционный закон «Об арбитражных судах в Российской Федерации»: Федер. конституц. закон Рос. Федерации от 4 июля 2003 г. № 4-ФКЗ.

кадров и традиций прежних арбитражных судов в субъектах Российской Федерации. С научных позиций представляет интерес вопрос о том, удалось ли преодолеть тенденциозность пересмотра судебных актов нижестоящих судов вышестоящими судами с учетом нахождения тех и других в одном или различных субъектах Российской Федерации внутри одного судебного округа. Для разрешения такого вопроса могут использоваться данные судебной статистики, которые, будучи обработанными с использованием методов статистической вероятности, позволят определить значение коэффициента случайности или закономерности при разрешении дел вышестоящим судом по отношению к тем или иным нижестоящим судам.

Согласно отчету о работе арбитражных судов¹, статистика апелляционного пересмотра выглядит следующим образом. Пересмотрено дел арбитражными апелляционными судами (нумерация судов с Первого по Двадцать первый) за 1-е полугодие 2015 г. (2014 г. соответственно) в процентах: 1–12,28 % (10,22 %), 2–9,43 % (9,95 %), 3–13,59 % (12,38 %), 4–15,46 % (14,96%), 5–15,62 % (10,09 %), 6–11,02 % (11,47 %), 7–9,66 % (9,65 %), 8–12,61 % (13,69 %), 9–15,71 % (15,82 %), 10–20,62 % (23,7 %), 11–11,82 % (12,33 %), 12–14,44 % (15,65 %), 13–20,99 % (21,83 %), 14–11,72 % (10,88 %), 15–15,78 % (14,7 %), 16–18,06 % (17,19 %), 17–11,95 % (12,61 %), 18–13,83 % (12,52 %), 19–11,48 % (11,97 %), 20–11,05 % (10,51 %), 21–23,56 % (н. д.), всего–14,65 % (14,33 %). Из приведенных данных следует, что доля пересмотра дел в судах апелляционной инстанции распределяется по апелляционным судам неравномерно и варьируется в диапазоне от 9,65 % до 23,7 %, что само по себе (без учета внутренних факторов) является индикатором нестабильности. Средний показатель пересмотра дел во второй (апелляционной) инстанции – около 14,5 % при экстраполяции до высших судебных инстанций стремится к нулевому значению, что само по себе ставит вопрос о значении пересмотра дел в инстанциях выше апелляционной, позволяет охарактеризовать всю судебную систему как преимущественно одно-двухуровневую.

Среди ключевых проблем, корреспондирующих вышеприведенным данным, видится проблема соответствия значения апелляционного пересмотра в смысле содержания норм процессуального закона фактическому положению дел. Так, согласно ст. 33.3 Федерального конституционного закона «Об арбитражных судах в Российской Федерации», ст. 266 АПК РФ, суд апелляционной инстанции обязан повторно рассмотреть дело по правилам суда первой инстанции (с отдельными изъятиями). Вместе с тем в сложившейся практике, с учетом выделения на рассмотрение одного дела в среднем 10–20 минут², вести речь о повторном рассмотрении дела становится бессмысленным. В таких условиях следует прибегнуть либо к пересмотру процессуальных норм об апелляцион-

¹ Данные Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации.

² Данные сервиса: <http://rad.arbitr.ru>.

ном обжаловании (а значит, и системы арбитражного правосудия), либо коренным образом изменить организацию работы апелляционных судов.

Непосредственное внимание к мониторингу экономического правоприменения проявил Президент Российской Федерации В. В. Путин, издав соответствующее распоряжение и заострив внимание судейского сообщества на этом предмете¹. Президент напомнил о противодействии коррупции, предотвращении конфликта интересов и значении Кодекса судейской этики. В свою очередь, необходимо иметь в виду, что еще в 2011 г. также и Конституционный суд Российской Федерации обращал внимание на взаимосвязанное действие норм Конституции Российской Федерации, Кодекса судейской этики, а также системы законов о судах и судьях, устанавливающих повышенную социальную значимость органов судебной власти и ответственность ее носителей, указав, в частности, что элементы конституционно-правового статуса судьи являются не личной его привилегией как гражданина, а средством, призванным обеспечивать публичные интересы, прежде всего интересы правосудия, цель которого – защита прав и свобод человека и гражданина.

Вышесказанное позволяет считать актуальной задачу дальнейшего совершенствования арбитражного правосудия в направлении стабилизации и повышения эффективности экономического правоприменения.

¹ Стенограмма семинара-совещания председателей судов РФ. URL: www.putin-today.ru/archives/21020 (дата обращения: 16.03.2016).

Научное издание

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ ВЕЩНЫХ ПРАВ.
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АРБИТРАЖНОГО ПРОЦЕССА**

Материалы ежегодной научно-практической
конференции молодых ученых
(г. Пермь, ПГНИУ, 6 мая 2016 г.)

Редактор *Л. В. Хлебникова*
Корректор *М. Н. Демидова*
Компьютерная верстка *Ю. О. Ярушиной*

Подписано в печать 26.08.2016. Формат 60×84/16
Усл. печ. л. 7,85. Тираж 50 экз. Заказ ____

Издательский центр
Пермского государственного
национального исследовательского университета.
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Типография ПГНИУ.
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15